

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО КУЛЬТУРЕ
ПСКОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ПСКОВСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Семинар имени академика В.В. Седова

Материалы 55-го заседания, посвященного юбилею
профессора И.К. Лабутиной

(13-15 апреля 2009 года)

Псков, 2010

- Heapost L.*, 2003. Variation of stature in Estonia from the 12th to the 20th Centuries // *Papers on Anthropology*, XII. Tartu, 51-61.
- Heapost L.*, 2006. Anthropological material from the barrow cemetery of the Late Iron Age in Lindora // *Papers on Anthropology*, XV. Tartu, 64-82.
- Heapost L.*, 2007. The Cemetery of Siksälä: osteological and paleodemographical Analysis // *Siksälä: A Community at the Frontiers. Iron Age and Medieval* (ed. Laul S., Valk H.). Appendix IV. CCC Papers 10. Tallinn–Tartu, 213-236.
- Heapost L.*, 2009. Osteometric data and the stature of the population of Eastern Setumaa (Pechory and Izborsk districts) in the 11th–15th century // *Papers on Anthropology*, XVIII. Tartu, 122-143.
- Mark K.*, 1962. Kabertla kalmistu antropoloogiline aines // *Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik II*. Tallinn, 169-181.
- Martin R., Saller K.*, 1957. *Lehrbuch der Anthropologie*, Bd. I. Stuttgart.
- Trotter M., Gleser G.C.*, 1952. Estimation of stature from long bones of American Whites and Negroes // *American Journal of Physical Anthropology*, 16 (1), 463-514.
- Valk H.*, 2009. Hilisrauaaeg (1000/1050–1225) // *Setumaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani*. Tartu, 126-199.

Вл.В. Седов

Церковь Покрова в Колбежицах

Мы до сих пор не знаем многого о псковской средневековой архитектуре. Хотя круг памятников этой особой ветви древнерусского зодчества ограничен и уже обзорим, все еще можно найти памятники, о которых почти ничего не сказано в научной литературе и которые, тем самым, не введены в научный оборот. Данная публикация посвящена архитектуре церкви Покрова в погосте Колбежицы (в некоторых источниках – Колбижицы), которая была разрушена или в 1930-е гг. или во время Великой Отечественной войны и потому не вошла в работы по истории псковской архитектуры.

Погост Колбежицы располагался на правом берегу р. Великая у впадения в нее речки Смолки¹ (рис. 1, 1). Место погоста изучено Б.Н. Харлашовым, обнаружившим здесь большое пятно культурного слоя. Исследователь отметил место обширного селища XII–XIII вв. и меньшее по размерам пятно культурного слоя селища XIV–XVI вв., окружающее место разрушенного храма Покрова (Харлашов, 1986, с. 73-74; 1990, с. 78-80).

Самые ранние сведения о погосте Колбежицы относятся к 70-80 гг. XV в. (в грамоте упоминается выписка из документов Покровской церкви этого погоста) (Марасинова, 1966, с. 63 (№ 25), затем Колбежицы упоминаются в псковских летописях под 1501 г. (ПЛ, вып. 1, с. 86, 252; ПЛ, вып. 2, с. 252) (когда немецкий отряд, взявший Остров и затем неудачно осаждавший Изборск, подходил к поселению в надежде перейти броды через Великую; броды оказались прикрыты заставами псковичей) и под 1634 г. (ПЛ, вып. 2, с. 283) (когда по селам вдоль р. Великой на постое стояли казаки). Погост Колбежицы в XVI в. был центром Колбежицкой губы Завелицкой засады (МАМЮ, 1915, с. 150-153).

Церковь Покрова Богородицы, от которой сейчас сохранился лишь каменный холм, стояла в целости до середины XX в. Храм кратко упоминается в работе

¹ Более распространенное название «Смоленка». (Ред.)

Рис. 1. План с обозначением местоположения каменных храмов в погостах. 1 – церковь Покрова в Колбежицах. 2 – церковь Рождества Богородицы в Старой Уситве.

И.И. Василева (Василев, 1882, с. 137). В научной литературе сведения о церкви встречаются крайне редко. В 1913 г. в «Известиях археологической комиссии» было помещено краткое известие о храме, связанное с прошением причта храма о построении новой колокольни и разрешении ремонта старых частей постройки. В описательной части заметки говорится о четырех прямоугольных в сечении и массивных столбах, поддерживавших купол, о голосниках в стенах и о «маленькой кладовой в стене на хорах», то есть, вероятно, о приделе. Также сообщается о приделах и колокольне, сооруженных в 1879 г. и о существовавшей до перестройки 1889 г. древней звоннице. В статье приводятся данные о надписи на одном из двух древних колоколов, висевших на колокольне: «Божиею милостью Пречистыя

Его Матери Святыя Живоначальныя Троицы в лето 3-е (7003, т.е. 1495 г. – примечание издателя 1913 г.) слит колокол сей времени (?) славнаго града Пскова на праздник день Троицы на память преподобнаго отца нашего мая 30 дня ко храму Покрова Пресвятыя Богородицы в Колбежицы при державе благовернаго царя великаго князя Ивана Васильевича при старосте Никоне» (Известия ..., с. 72)¹. Следует сразу же сказать, что этот колокол не мог быть слит в 1495 г.: в это время во Пскове просто не лили колоколов, а к тому же титулатура «царь и великий князь» относится скорее к Ивану IV, чем к Ивану III. Вероятнее всего этот колокол был слит в 7063 (1555) или 7073 (1565) году, то есть после коронации Ивана IV в 1547 г. и провозглашения Московского царства. Эти колокола могли быть слиты для построенной в середине XVI в. звонницы, но к строительству собственно храма могли не иметь отношения и, вероятно, не имели.

Сведения заметки 1913 г. были взяты из посвященного храму дела Археологической комиссии 1912 г., хранящегося в архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге (ф. 1, д. 340). В том же архиве содержится и метрика храма 1887 г. (Р-III, 44). В первом деле приводятся уже известные нам сведения о форме столбов, о голосниках, о хорах (вход по лестнице на них был с севера), но также даются и ценнейшие сведения об одноабсидной полукруглой форме алтарного

¹ См. также выписку из клировой ведомости 1900 г. (Левин, 2006, с. 434–436). Здесь сведения о посвящении приделов 1879 г. Преображению и Илье Пророку, о кладбищах погоста.

Рис. 2. Прорись архивной фотографии с видом южного фасада церкви Покрова в Колбежицах.

выступа, а также о «лепных арках с зубчиками над окнами», то есть, вероятно, о выложенных из камня «бровках» с зубчиками, подобных бровкам церкви Успения в Мелётове 1461-1462 гг.

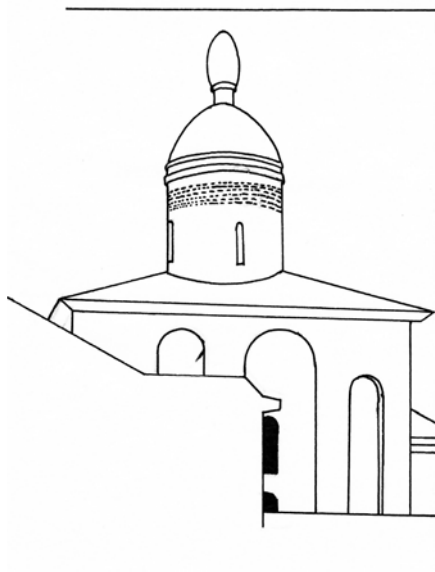
Самыми главными источниками по архитектуре храма являются фотографии и два чертежа фасадов и плана храма Покрова в Колбежицах, содержащиеся в указанном деле 1912 г. Археологической комиссии. На фотографии храма (рис. 2), данной с юга (фотография очень размытая, а потому мы даем прорись), виден южный фасад одноглавого храма с поздней четырехскатной кровлей. Фасад разделен довольно широкими лопатками на три прясла, заканчивающиеся полукружиями (первоначально были, вероятно, лопастные арки, которые потом были переделаны на полукружия – как в церкви Никиты Гусятника 1470 г. в Пскове (Седов, 1986, с. 266-271), немного видна одна абсида с востока, на верху четырехоконного барабана обозначаются пояса фигурной кладки. Уже при первом взгляде мы понимаем, что перед нами памятник псковской средневековой архитектуры.

На имеющемся в деле чертеже 1878 г., подписанном губернским архитектором А.И. Ранвитом (есть и другие подписи, но мы выделяем архитектора), фиксирующем состояние храма до постройки приделов в 1879 г. и показывающем, помимо плана, его западный фасад (рис. 3), видно, что древняя церковь была одноабсидной и четырехстолпной, что у нее был один световой барабан (на чертеже показано 8 окон, а не 4 как на фотографии), что перед храмом с запада выступал притвор, а перед последним – закрытое крыльцо. У юго-западного угла стояла трехпролетная башенная звонница. На чертеже показан и вид храма после перестройки в духе русского стиля: древний притвор, крыльцо и звонница исчезли и были заменены обширной трапезной и двумя приделами по бокам.

План древней части храма, переведенный в метровый масштаб (рис. 4), мы вычертили для того, чтобы яснее обозначилась тяжесть квадратных в сечении подкупольных столбов, одноабсидная форма алтарного выступа и небольшое увеличение западной трети храма – по сравнению с сокращенной восточной третью.

На чертеже 1912 г. (рис. 5) видно, что епархиальным архитектором А.А. Подчекаевым предлагалось снести столбы в древнем храме (и, следовательно, уничтожить и своды, и старый барабан) и устроить над западным притвором 1879 г. высокую колокольню с шатровым верхом. Мы не знаем, были ли осуществлены эти перестройки, против которых возражала Археологическая комиссия.

Еще одним важнейшим источником по архитектуре храма Покрова в Колбежицах служит одна фраза из статьи искусствоведа и археолога В.А. Богусевича,

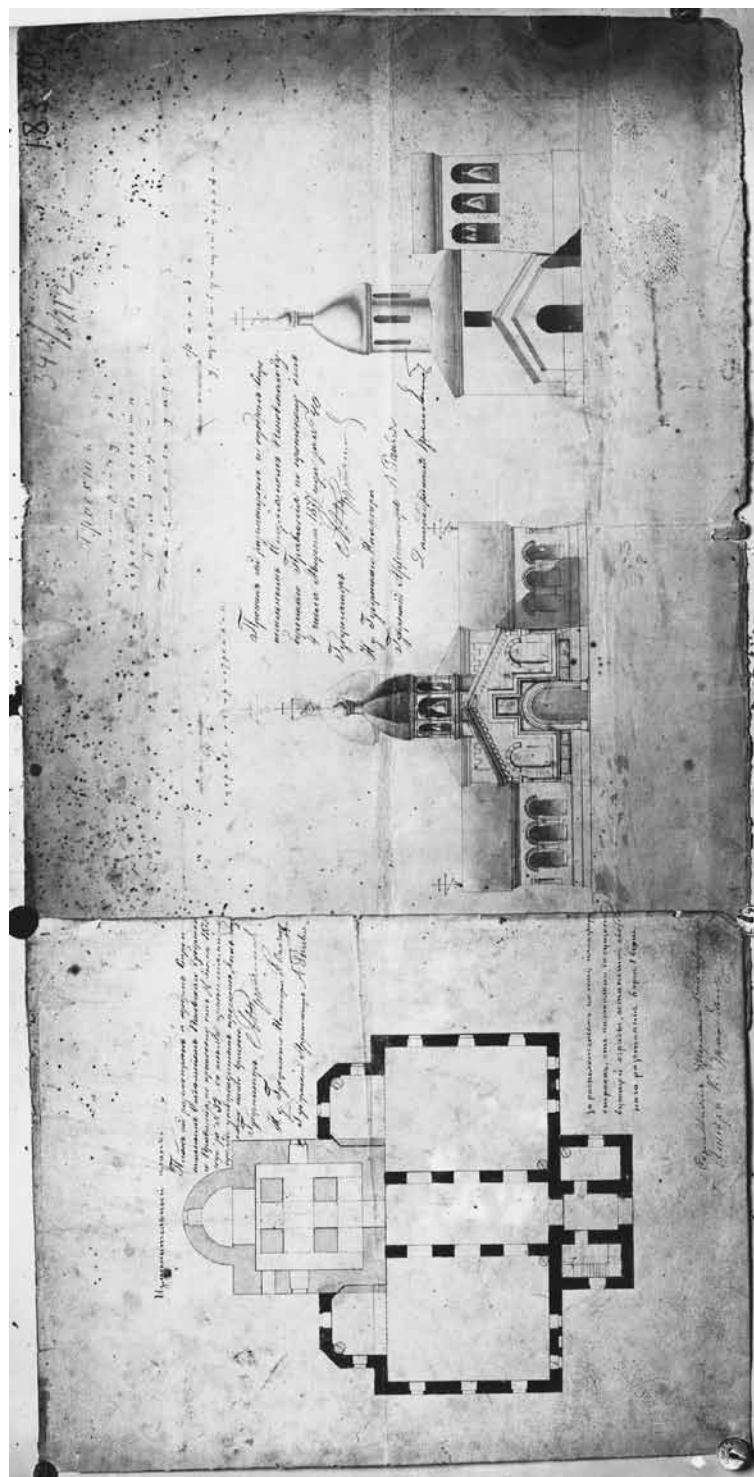

Рис. 3. План древнего храма Покрова в Колбежицах с пристройками; западный фасад до и после перестроек. Чертеж 1878 г. архитектора А.И. Ранвиц.

Рис. 4. Прорись архивного плана церкви Покрова в Колбежицах.

опубликованной в 1934 г. и посвященной надписи на западном портале храма Успения в погосте Мелётово. Исследователь пишет: «Одноабсидная (XV в.) каменная церковь Колбежицкого погоста в Псковском районе, по всем данным, также должна была иметь при сильно поднятых подпружных арках верх, подобный мелетовскому памятнику» (Богусевич, 1934, с.168). Это единственное свидетельство о том, что в храме в Колбежицах были повышенные подпружные арки, но этому свидетельству вдумчивого и тщательного исследователя мы можем доверять (тогда как его вывод о сходстве верхов Мелётова и Колбежиц может быть только простым допущением: многоскатный ступенчатый верх Мелётова, вероятно, уникален).

Все вместе приведенные сведения позволяют составить предварительное мнение об архитектурных особенностях церкви Покрова в Колбежицах.

Одноабсидность этого храма требует обращения к другим памятникам псковской архитектуры в качестве аналогий. В XVI в. одноабсидность в четырехстолпных храмах редко, но все же встречается (укажем на храм Николы в Любятове сере-

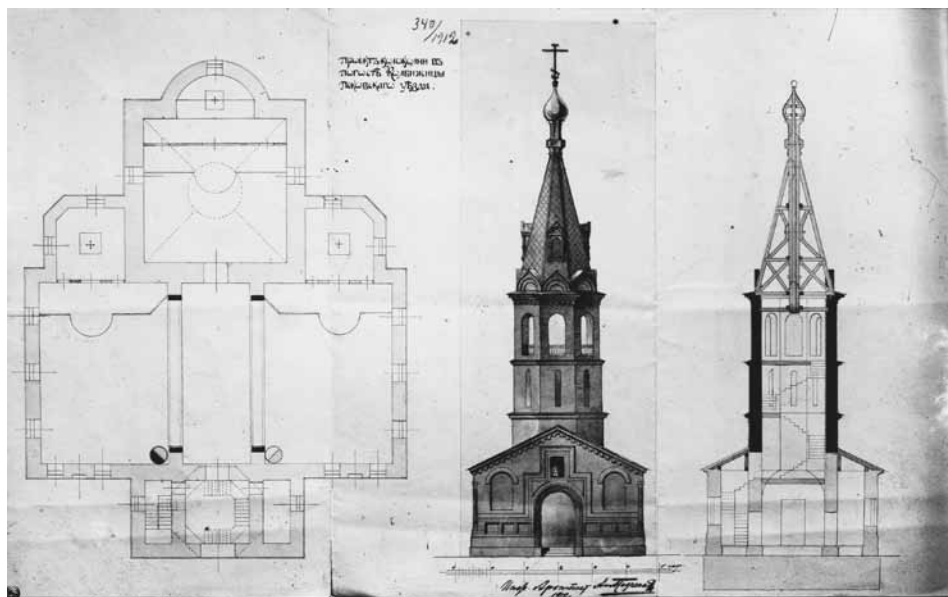
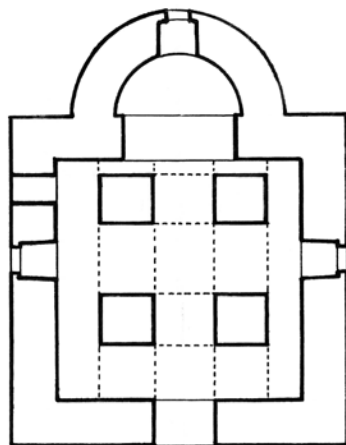

Рис. 5. Проектный план церкви Покрова в Колбежицах с предложенными перестройками; фасад и разрез предполагаемой колокольни. Чертеж архитектора А.А. Подчекаева начала XX в.

Рис. 6. Восточный фасад и абсида церкви Рождества Богородицы в Старой Уситве. Фото начала XX века.

дины XVI столетия, который, правда, первоначально был пятиглавым (Седов, 1987, с. 6-9; 1996, с. 138-141). Но в сочетании с крупными квадратными столбами (такие столбы были до перестройки в церкви Варлаама Хутынского 1495 г. во Пскове) и приделом на хорах одноабсидность ближе к церковным постройкам псковской архитектуры 2-й пол. – конца XV в. В построенных в это время храмах «группы Выбут» (Седов, 1992, с. 116-121; 1992а, с. 65-68; 1993, с. 211-220; 1996а, с. 138-139) (Ильи Пророка в Выбутах, Рождества Богородицы в Новой Уситве, Ильи Пророка в Камно, Георгия в Печках 1483 г.) одноабсидный алтарь сочетался со «слитными сводами» без подпружных арок, тогда как в Колбежицах мы имеем повышенные подпружные арки.

Такое же сочетание одноабсидного алтаря и повышенных подпружных арок под барабаном встречаем только в церкви Рождества Богородицы в погосте Старая Уситва, расположенном несколько выше Колбежиц по течению реки Великой, на правом ее берегу (рис. 1, 2) (Седов, 1992, с. 111-116; 1995, с. 383-388. Этот разрушенный в ту же войну храм, который можно датировать по сообщению о строительстве нового храма в 1471 г., является ближайшей аналогией церкви в Колбежицах: в обоих случаях имеем похожие габариты плана с толстыми стенами, одноабсидный алтарный выступ (рис. 6), украшенный поясками

Рис. 7. Барабан и купол церкви Рождества Богородицы в Старой Уситве. Фото начала XX века.

кладки барабан (рис. 7), приделы на уровне хор в западной части храмов, а главное – указанное сочетание формы алтаря и ступенчатых подпружных арок. Единственное отличие, впрочем, довольно существенное, состоит в том, что в Старой Уситве западные столбы были по-псковски круглыми в сечении (в нижней части, на уровне человеческого роста), а восточные – скругленными к востоку, тогда как в Колбежицах мы имеем массивные квадратные в сечении столбы. Кажется, что это несовпадение говорит о неустоявшемся, переходном характере этих двух храмов, составляющих особую типологическую группу в псковской архитектуре второй половины XV в.

В это время псковская архитектура показывает еще множество необычных или единичных форм, сам тип псковского храма в этот период еще как будто колеблется, то показывая отдельные новгородские формы (к ним в Колбежицах можно отнести и одноабсидность, и квадратное сечение тяжелых подкуольных опор, и вероятно существовавшие бровки с зубчиками над окнами), то сосредотачивая характерно псковские формы (к которым в Колбежицах, безусловно, принадлежат повышенные подпружные арки). Тот же переходный характер демонстрирует и церковь Рождества Богородицы в Старой Уситве.

Если наши предположения и наблюдения верны, то в церкви Покрова в Колбежицах мы находим редчайший памятник эпохи становления псковской архитектурной традиции, представителя небольшой группы (в которую кроме колбежицкого памятника входит пока только храм в Старой Уситве), сочетавшей пришедшую, очевидно, из Новгорода одноабсидную форму алтаря с абсолютно нехарактерными для Новгорода ступенчато-повышенными подпружными арками, которые, вероятно, ни в Колбежицах, ни в Старой Уситве уже не образовывали того ступенчатого верха, как это было в 1460-е гг. в Мелётове. В этих храмах мы вправе предполагать восьмискатное, пофронтонное покрытие, хотя если для Старой Уситвы мы можем, глядя на фотографии фасадов этого храма, утверждать это уверенно, то для Колбежиц мы не должны полностью исключать возможность многоскатного покрытия. Еще раз обратившись к квадратным в сечении столбам колбежицкого памятника, мы должны увидеть в них проявившуюся новгородскую основу, которую вскорости заменят круглые или скругленные столбы и которая встречается и в этом памятнике, и в последующих скорее как архаический рецидив, чем как ясно осознанная форма. Если в Колбежицах были бровки с зубчиками над окнами, то они, как и подобные бровки в Мелётове, тоже выдают новгородское происхождение ряда черт псковской архитектуры второй половины XV в.

Мы не можем пока точно датировать церковь Покрова в Колбежицах, ясно только, что ее постройку следует отнести ко второй половине XV века. Вполне возможно, что этот храм, как и церковь в Старой Уситве, относится к 1470-м гг., но не исключено и несколько более позднее время постройки. В любом случае мы имеем в Колбежицах пример памятника времени отвердевания собственно псковской архитектурной традиции; храм Покрова должен быть отнесен ко времени не позднее 1500 г. (хотя архитектура 1500–1510 гг. нам неизвестна, а потому полностью исключить вероятность появления подобных переходных памятников в самом начале XVI в. нельзя).

Основания церкви Покрова в Колбежицах лежат в земле на незаселенном ныне месте. Этот архитектурно-археологический объект, как и весь погост, заслу-

живает тщательной охраны в настоящем, а в будущем – внимательного и профессионального археологического исследования, которое может выявить ценнейшие сведения, существенно дополняющие имеющиеся соображения по датировке памятника, а также корректирующие данную нами предварительную стилистическую характеристику храма.

ЛИТЕРАТУРА

- Богусевич В.А.*, 1934. Мелетовская надпись // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 7-8.
- Василев И.И.*, 1882. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков.
- Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 50 (Вопросы реставрации. Вып. 12). СПб., 1913.
- Левин Н.Ф.*, 2006. Святые древности Псковского уезда по дореволюционным источникам. Псков.
- Марасинова Л.М.*, 1966. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М.
- Псковские летописи. Вып. 1. М.-Л., 1941. Вып. 2. М., 1955.
- Седов Вл.В.*, 1986. Церковь Никиты Гусятника в Пскове // СА, № 3.
- Седов Вл.В.*, 1987. Церковь Николы XVI в. в Любятковском монастыре // АИППЗ. Псков.
- Седов Вл.В.*, 1992. Псковская архитектура XIV–XV веков. М.
- Седов Вл.В.*, 1992а. Церковь Георгия в Печках // АИППЗ. 1991. Псков.
- Седов Вл.В.*, 1993. Псковские храмы «группы Выбут» // РА, № 1.
- Седов Вл.В.*, 1995. Малоизвестный памятник псковской архитектуры XV в. // Архитектурное наследство. Вып. 38. М.
- Седов Вл.В.*, 1996. Псковская архитектура XVI века. М.
- Седов Вл.В.*, 1996а. Псковские храмы XV века группы Выбут // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб.
- Харлашов Б.Н.*, 1986. Археологическое изучение селищ изборской округи // КСИА. Вып. 183. М.
- Харлашов Б.Н.*, 1990. К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле // СА, № 1.

В.А. Деркач (Жаркова)

Юридические аспекты кладоискательства в России

Научная общественность, сотрудники государственных органов охраны памятников неоднократно пытались привлечь внимание общества и представителей правоохранительных органов к проблеме несанкционированных грабительских раскопок, уничтожению и повреждению памятников археологии. Одними из первых о стремительном росте несанкционированных раскопок заговорили специалисты Института археологии РАН. В 2002 г. журнал «Российская археология» организовал круглый стол для обсуждения этой проблемы, отчасти предвосхитив более широкое её рассмотрение в рамках международной конференции по проблемам нелегальной археологии, состоявшейся в мае 2003 г. в Берлине (Макаров, 2004).

В попытке найти решение существующей проблемы исследователи неоднократно обращались к анализу российского законодательства. В этом процессе необходимо отметить две тенденции. Часть исследователей рассматривает законодательство в сфере охраны культурного наследия в узком смысле, уделяя внимание

возникновению, развитию и реформированию специальных нормативно-правовых актов, образующих отдельное направление в законодательной базе (Жукова, 2007; Смирнов, 2007). Другая — охватывает более широкий круг правовых актов, анализируя не только регулирование отношений в сфере охраны культурного наследия, но и рассматривая меры ответственности за разрушение памятников археологии. Так, например, Н.А. Макаров остро ставит проблему физической сохранности памятников археологии, уделяя внимание правовому статусу объектов археологического наследия (ОАН), не поставленных на учет, моральной оценке деятельности грабителей и анализирует положения УК РФ, предусматривающего уголовную ответственность за разрушение или повреждение объектов культурного наследия (ОКН) (Макаров, 2004).

Отдельно стоит уделить внимание такому виду археологических памятников, как клад. Кладоискательству и продаже металлодетекторов посвящено большое количество сайтов в сети ИНТЕРНЕТ, открываются магазины, торгующие специализированной техникой. В последнее время нередко появляются сообщения о находке и продаже не только предметов старины, добытых при проведении незаконных грабительских раскопок, но и кладов, в том числе обнаруженных на территории Псковской области. На сегодняшний день складывается ситуация, в которой четко прослеживается тенденция к увеличению количества людей, занимающихся незаконными раскопками и поиском артефактов, что ведет к невосполнимой утрате ценной научной информации.

Для исследователя клад — особый вид археологических памятников, ценный источник для изучения торговых связей, социально-экономического и политического развития государства. Материалы псковских кладов неоднократно привлекались исследователями.

Клады, как правило, характеризуются случайностью обнаружения, поэтому находка клада при археологических раскопках скорее счастливая случайность, чем закономерность. Так, из 90 известных на настоящий момент монетных кладов VIII–XVII вв., обнаруженных на территории современной Псковской области, при археологических раскопках найдено всего 3, остальные — случайные находки.

Поиски кладов для простого обывателя всегда считались делом увлекательным и интересным. На настоящий момент для одних это способ заработать, для других — модное хобби, для третьих — способ «познания своей истории».

При рассмотрении законодательной базы, регулирующей поиск кладов и их дальнейшую судьбу, необходимо отойти от научного определения клада — как вида археологических памятников — и идти вслед за буквой закона. В современном законодательстве существует ряд положений, относящихся к кладам напрямую или косвенно.

Основным законом, регулирующим отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, является Федеральный Закон «Об объектах культурного наследия...» от 25 июня 2002 г. (№73-ФЗ).

Статья 3 настоящего №73-ФЗ среди видов ОКН выделяет объекты археологического наследия, под которыми понимаются «частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из источников информации

о которых являются археологические раскопки или находки (№73-ФЗ, ст. 3). Таким образом, следуя логике Закона, клад может рассматриваться двояко. Во-первых, как комплекс движимых предметов, если он *извлечен из культурного слоя известного (охраняемого) памятника*. Однако перечня категорий предметов, которые относятся к движимым объектам археологического наследия, нет. На практике еще необходимо доказать причастность клада к движимым предметам, имеющим отношение к ОАН. Во-вторых, как отдельный вид ОАН, несущий в себе следы существования человека. Согласно №73-ФЗ все ОАН относятся к объектам федерального значения и являются государственной собственностью (№73-ФЗ, ст. 4, 49).

При обнаружении клада возникает право собственности, которое в современном законодательстве регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации. При этом клад является специфическим видом бесхозного имущества. Согласно ст. 233 Гражданского Кодекса РФ (ГК РФ), клад – это «зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право» (ГК РФ, гл. 14, ст. 233).

При этом следует различать понятия *клад* и *находка*. Под *находкой* подразумевается любое имущество, выбывшее из владения собственника, который известен или может быть установлен против его воли (ГК РФ, гл. 14, ст. 227). Отнесение имущества к разряду *клада* предполагает прежде всего определенный состав (деньги или ценные предметы) и способ сокрытия (закапывание в земле или «иной способ»). Таким образом, наличие денег или ценных предметов на поверхности земли будет означать их квалификацию в качестве находки.

По ГК 1964 г. (ст. 148) любой клад являлся собственностью государства, независимо от его состава. Действующий ГК РФ резко ограничивает круг случаев, когда право собственности на клад переходит к государству.

В п.1 ст. 233 ГК РФ изначально указывается, что клад переходит в собственность лица, которому принадлежит имущество (земельный участок, строение и т.п.), где клад был сокрыт, и лица, обнаружившего клад, в равных долях, если соглашением между ними не установлено иное. Такое распределение клада противоречит положениям №73-ФЗ, согласно которому клад, как ОАН, является федеральной собственностью.

П.2 ст. 233 ГК РФ четко оговаривает, когда право собственности на клад приобретает государство. Это происходит только в случае обнаружения клада, содержащего вещи, относящиеся к памятникам истории или культуры. При этом государство приобретает право собственности только на вещи, которые принадлежат к памятникам истории или культуры, а не клад в целом. Другие вещи из того же клада, не относящиеся к памятникам, не становятся собственностью государства (Комментарии к ГК РФ, 2003, с.544-545). Исчерпывающего перечня таких объектов нет. Поэтому вопрос в случае спора должен решаться судом на основании научной экспертизы (Комментарии к ГК РФ, 1997, с. 455).

Этот же пункт устанавливает обязательство по выплате в случае перехода клада в государственную собственность. Выплата и распределение вознаграждения между собственником земельного участка и лицом, обнаружившим клад, распределяется в указанной выше пропорции (ГК РФ, гл. 14, ст. 233, п. 2). При обнаружении клада лицом, производившим раскопки или поиски ценностей без согласия собственника имущества, где клад был сокрыт, вознаграждение этому лицу не выпла-

чивается и полностью поступает собственнику. Правила настоящей статьи не применяются к лицам, в круг трудовых или служебных обязанностей которых входило проведение раскопок и поиска, направленных на обнаружение клада.

Таким образом, в современном законодательстве клад рассматривается как предмет собственности, а не объект культурного наследия. При этом не имеет значения, при каких обстоятельствах обнаружен клад: случайная находка или результат преднамеренного поиска. Несмотря на существование отдельной статьи, регулирующей правовые отношения при обнаружении клада, существует ряд вопросов и проблем, не решенных современным законодательством. Не оговаривается процедура, т.е. круг лиц или органов, учреждений, правомочных проводить оценку или экспертизу обнаруженного клада и процесс передачи его в государственную собственность. Оставлен открытым вопрос, какой именно государственный орган обязан уплатить вознаграждение; какой именно орган государственной власти (местного управления) должен давать согласие гражданину на поиски клада на земельном участке, находящемся в государственной собственности; какую форму должно иметь согласие, разрешение на поиски клада; кто должен регулировать и контролировать процесс кладоискательства; в какие сроки необходимо объявить о находке клада.

Зачастую кладов обнаруживают не археологи, а люди, осуществляющие целенаправленный поиск ценностей с помощью металлодетекторов. Современное законодательство не предусматривает прямого применения штрафных санкций за утаивание кладов. Закон о милиции от 18 апреля 1991 г. в разделе «Обязанности и права милиции» гласит: «принимать неотложные меры по обеспечению сохранности имущества и кладов до передачи их в ведение соответствующих государственных органов и должностных лиц» (Закон РФ от 18.04.1991 г. № 1026-1, ст. 10, п. 20). Однако данная статья не возлагает на органы внутренних дел обязанности по изъятию кладов у населения, а предполагает обеспечение сохранности найденных и сданных в милицию документов, вещей и ценностей.

Если рассматривать клад как объект, содержащий вещи, имеющие историко-культурную ценность, утаивание клада может квалифицироваться по ст. 164 Уголовного Кодекса (УК) РФ, предусматривающей наказание за хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

Порядок определения особой ценности похищенных предметов разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Совета РФ от 25.04.95 г. № 5: «Особая историческая, научная или культурная ценность похищенных предметов или документов определяется на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории науки, культуры». Для квалификации преступления по данной статье не имеет значения, каким способом совершено хищение названных в ней предметов или документов. Таковыми могут быть кража, мошенничество, грабеж, разбой, присвоение и растрата. Хищение предметов и документов, имеющих особую ценность, считается оконченным с того момента, когда виновный завладел этими предметами и получил возможность распорядиться ими по своему усмотрению (Комментарии к УК РФ, 1997, с. 379).

Примерный перечень культурных ценностей, которые могут быть предметом рассматриваемого преступления содержится в ст. 7 Закона РФ №4804-1 от

15.04.1993 г. «О вывозе и ввозе культурных ценностей». На основании экспертного заключения любая из перечисленных культурных ценностей может быть признана предметом хищения, предусмотренного ст. 164 УК РФ.

Согласно ст. 243 УК РФ уничтожение или порча памятников истории, культуры, природных комплексов или иных объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность, влечет за собой уголовное наказание. Таким образом, не сами поиски кладов, а действия на территории ОКН, влекущие за собой уничтожение или порчу памятников истории, уголовно наказуемы. Несмотря на существование уголовного наказания за разрушение памятников археологии, на практике чаще всего применяется ст. 7.14, 7.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КАП), предусматривающих наказание за проведение земляных, строительных и иных работ без разрешения государственного органа охраны ОКН и ведение археологических разведок или раскопок без разрешения.

В действительности возникают другие проблемы. Во-первых, чаще всего археологи сталкиваются только со следами незаконных раскопок, следами работы с металлодетектором, а не с самими грабителями. Это обстоятельство значительно затрудняет возможность доказательства причастия к преступлению и делает его практически невозможным. Во-вторых, наказание, в частности штрафы, предусмотренные современным законодательством, слишком малы и не воспринимаются как наказание.

Подводя итоги современного состояния законодательной базы, необходимо отметить, что на настоящий момент клад рассматривается как предмет собственности. В связи с этим на них напрямую не распространяются положения законодательства об охране ОКН. Отсутствие единой терминологии в законодательных актах затрудняет применение тех или иных положений закона. С точки зрения законодателя клад не является категорией археологических находок. Очевидно, что для сохранения ценной научной информации, которую содержит клад как ОАН, необходимо изменить подход к этой категории находок.

Решение этой проблемы должно проходить по двум направлениям. Во-первых, создание прецедентов на основе имеющейся законодательной базы: возбуждение уголовных и административных дел за незаконные поиски, утаивание и продажу кладов; изъятие находок и инструментов. Во-вторых, совершенствование и доработка существующих положений закона, в результате которых необходимо: устранить противоречие между законодательными актами; ввести понятие *клад* как ОАН в №73-ФЗ; гарантировать передачу клада, обладающего научной ценностью, государству как единого комплекса; определить сроки, механизм передачи обнаруженного клада уполномоченным органам; прописать процедуру, форму и уполномоченные органы при выдаче разрешения на поиски кладов; ввести наказание и штрафные санкции за утаивание и незаконные поиски кладов; обеспечить законодательное регулирование или запрет использования металлодетекторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Гражданский Кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ (ред. от 27.12.2009 г.).
- Жукова Е.Н.*, 2007. Законодательство по охране археологических памятников в России до 1917 года // Тверской археологический сборник. Вып. 6, том II. Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь.
- Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 (ред. от 17.07.2009 г.) «О вывозе и ввозе культурных ценностей».
- Закон РФ от 18.04.1991 № 1026-1 (ред. от 29.12.2009 г.) «О милиции».
- Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (в ред. 21.12.2009 г.).
- Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой, 2003. М.
- Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный), 1997. М.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, 1997. М.
- Макаров Н.А.*, 2004. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России // Мир истории. №1. М.
- Постановление Пленума Верховного Совета РФ от 25 апреля 1995 г. №5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности».
- Смирнов А.С.*, 2007. Законодательство об охране памятников археологии (История и современное состояние) // Тверской археологический сборник. Вып. 6, том II. Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь.
- Уголовный Кодекс РФ от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (ред. от 29.12.2009 г.).
- Федеральный Закон от 25 июня 2002 г. №73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ

А.А. Егорейченко

К вопросу о погребальном обряде у племен культур штрихованной керамики

Лесную зону Восточной Европы населяли балтские и финно-угорские племена, оставившие ряд археологических культур: штрихованной керамики, днепровскую, верхнеокскую, дьяковскую, городецкую и др. Все они имели достаточно близкий уровень социально-экономического развития, который объясняется сходной средой обитания, с близкими природно-климатическими характеристиками и удаленностью от более развитых племен и народов юга и запада. Одной из объединяющих черт всех этих этнокультурных общностей является то, что до настоящего времени погребальный обряд этих племен остается неизвестным. Имеющиеся отдельные факты, например «домик мертвых» на дьяковском городище Березняки, открытый П.Н. Третьяковым, по-видимому, представляют собой исключение из правил и не могут дать ответ на вопрос о традиционной погребальной обрядности населения лесной полосы.

Не составляют исключения в этом плане и носители культур штрихованной керамики, заселявших западную часть лесной зоны Восточной Европы. Несмотря на длительную историю археологического изучения (Егорейченко, 2006, с. 5-12), захоронения, достоверно увязанные с этими племенами, остаются неизвестными.

Первая публикация, в которой содержатся сведения о предполагаемых захоронениях населения, оставившего штрихованную керамику, принадлежит литовскому археологу П.Ф. Тарасенко. В 1933 г. им были проведены раскопки холмового городища Вялекушкес на территории Северо-Восточной Литвы, где в ряде мест были выявлены захоронения (Тарасенко, 1952, с. 86-91). Так, по данным П.Ф. Тарасенко, в южной части площадки городища открыто 15 кострищ диаметром 1-1,5 м, обложенных камнями, в которых встречались кальцинированные кости. Никаких находок в этих кострищах, за исключением кусочков охры, не обнаружено. К сожалению, автор не сообщает результаты антропологического анализа пережженных костей, а само описание кострищ (форма, размеры, наличие песчаного или глиняного пода, обкладка его камнями) позволяет предполагать, что обнаруженные им объекты являются не чем иным, как очагами, типичными для культуры ранней штрихованной керамики (КРШК).

Еще 22 предполагаемых захоронения с кремацией были выявлены В.Р. Тарасенко в рвах, выкопанных у подножия холма. В отличие от «погребений» на площадке, они сопровождались различными вещами: железным копьем, пряслицем, серебряными браслетом и фрагментом шейной гривны из крученой проволоки и др.

В целом эти погребения по вещевому комплексу он датировал I–IV вв. н. э. (Тарасенко, 1952, с. 88). К сожалению, рисунки находок не приведены, а их поверхностное описание, в частности браслета и гривны, позволяет с определенной степенью осторожности отнести эти вещи к середине – третьей четверти I тыс. н. э. Для культуры поздней штрихованной керамики (КПШК), хронологические рамки которой действительно приходятся на I–IV вв. н. э., подобные изделия не были характерны.

Большого внимания заслуживают два частично обожженных скелета, обнаруженные в культурном слое городища Вялекушкес на глубине 0,15–0,2 м. Они находились в могильной яме диаметром 1,2 м и глубиной 0,3 м. Один из захороненных лежал лицом вниз, второй – вверх. Данные об ориентировке покойных, положению рук и ног не сообщаются. Рядом с костяками были обнаружены: железный рыболовный крючок, черепок с «чеканным» орнаментом, кусочки охры, обугленные зерна пшеницы и ячменя, фрагменты льняной ткани и рыболовной сети. Судя по орнаментированному обломку сосуда и железному крючку, эти останки могли действительно принадлежать носителям КПШК, однако размещение их на площадке городища и неполная кремация вероятней всего свидетельствуют о каких-то исключительных обстоятельствах погребения покойных на территории поселения, и они не могут характеризовать погребальный обряд племен этой общности в целом.

В 1979–1983 гг. при исследовании грунтового могильника Обяляй в 80 км северо-западнее г. Вильнюса В.Ф. Урбанавичюс нашел каменную вымостку длиной 10 м, которая вела к срезу воды озера. В самом озере на расстоянии 10 м от берега был обнаружен бугор, состоявший из кальцинированных костей, угля, золы, многочисленных обломков посуды и вещей, имевших следы воздействия огня. По находкам отдельных черепков со штриховкой, найденных в воде вне этого скопления, автор пришел к выводу о том, что могильник мог принадлежать носителям культуры штрихованной керамики (Урбанавичюс, 1987, с. 75, 76). Изложенные в краткой публикации факты и выводы вызывают целый ряд вопросов и не позволяют согласиться с предложенной трактовкой. Во-первых, трудно представить, чтобы в воде на протяжении более чем полутора тысяч лет сохранился уголь, а тем более пепел. Во-вторых, единичные фрагменты штрихованной керамики, судя по описанию, не происходят из скопления и не могут диагностировать культурную принадлежность предполагаемого могильника. Что же касается находок непосредственно из бугра, то их характеристика отсутствует. В-третьих, ошибочным представляется мнение автора о том, что в конце IV в. н.э. в культуре штрихованной керамики появляется курганный обряд погребения с трупоположением. К этому времени культура практически прекращает свое существование, а появление курганов в ее ареале в конце II – начале III вв. н. э. (а не в конце IV в.) связано с приходом нового населения и постепенным формированием здесь культуры восточнолитовских курганов.

Не согласен с трактовкой культурной принадлежности обяляйских захоронений и Э.М. Зайковский (Зайковский, 1992, с. 104). Он в свою очередь предложил реконструкцию погребального обряда «штриховиков», опираясь на очень поздний текст вставки в «Хронике» Иоанна Малалы (1261 г.). По мнению Э.М. Зайковского, в этой легендарной записи содержатся сведения о хронологически последовательной смене форм погребальной обрядности на территории летописной Литвы, начиная с конца неолита – начала эпохи бронзы и вплоть до принятия христианства. Этапу культуры штрихованной керамики, как считает этот исследователь со ссыл-

кой на белорусский фольклор, соответствовали захоронения в дуплах деревьев, в результате чего их следы неуловимы (Зайковский, 1992, с. 105, 106). Предложенная трактовка оригинальна, однако она имеет умозрительный характер и практически не доказуема. Представляется маловероятным, чтобы хронист XIII в. мог знать изменения в погребальной обрядности на протяжении нескольких тысяч лет с учетом неоднократных миграций и метисации различных групп населения.

В 1989, 1990 гг. А.Б. Лухтан, ведя раскопки поселения в пойменной части р. Нярис близ Кярнаве, обнаружил 5 захоронений с кремированными останками, находящимися среди каменных скоплений в урнах или без них (Luchtanas, 1992, p. 35-39), и отнес их к культуре штрихованной керамики. Проведенные им параллели с ранними памятниками типа Начи (Ланкишки) совершенно оправданны, однако последние, равно как и сами захоронения в Кярнаве, не вписываются в ареал КРШК. Профилированная урна из погребения, несмотря на штриховку, отлична от штрихованных горшков, типичных для I тыс. до н.э. в основном ареале. Таким образом, увязывать грунтовый могильник с кремацией в Кярнаве именно с носителями КРШК нет серьезных оснований.

В 1999-2007 гг. автором велись исследования городища Ратюнки Браславского р-на Витебской обл., содержащего напластования различных эпох. Как показали раскопки, это укрепленное поселение было основано во 2-й пол. II тыс. до н.э. носителями днепро-двинской культуры, однако уже скоро, по-видимому, в конце II – начале I тыс. до н. э. их сменили племена КРШК, а с рубежа эр – КРШК. Среди более поздних отложений есть балтские материалы середины – третьей четверти I тыс. н.э. и древнерусские вплоть до XIII в.

В 2003 г. при исследовании южной части площадки городища в культурном слое неожиданно были выявлены 4 захоронения, совершенные по обряду ингумации. Глубина их залегания составляла 0,8 м от уровня дневной поверхности. Контуры могильных ям не прослеживались. Наибольший интерес представляло компактное, по-видимому, семейное захоронение трех человек. Все они были ориентированы головой на восток, а их ноги – слегка поджаты в коленях (рис. 1). Скелеты принадлежали взрослому мужчине ростом примерно 170 см, юноше или девушке (пол не определен) ростом 140 см и лежащему между ними ребенку не старше 3-5 лет¹. Какие-либо находки рядом с погребенными отсутствовали. Четвертое, одиночное захоронение находилось в 2 м западнее предыдущих на той же глубине. В отличие от них, оно оказалось сильно поврежденным. От скелета уцелели череп, позвонки, тазовые кости, часть ребер и костей рук (рис. 2). Ориентировка костяка – также точная. По определению И.И. Саливон, он принадлежал женщине старше 50 лет. И в этом случае погребальный инвентарь отсутствовал. Исходя из стратиграфических наблюдений (достаточно большая глубина, расположение скелетов ниже уровня непотревоженной песчаной подсыпки, перекрывшей захоронения на глубине 0,3-0,4 м) и ориентировки костяков, можно было с уверенностью утверждать, что эти захоронения были совершены в дохристианское время, однако более точное время погребения покойных оставалось открытым. Наиболее приемлемой казалась версия, согласно которой захоронения могли быть совершены в период с конца IV по VII вв. н.э. Именно в это время активная жизнь протекала на расположенном у подножия холма селище, в то время как само городище, вероятней всего, использова-

¹ Определение д. мед. н., в.н.с. ИИ НАН Беларуси И.И. Саливон.

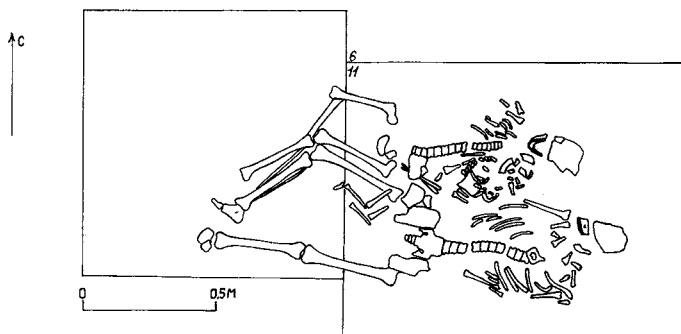

Рис. 1. Семейное захоронение на городище Ратюнки.

Рис. 2. Женское погребение на городище Ратюнки.

Таблица I. Радиоуглеродные даты человеческих костей из городища Ратюнки.

№ п/п	Лабораторный номер	C ¹⁴ BP	Калибровочный возраст		Материал
			1 (68,3 %)	2 (95,4)	
1	IGSB-1079	2350±80	754-698CaBC 532-358CaBC 286-252CaBC 222-214CaBC	762-626CaBC 598-338CaBC 320-200CaBC	Кость
2	IGSB-1080	2550±75	806-754CaBC 692-534CaBC	822-474CaBC 458-412CaBC	Кость

лось в качестве убежища. Позднее часть костей (мужского и юношеского) из коллективного захоронения была передана на радиоуглеродный анализ.¹ Его результаты оказались неожиданными – датировка двух образцов варьировала в рамках от IX до III вв. до н.э. – периода господства на городище носителей КРШК (табл. I).

Если данные радиоуглеродного датирования верны, то следует признать, что на городище Ратюнки выявлены первые достоверные захоронения этой культуры. Однако они, вероятнее всего, были совершены в результате каких-то чрезвычайных обстоятельств, поскольку находились в пределах жилой площадки, и не могут дать окончательного ответа на вопрос, каким был погребальный обряд у этого населения. Можно лишь предполагать, что это были трупоположения с восточной ориентировкой. Подобная версия оставляет надежду на поиск могильников этой культу-

¹ Радиоуглеродное датирование проведено в лаборатории литоидрогеохимии (группа геохимии изотопов) Института геологических наук НАН Беларуси. Заведующий лабораторией – кандидат геолого-минералогических наук Н.Д. Михайлов.

ры вблизи мест поселений. Что же касается погребального обряда носителей КППШК, то он мог быть связан с кремацией покойных. По крайней мере подобные захоронения были характерны для многих соседних синхронных культур, в том числе и провинциально-римских, оказавших заметное влияние на носителей культуры поздней штрихованной керамики. Возможно, остатки кремации не захоронивали в земле, вследствие чего они не оставляют следов. Таким образом, имеющиеся в настоящее время в распоряжении исследователей отдельные факты все еще оставляют открытым вопрос о погребальной обрядности населения, оставившего штрихованную керамику.

ЛИТЕРАТУРА

- Егорейченко А.А., 2006. Культуры штрихованной керамики. Мн.
Зайковский Э., 1992. О погребальном обряде у населения культуры штрихованной керамики // Lietuvos archeologija. Т. 9. Vilnius. P 104-106.
Тарасенко П.Ф., 1952. Городища Литвы // КСИИМК. Вып. XLII. С. 86-91.
Урбанавичюс В.Ф., 1987. Захоронения в воде: находки и интерпретация // АИППЗ. Псков. С. 75, 76.
Luchtanas A., 1992. Ankstyvojo geležies amžiaus kernavės kapinynas // Lietuvos archeologija. Т. 9. Vilnius. P. 35-39.

Е.Р. Михайлова

Поясная гарнитура и поясные наборы КДК

Одна из наиболее изменчивых и значимых категорий вещевого материала – это металлические украшения и детали одежды. Настоящая статья посвящена поясным пряжкам, накладкам и другим деталям поясной гарнитуры, происходящим из погребальных памятников культуры псковских длинных курганов (далее – КДК).

Пряжки.

В КДК известны находки пряжек нескольких типов.

Округлые пряжки. Наиболее многочисленны пряжки с округлой или овальной (иногда сегментированной) рамкой (рис. 1). Бронзовые пряжки с округлой рамкой представлены в 10 мужских погребениях (12 экземпляров). Часть их – отдельные, другие снабжены обоймами из тонкого бронзового листа. Известны 3 железные пряжки с круглой рамкой, все – без щитка.

Одна из самых ранних типологически – находка в кургане 2 могильника Полибино. Это пряжка с округлой сегментированной рамкой, орнаментированной мелкими ямками, и сильно выступающим язычком с уступом в основании, орнаментированным поперечными бороздками (рис. 1: 3). Я.В. Станкевич, отметив архаичность облика, датировала пряжку V в. н. э. (Станкевич, 1962, с. 34). И. Вернер связал пряжку из Полибина с дунайскими формами второй половины V в. (Werner, 1981, s. 700). С.Ю. Каргапольцев указал еще ряд аналогий, также относящихся к пятому столетию (Каргапольцев, 1994). Можно указать еще несколько подобных пряжек: из погребения 1 могильника Вайсенфельс в Германии (480–525 гг.); из разрушенного погребения эпохи переселения народов в Залкод в Венгрии; из гепид-

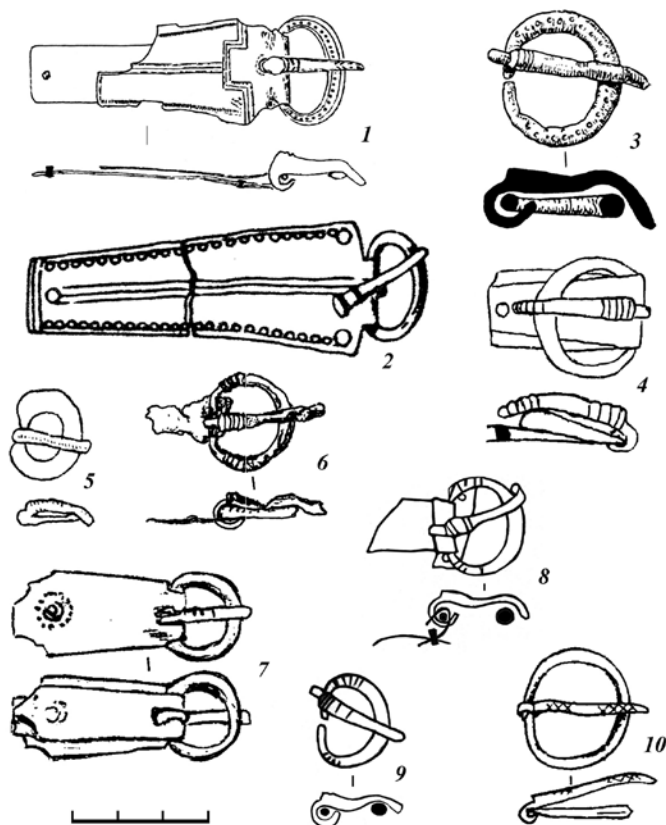

Рис. 1. Пряжки с округлой рамкой из погребений КПДК: 1 – Городня, к. 2, п. 2; 2 – Лезги I, к. 6, грунт. п.; 3 – Полибино I, к. 2; 4-5 – Потерпелицы I, к. 10, п. 13; 6 – Потерпелицы I, к. 6, п. 4; 7 – Шихино, к. 25, п. 1; 8-9 – Рысна-Сааре II, к. 6, п. 4; 10 – Любахин I, к. 2, п. 5 (1-10 – бронза).

ского могильника Ходмезовашархели-Шошхалом (Schmidt, 1976, taf. 112: e; Germanen..., 1987, taf. 8c; Cseh et al., 2005, taf. 19: 4).

Типологически близка полибинской пряжка из Городни – с массивным литым профилированным язычком и рядом ямок на округлой рамке (Чернягин, 1941, табл. I: 13). В отличие от полибинской, пряжка из Городни снабжена щитком-обоймой (см. рис. 1: 1).

Еще один хронологически значимый признак – язычки пряжек. На ряде округлых пряжек КДК они хоботковидные – довольно толстые, округлые в сечении, ступенчато срезанные сзади, выступающие за рамку пряжки. Такие язычки свойственны пряжкам IV–V вв.

На отдельных хоботковидных язычках (Полибино, Потерпелицы I) имеются поперечные нарезки на конце и основании язычка (рис. 1: 1, 4, 6-9). Нижняя хронологическая граница украшения хоботковидных язычков поперечными нарезками соответствует началу периода D2 по Я. Тейралу (380/400 гг.), верхняя – определена не до конца, но вряд ли выйдет за пределы первой трети VI в. Такие нарезки на язычках пряжек отмечены на Дунае, в Южном Крыму, в могильнике Дюрсо, в Юго-

Восточной Прибалтике (Tejral, 1988, Abb. 14: 1; Tejral, 1997, Abb. 6: 1, Abb. 20: 1; Айбабин 1990: 28; Айбабин, Хайрединова, 1988, рис. 16: 21; Пузровский и др., 1999, рис. 6: 16, 17, 22, 23; Дмитриев, 1982, с.104; Tallgren, 1925, S. 8, Abb. 18; Bitner-Wróblewska, 2001, p. 65).

Все щитки на пряжках КДК представляют собой сходные по технике изготовления обоймы из согнутого пополам тонкого бронзового листа, снабженные одной-двумя заклепками. Обоймы часто орнаментированы (см. рис. 1: 2, 4, 7). Основное отличие бронзовых пряжек с округлой рамкой из памятников КДК от пряжек других территорий – именно щитки-обоймы из тонкого бронзового листа, изготовленные в технике и стилистической манере, характерной для изделий этой культуры.

Подводя итог рассмотрению пряжек с округлой рамкой, следует отметить, что типологически они восходят к формам V – начала VI вв., распространенным на широкой территории. Дальнейшее развитие таких пряжек происходит уже внутри культуры псковских длинных курганов.

Пряжки с рифленой В-образной рамкой. Известно 6 погребений КДК с такими пряжками. Они не образуют здесь единой серии (рис. 2: 1-6).

Начиная с работ И. Вернера, рифленые В-образные пряжки рассматриваются в ряду наиболее ранних вещевых находок в КДК. По его мнению, эти пряжки относятся к типу, широко распространенному в V – начале VI вв. Проникновение из Центральной Европы в Восточную вообще пряжек с рифленой В-образной рамкой И. Вернер предложил датировать второй половиной V в. (Вернер, 1972; Werner, 1977, 1981)

Позднее такие пряжки были подробно рассмотрены И.А. Бажаном и С.Ю. Каргапольцевым, которые разделили их на 12 стилистических групп (Бажан, Каргапольцев, 1989; Каргапольцев 1994, л. 31–40). В памятниках КДК встречены пряжки двух стилистических групп: Витково (пряжка из могильника Млевский Бор) и Притцир–Полибино (Рысна-Сааре, Линдора, Полибино). Указав, что время бытования этих групп пряжек в Центральной Европе – конец IV – начало VI вв., авторы предположили, что в Восточной Европе рифленые В-образные пряжки могли оказаться не позднее середины V в.

Согласно современным представлениям, пряжки с рифленой В-образной рамкой без щитка (наиболее близкие находкам в псковских длинных курганах) в Западной и Центральной Европе датируются в основном серединой – 2-й пол. V в. – началом VI вв. (Koch, 2001, S.71, 73; Legoux, Périn, Vallet, 2006, p.54, № 105).

В Восточной Европе такие пряжки менее распространены и встречены как в комплексах конца IV – начала VI в., так и в некоторых более поздних.

В пределы V – 1-й пол. VI в. укладывается время бытования пряжек с рифленой рамкой в таком памятнике, как Мокрая Балка, хронология которого разобрана Г.Е. Афанасьевым (Афанасьев, Рунич, 2001). По мнению И.О. Гавритухина, пряжки с рифленой В-образной рамкой из Мокрой Балки следует датировать в рамках VI в., возможно, даже в пределах середины – второй половины VI в. (Гавритухин, 2001, с. 43).

Пряжки с В-образной рифленой рамкой представлены в восточнолитовских курганах, где датируются в пределах третьей четверти I тыс. н. э. (Мядзведзеў, 1999; Vaitkevičius, 2007, fig. 55: 3). Однако хронология раннесредневековых литовских древностей остается не разработанной подробно.

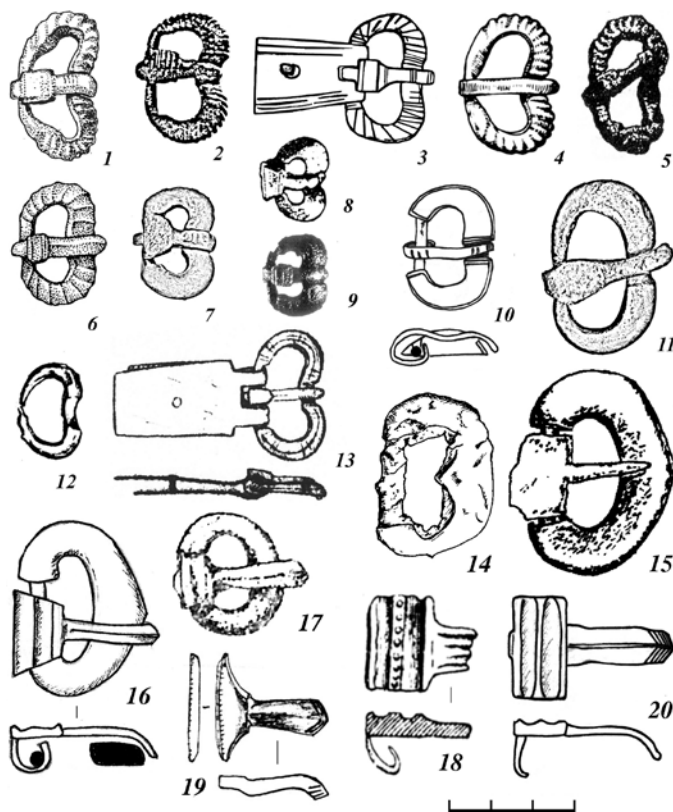

Рис. 2. Пряжки из погребений КДК: с В-образной рамкой, с D-образной рамкой и с литыми язычками со щитком: 1 – Линдора I, к. 9; 2 – Усть-Белая IV, к. 6, п. 1; 3 – Рысна-Сааре II, к. 9; 4 – Полибино I, к. 21, п. 1; 5 – Пуйга I, к. 20, п. 2; 6 – Млевский Бор I, к. 1; 7 – Бор, к. 2; 8 – Липицы, к. 11, п. 1; 9 – Рапти-Наволоок III, к. 21; 10 – Рысна-Сааре I, к. 8, п. 8; 11 – Рышево, к. 2, п. 4; 12 – Липицы, к. 2; 13 – Мерево III, к. 2, п. 2; 14 – Репьи, погр. 5; 15 – Любахин I, к. 6, п. 1; 16 – Рысна-Сааре II, к. 6, п. 1; 17 – Левоча-Кобожя, к. 25, п. 3; 18 – Светлые Вешки, к. 3, п. 3; 19 – Куреваниха III, к. 16, п. 5; 20 – Рысна-Сааре I, к. 8, п. 9 (1, 12, 13 – железо; 2-11, 14-20 – бронза).

К уточнению верхней даты бытования пряжек с В-образной рифленой рамкой в Восточной Европе следует привлечь материалы раннесредневекового селища Усть-Черная на Волге. Псевдорифленая В-образная железная рамка пряжки найдена здесь вместе с деталями геральдической поясной гарнитуры, что позволяет датировать весь комплекс находок VII в. (Леонтьев, 1994, с. 225, рис. 96)

Тем же VII в. по присутствию геральдических элементов могут быть датированы рифленые В-образные пряжки из раскопок А.Г. Атавина у хутора Малаи на Кубани (Атавин, 2008, с. 39, табл. 21-22).

Пряжки с гладкой В-образной рамкой представлены в материалах КДК двумя типами – полыми В-образными пряжками (рис. 2: 7-11) и пряжками с рамкой, выгнутой из железного прутка (рис. 2: 12, 13).

Пряжки с гладкой полый В-образной рамкой при изучении древностей Евразии чаще всего рассматривают как часть так наз. геральдической поясной гарниту-

ры VI–VII вв. (см., напр.: Амброз 1971: 117–118, рис. 5-6, Гавритухин, Обломский 1996: 30-31, 63; Nowakowski, 1998: 73; Гавритухин, 2001a: 32, 36).

Пряжек с В-образной рамкой из железного прутка в КДК известно всего две. Такие пряжки широко распространены в древностях середины – третьей четверти I тыс. н.э. (см., напр.: Schach-Döriges, 1970, s. 77; Липкинг, 1974, рис. 2; Шмидт, 1995, с. 111-112).

Таким образом, оба типа следует датировать, по-видимому, в пределах второй половины VI–VII вв.

Пряжки с D-образной рамкой. Массивная бронзовая литая пряжка с D-образной рамкой происходит из погр. 5 нижнего яруса насыпи у д. Репьи (Лебедев, 1978, рис. 3: III, з). На утолщенной передней части ее рамки имеется выступ «уголок», обращенный внутрь рамки (рис. 3: I4). Точных аналогий этой пряжке не известно.

Пряжки с бронзовой заостренной впереди D-образной рамкой (так наз. сердцевидной) и щитком на основании иглы происходят из могильников Левоча-Кобожа I, Любахин I и Рысна-Сааре II (Пронин, 1988, с. 172, рис. 1: 7; Аун, 1992: рис. 52: 6; Башенькин, 1995, рис. 8: 8) (рис. 2: 15-17). С язычком рысна-саареской пряжки схожи еще три литых клювовидных язычка, найденных отдельно, без рамок пряжек (Чернягин 1941: 101, табл. II: 2; Аун, 1992: рис. 52: 7; Башенькин, Васенина 2007: рис. 4: 11) (рис. 2: 18-20).

Пряжки с сердцевидными рамками по своему происхождению византийские (хотя игол со щитками на основании среди них не отмечено). Сведения о византийских пряжках V–VII вв. недавно обобщила М. Шульце-Дерлам. Пряжки КДК близки к выделенной ею группе A9, распространенной очень широко, и группе A10, представленной только в Малой Азии. М. Шульце-Дерлам датирует такие пряжки V – серединой VI в. (Schulze-Dörflamm, 2002, s. 20, 22).

Публикаторы могильника Виминациум расширили датировку пряжек с сердцевидной рамкой, указав, что в крымских могильниках Суук-Су и Скалистое такие пряжки встречены вместе с предметами VII в. (Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006, p. 23).

В лесной зоне Восточной Европы пряжки с заостренной D-образной рамкой редки, но известны (Ciglis, 2006, lk.162, pav. 3: 2).

Литые клювовидные язычки пряжек также представлены в лесной зоне Восточной Европы. Наиболее близки находки с селища Юрьевская Горка (Исланова, 1997, рис. 73: 15; 77: 5) и дьяковского городища Луковня (Розенфельдт, 1982, рис. 22: 11). В целом такие язычки пряжек хорошо известны в более южных районах, где обычно датируются VI–VII вв. (см., напр., Горюнова, 1992)

М.М. Казанский датировку клювовидных язычков с трапецевидными щитками в западнобалтских древностях определил V – 1-й пол. VI в. (Казанский, 1999, с. 404). Однако в Пруссии подобные пряжки встречаются вместе с перекладчатыми фибулами позднего VI – 1-й пол. VII вв. (Кулаков, 1989, рис. 26: 4, 6; 34: 1; 35: 2; 53: 1; Prussia..., 2005, с. 94; Bitner-Wróblewska, 2001, Pl. LIV: 3, 6).

Овальные железные пряжки представлены значительной серией (10 экз.). Будучи, пожалуй, наиболее простым типом, овальные железные пряжки как таковые вряд ли поддаются узкой датировке.

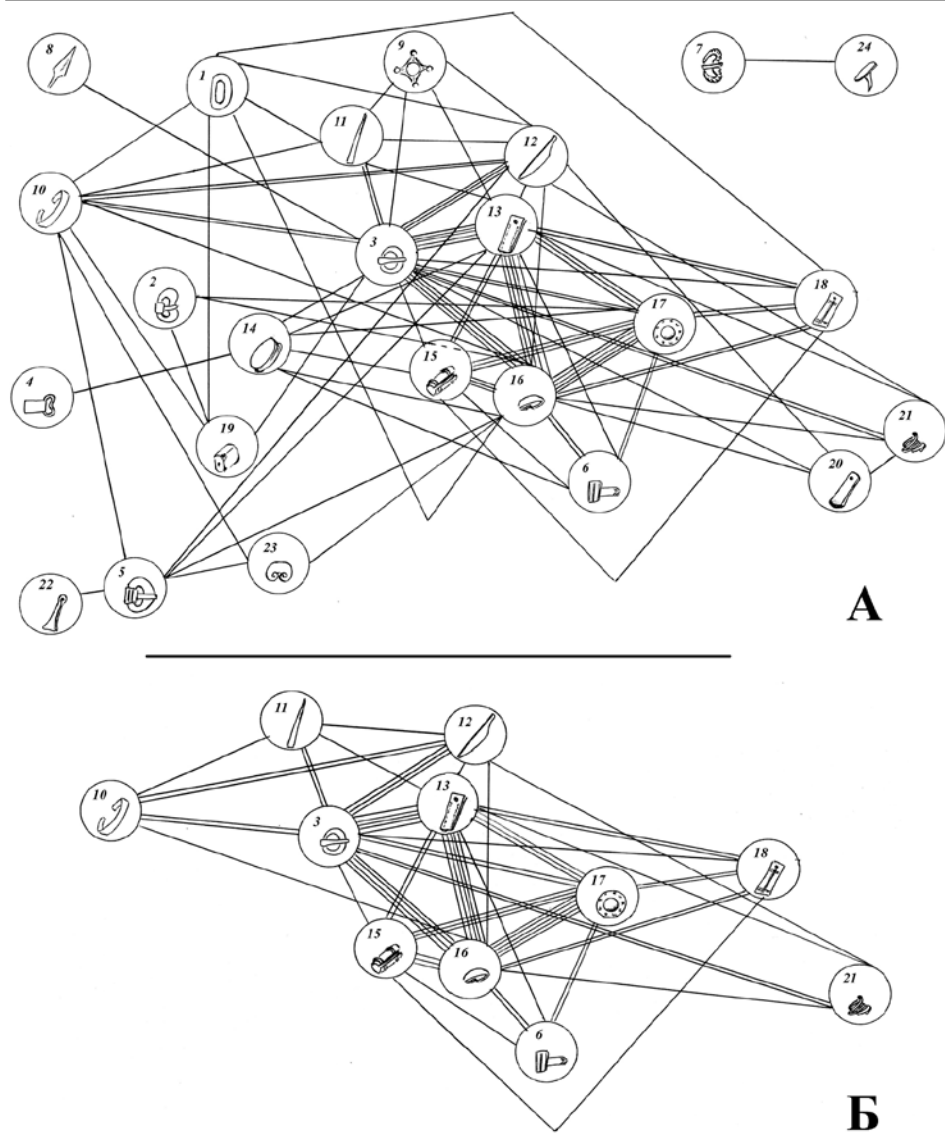

Рис. 3. Сочетаемость элементов поясной и ременной гарнитуры в комплексах. А – все связи (одна линия на графе соответствует одной связи); Б – сильные связи.

Цифрами обозначены: 1 – овалы железные пряжки (10 находок); 2 – полые В-образные пряжки (5); 3 – округлые пряжки (16); 4 – дрововые В-образные пряжки (2); 5 – пряжки с утолщенной спереди Д-образной рамкой (4); 6 – литые язычки пряжек со щитком на основании (3); 7 – рифленые В-образные пряжки (6); 8 – четырехконечные накладки; 9 – браслеты; 10 – долотовидные кресала; 11 – ножи с прямой спинкой; 12 – пластинчатые обоймы; 13 – овалное каменное огниво; 14 – трубочки-обоймицы; 15 – бляшки-обоймицы; 16 – умбововидные бляшки; 17 – четырехугольные пластинчатые накладки; 18 – стеклянные бусы; 19 – каменный оселок; 20 – спиральки; 21 – пинцет; 22 – пластинчатая пельтовидная привеска; 23 – литые заклепки.

Бляшки-скорлупки.

Следует подробнее остановиться на таком типе вещей, как бляшки-скорлупки, и причинах их отнесения именно к поясному набору. Всего такие бляшки встречаются в 42 комплексах. Количество бляшек-скорлупок сильно колеблется: от 1–2 до 70 экземпляров. Наибольшее число отмечено в комплексах Потерпелицы I, к. 5, п. 1 (22 экз.), Потерпелицы I, к. 8, п. 4 (25 экз.), Потерпелицы I, к. 10, п. 13 (18 целых и 13 фрагментов), Рысна-Сааре I, к. 8, п. 8 (ок. 60 экз.), Рысна-Сааре I, к. 8, п. 9 (ок. 70 экз.), Светлые Вешки, к. 3, п. 3 (40 экз.), Сторожинец, к. 11, п. 3 (30 экз.), Янковичи, к. 1 (20 экз.) (Чернягин, 1941, с.101; Орлов, 1972, л. 9-10; Аун, 1979, с. 369-370; Мильков, 1989, л. 2-4, 8; Попов, 1991, л.7; Штыхаў, 1992, с. 108-109, мал. 14). Из перечисленных комплексов шесть содержат безусловные остатки поясных наборов, еще два (Потерпелицы I, к. 8; Сторожинец, к. 11) – захоронения коней в наборной узде.

Единичные бляшки-скорлупки встречаются также с проволочными спиральками (3 случая), пельтовидными привесками (1), железной дугообразной обоймой (1), удилами (1), бусами (4), бляшками-обоймицами (2). Часть этих предметов (пельтовидные привески, дугообразная обойма, удила) тоже связана с конской упряжью.

Т.о., основной областью использования бляшек-скорлупок оказываются поясные и уздечные наборы.

Разновидности поясных наборов.

В культуре псковских длинных курганов можно различить несколько типов поясных наборов (рис. 3: А).

1. Практически изолированы от других деталей поясной гарнитуры овальные железные пряжки. Единственное исключение – курган 6 могильника Сууре-Рысна: здесь найдены 8 бляшек-скорлупок (Аун, 1983, с. 297-298).

В могильнике Струйское овальная железная пряжка найдена в одном комплексе с фрагментом браслета, костяной рукоятью, ножом и долотовидным кресалом (Олейников, 2001) – предметами, характерными для женских погребений КДК. Возможно, в данном случае нужно говорить о коллективном захоронении.

2. Для поясов, скреплявшихся пряжками с рифленой В-образной рамкой, детали гарнитуры тоже не характерны. Лишь в одном погребении вместе с такой пряжкой найдены заклепки с плоскими головками (Полибино – см.: Станкевич, 1962, с. 33-34). Интересно, что в Центральной и Западной Европе рифленые В-образные пряжки тоже редко встречаются с элементами поясной гарнитуры.

3. Остальные разновидности пряжек демонстрируют устойчивую взаимосвязь с одним и тем же набором деталей. Эта взаимосвязь хорошо заметна на графе, «очищенном» от типов предметов с единичными связями (рис. 3: Б). Присутствие здесь браслетов, ножей и долотовидных кресал, более свойственных женскому набору инвентаря, по-видимому, отражает материалы коллективных (парных) захоронений.

Основной тип поясного набора КДК можно реконструировать следующим образом. Его составляли бляшки-скорлупки, умбоновидные и четырехугольные накладки, а также обоймы, возможно, оформлявшие концы ремня. Поскольку в одном комплексе может быть несколько обойм, можно предположить, что к основному

ремню могли крепиться дополнительные ремешки. Роль концевых обоев могли также выполнять трубочки-обоймицы с продольной прорезью.

С этим набором пластинчатых деталей сочетаются пряжки нескольких типов: пряжки с округлой рамкой (в нескольких случаях, когда пряжек найдено две, это всегда сочетание пряжки со щитком-обоймой и меньшей по размеру пряжки без щитка);

пряжки с массивной D-образной рамкой;

пряжки с язычками, снабженными рифленным щитком;

пряжка с полый B-образной рамкой.

Входящие в основной поясной набор КДК типы пряжек не одновременны, их смена в пределах единого набора обусловлена хронологическими различиями.

Наиболее ранними оказываются пояса, снабженные пряжками с округлой рамкой и хоботковидным язычком – напр., Лезги (к. 6), Потерпелицы I (к. 10, п. 13), Рысна-Сааре II (к. 6, п. 4), Шихино (к. 25, п. 1) (Гроздилов, 1965, с. 78, 81; Мильков, 1989, л. 2-4; Аун, 1980; Исланова, 2006: рис. 100: 6). Поясные наборы с округлыми пряжками возникают в культуре псковских длинных курганов, по-видимому, с самого начала. Можно предположить, что в течение конца VI–VII в. эти пряжки в основном выходят из употребления и заменяются пряжками более поздних типов.

Более поздние поясные наборы содержат уже пряжки с D-образной рамкой и с массивными щитками на основании язычков (Рысна-Сааре I, к. 8, п. 9; Светлые Вешки, к. 3, п. 3) и пряжки с полый B-образной рамкой (Рысна-Сааре I, к. 8, п. 8). Примечательно, что в двух погребениях в кургане 8 могильника Рысна-Сааре I встречены пояса с пряжками разных типов.

Часть поясных наборов попала в захоронения не полностью: например, поясной набор из Аток (курган 1) сохранил набор накладок, но лишен пряжки (Штыхаў, 1992, с. 108-109, мал.14).

По-видимому, один из наиболее поздних наборов пластинчатой гарнитуры обнаружен в нижнем ярусе насыпи у д. Репьи.

Место поясных наборов в инвентаре погребений.

Всего в псковских длинных курганах известно 12 погребений с предметами вооружения (узколезвийные топоры, наконечники стрел, однолезвийный меч, дротик). Ни одно из этих погребений не содержит в себе остатков поясных наборов (только две отдельные пряжки).

Та же закономерность прослеживается в погребениях с предметами всаднического снаряжения.

Если проецировать на культуру псковских длинных курганов распространенное представление о высоком общественном статусе воинов в наборных поясах, то получится, что погребальный обряд КДК не предусматривал для людей с высоким положением захоронения с оружием. (Любопытно отметить в этой связи, что часть находок оружия происходит не из погребений – так, из шести наконечников стрел четыре были найдены в насыпи кургана или заполнении окружающего курган ровика.)

Возможно и другое объяснение – в культуре псковских длинных курганов наборные пояса с пластинчатыми накладками и обоймами были распространенным элементом мужского костюма, без дополнительной воинской или статусной символики. Заметим, что на территории Восточной Европы наборные «воинские» пояса

как признак высокого статуса распространены скорее к югу от лесной зоны – в степных древностях и в так называемых древностях антов. Культуры лесной зоны идею особого пояса как показателя некоего высокого статуса владельца, кажется, не восприняли полностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Том 1. Симферополь. С. 3-86.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.И., 1988. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Том 6. Симферополь. С. 274-311.
- Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I // СА, № 2. С. 96-123.
- Атавин А.Г., 2008. Погребения VII – начала VIII в. из Восточного Приазовья // Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина. М. С. 28-70.
- Аун М., 1979. Об исследовании курганов у дер. Рысна-Сааре // ИАН ЭССР. ОН. Т.28, № 4. С. 369-372.
- Аун М., 1980. Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре II // ИАН ЭССР. ОН. Т. 29, №4. С. 368-372.
- Аун М., 1983. Курганный могильник Сууре-Рысна // ИАН ЭССР. ОН. Т.32, № 4. С. 297-299.
- Аун М., 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001. Мокрая Балка. Выпуск 1. Дневник раскопок. М.: Научный мир.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 192. С. 28-35.
- Башенькин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси (Славяно-русские древности. Вып. 3). СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 3-29.
- Башенькин А.Н., Васенина М.Г., 2007. Исследования комплекса памятников у д. Куреваниха на реке Мологе в 2004–2005 гг. // Археология Севера. Вып. 2. Череповец. С. 42-73.
- Вернер И., 1972. К происхождению и распространению антов и склавинов // СА, № 4. С. 102-115.
- Гавриутхин И.О., 2001. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М. С. 40-49.
- Гавриутхин И.О., 2001а. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Из истории костюма). Том 2. Самара. С. 31-86.
- Гавриутхин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (Серия «Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей»). Вып. 3). М.
- Горюнова В.М., 1992. Новый клад антского времени из среднего Поднепровья // Археологические вести. № 1. СПб.: ИИМК РАН. С. 126-140.
- Гроздилов Г.П., 1965. Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7. С. 65-88.
- Дмитриев А.В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов. Советско-венгерский сборник. М.: Наука. С. 69-107.
- Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.
- Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С., 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Исланова И.В., 1997. Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.
- Исланова И.В., 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.
- Казанский М.М., 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. № 6. СПб.: ИИМК РАН. С. 404-417.
- Каргапольцев С.Ю., 1994. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III–VI вв. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. СПб. Хранится в Научной библиотеке им. Горького СПбГУ.
- Кулаков В.И., 1989. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V–VIII вв. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // *Barbaricum* 1. Warszawa. S. 148-275.
- Лебедев Г.С., 1978. Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье // КСИА. Вып. 155. С. 93-99.

- Леонтьев А.Е., 1994. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. (Серия: Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4). М.: Геоэко.
- Липкинг Ю.А., 1974. Могильники 3-й четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука. С. 137-151.
- Милюков В.В., 1989. Отчет к Открытому листу № 66 о проведении раскопок археологического комплекса у дд.Плесо–Потерпелицы Боровичского р-на // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 13742.
- Мядзведзеў А.М., 1999. Культура ўсходнелітоўскіх курганоў // Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мн.: Беларуская навука. С. 384-391.
- Олейников О.М., 2001. Курган № 4 курганной группы «Струйское» // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 15. Вел. Новгород. С.258-267.
- Орлов С.Н., 1972. Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в сезоне 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 4861.
- Попов С.Г., 1991. Отчет о работах Гдовского отряда ЛОИА АН СССР в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
- Пронин Г.Н., 1988. Исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины // СА, № 4. С. 169-179.
- Пузоровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И., 1999. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь. С. 194-202.
- Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука.
- Станкевич Я.В., 1962. Курганы у деревни Полибино на реке Ловати // КСИИМК. Вып. 87. С.31-35.
- Чернягин Н.Н., 1941. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. Т.1. (МИА. № 6). С. 93-148.
- Шмидт Е.А., 1995. Вооружение и снаряжение воинов-всадников тушемлинских племен Поднепровья // ГАЗ. № 6. Мн. С. 105-117.
- Штыхаў Г.В., 1992. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка.
- Bitner-Wróblewska A., 2001. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa.
- Ciglis J., 2006. V–IX amžiaus dirzų sagtytis Ritu Latvijoje // Archaeologia Litwana. T. 7. Lk. 156-169.
- Cseh J., Instvánovits E., Lovász E., Mesterházy K., Nagy M., Nepper I.M., Simonyi E., 2005. Gepidische Gräberfelder im Tiszagebiet. II. Budapest.
- Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastikova A., 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des grandes migrations (Collège de France – CNRS. Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies 22). Paris.
- Nowakowski W., 1998. Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit aus Masuren (Museum für Vor- und Frühgeschichte Bestandskataloge. Bd 6). Berlin.
- Prussia..., 2005. — Die Prussia-Sammlung. Der Bestand im Museum für Geschichte und Kunst Kaliningrad. Коллекции Пруссия в фондах Калининградского областного историко-художественного музея. Bremen: H. M. Hauschild GmbH.
- Schach-Dörjes H., 1970. Die Bodenfunde des 3. bis 6. Jahrhunderts nach Chr. zwischen unterer Elbe und Oder (Offa-Bücher, Neue Folge, Bd.23). Neumünster: Wachholtz Verlag.
- Schmidt B., 1976. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Katalog: Nord- und Ostteil. (Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle. Bd 29). Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaft.
- Schulze-Dörrlamm M., 2002. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil 1: Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und festem Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. (Kataloge Vor- und Frühgeschichtlicher Altertümer. Bd 30). Mainz.
- Tallgren A.M., 1925. Zur Archäologie Eestis. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Dorpat.
- Tejral J., 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. Bd 72. S. 223-304.
- Tejral J., 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno. S. 321-392.
- Vaitkevičius V., 2007. Santakos Pilkapiai (Vilniaus r.) // Lietuvos archeologija. T. 30. P. 181-212.
- Werner J., 1977. Der Grabfund von Taurapilis, Rayon Utna (Litauen) und die Verbindung der Balten zum Reich Theoderichs // Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit (Antiquitas. Reihe 3. Serie in 4to. Bd 20). Bonn: Rudolf Habelt Verlag GmbH. S.87-92.
- Werner J., 1981. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.–6. Jahrhundert // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Bd 1. – Berlin, 1981. – S. 695-701.

К вопросу о ранней хронологии культуры длинных курганов (по материалам поселений Горка и Горка-10)

Культура длинных курганов – одна из основных археологических составляющих ранней истории средневековья в лесной зоне Восточной Европы.

Дискуссии о хронологии и этнической принадлежности ее памятников с разной степенью интенсивности продолжаются на протяжении уже почти полутора столетий.

Значительными вехами в исследовании этой культуры явились: работа А.А. Спицына «Удлиненные и длинные русские курганы» (Спицын, 1903, с. 196-202), своды Н.Н. Чернягина «Длинные курганы и сопки» (Чернягин, 1941, с. 93-148) и В.В. Седова «Длинные курганы кривичей» (Седов, 1974). Свод В.В. Седова является до сих пор последним обобщающим каталогизированным изданием курганных могильников, содержащих длинные насыпи. В нем проведен анализ всех точек зрения исследователей, занимавшихся культурой до начала 70-х гг. XX в. Тогда В.В. Седов обосновывал время существования ее в диапазоне VI–X вв. В дальнейшем он неоднократно возвращался к проблематике культуры длинных курганов, модифицируя свою теорию их происхождения и уточняя временные рамки культуры.

Значительные дискуссии в среде ученых, занимающихся ранней историей Северо-Запада, развернулись в 70–90-е гг. минувшего столетия и не утихают до сих пор. Часть исследователей выводила происхождение культуры длинных курганов из местных культур, но на разной основе. Так, Г.С. Лебедев искал ее истоки в гипотетической предкурганной культуре, не выявленной на Северо-Западе (Лебедев, 1977, с. 90-95; Лебедев, 1982, с. 33), С.К. Лаул (для Юго-Восточной Эстонии) – из эстских каменных могильников (Лаул, 1975, с. 378-384; Лаул, 1979, с. 319-329). На других территориях распространения культуры В.Я. Конецкий (Конецкий, 1987, с. 18-19) и одно время А.Н. Башенькин (Башенькин, 1987, с. 12-14; Башенькин, 1992, с. 25-29) поддерживали теорию ее местного происхождения на финно-угорской основе. К формированию культуры длинных курганов на базе днепровской культуры подводили работы А.М. Микляева (Микляев, 1995, с. 7-35), А.Н. Мазуркевича и Б.С. Короткевича (Короткевич, Мазуркевич, Микляев, 1992, с. 33). По М. Аун, курганная обрядность в Юго-Восточной Эстонии сформировалась в среде местного населения при проникновении славян на эту территорию, а уже потом, на последней стадии, длиннокурганные древности Эстонии сблизилась с памятниками основного ареала культуры (Аун, 1992, с. 134-137). О возможных истоках формирования культуры длинных курганов, обусловленных импульсами расселения из верхнего Поднепровья, писали Р.С. Минасян (Минасян, 1979, с. 183-184) и Е.Н. Носов (Носов, 1982, с. 62-63). Проблематика изучения древностей лесной зоны Восточной Европы была рассмотрена Е.Н. Носовым в работах начала

80-х гг. XX в., что заложило основу для новых исследований в этом направлении (Носов, 1981, с. 42-56; Носов, 1982).

Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасьев (Лопатин, Фурасьев, 1995, с. 136-149; Лопатин, 2009, с. 209-218), наметили вторичную, обусловленную местными традициями, зону формирования культуры в западном Подвинье (древности «типа Заозерья»). Здесь, по их мнению, трансформировались первоначальные импульсы расселения из Поднепровья, во многом связанные с киевской культурой. Е.Р. Михайлова, на основе анализа вещевых комплексов погребального инвентаря, выделила три условные зоны единой культуры псковских длинных курганов – западную, южную и восточную (Михайлова, 2009, с. 12-13).

В.В. Седов последовательно развивал свою точку зрения о среднеевропейском происхождении рассматриваемой культуры, подтверждая эту концепцию новым рядом убедительных доказательств – с учетом распространения находок из римских провинций на территории лесной зоны, а также лингвистических, геоклиматических и других данных (см. Седов, 1994а; Седов, 1994б). Нам представляется сейчас, что теория происхождения, развития и хронологии культуры длинных курганов этого выдающегося археолога-слависта представляется наиболее доказательной. Важнейшим фактором становления культуры является доказанный, судя по всему, временной интервал ее возникновения на Северо-Западе. В.В. Седов обосновал это время в пределах V в. н.э. (Седов, 1999, с. 120-121). Наши объективные данные радиоуглеродного датирования различных памятников во всех регионах распространения культуры, последние разработки Е.Р. Михайловой, рассмотревшей доступные ей вещи из погребальных курганных комплексов (Михайлова, 2009, с. 13-14), подтверждают это время становления культуры.

Тема обсуждения разных, зачастую противоречивых концепций заселения лесной зоны Восточной Европы – не предмет данной статьи. Нам хотелось бы остановиться на отдельных аспектах ранней хронологии культуры длинных курганов, определяемых материалами некоторых достоверно относящихся к ней памятников.

Ряд статей в последние десятилетия посвящен распространению провинциально-римских находок эпохи переселения народов на широкой территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы – от Скандинавии до Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Это работы С.Ю. Каргапольцева и И.А. Бажана (Бажан, Каргапольцев, 1989, с. 28-35; Каргапольцев, Бажан, 1993), М.М. Казанского (Казанский, 1999, с. 403-415; 2008; Казанский, Мастыкова, 1998) и других исследователей. Ими привлекается к рассмотрению все большее количество материалов. К сожалению, некоторые из этих находок оторваны от археологического контекста¹. В.В. Седовым закономерно отмечено, что попадание ряда предметов позднеримского времени в лесную зону Восточной Европы и в Северное Причерноморье имеет абсолютно разные пути.

Хронологические рамки культуры определяются главным образом на основе предметов, происходящих исключительно из закрытых погребальных комплексов. Курганы с сожжениями в значительно большей степени изучены, чем соответствующие им поселения. Исследованных раскопками поселений, соотносимых с куль-

¹ На нынешнем этапе изучения обозначенных древностей требуется хорошо каталогизированное и осмысленное создание сводов подобных находок на территории, занимаемой длинными курганами и шире.

турой длинных курганов, не так много. Введены в научный оборот материалы протогородских центров, связанных с этой культурой – Псковского и Изборского (Труворова) городищ, а также городища Сторожинец в Восточном Причудье. По публикациям известны материалы лишь нескольких поселений второй половины I тыс. н.э.: Съезжее (Носов, 1981а, с. 64-69), Варшавский шлюз III (Башенькин, 1992а, с. 136), на оз. Крюково (Торопов, 1997, с. 11-15), Кобылья Голова (Орлов, 1968, с. 160-171), Лезги (Гроздилов, 1965, с. 77-88) и некоторые другие.

В данной статье рассматриваются некоторые категории предметов, найденных при раскопках двух поселений на средней Плюссе в Гдовском районе Псковской области. На надпойменных протяженных боровых террасах р. Плюсса выявлена мощнейшая группировка культуры длинных курганов – единая система расселения, включающая городища, поселения, могильники; структура древних дорог и переправ через реку Плюсса, соединявших эти памятники (Попов, 1992, с. 55-58; Попов, 2009). Именно эта территория обозначает достаточно жесткую северо-западную границу ареала культуры (Попов, 1995, с. 89-94; Попов, 1997, с. 163-168).

На р. Плюсса открыты и исследованы два поселения 2-й пол. I тыс. н.э. – Горка и Горка-10. Они находятся на расстоянии 3 км друг от друга и соединяются древней дорогой, идущей через «Княжий борок» на пойменном острове и вдоль которой зафиксировано 8 могильников с сожжениями (рис. 1)¹. Они включали курганы (всего 41) разнообразных форм – от погребальных площадок до длинных, комбинированных, подпрямоугольных и круглых насыпей. Древняя боровая дорога соединяла также и другие памятники этого времени – городища у д. Горка с городищем у д. Прибуж и могильниками левобережья Плюссы.

В один комплекс с поселением Горка (площадь – более 8700 кв. м) входит мысовое городище-убежище. В ближайших окрестностях выявлены еще три могильника второй пол. I тыс. н.э., состоящие из 1–7 круглых, удлинённых, подовальных курганов. Селище существовало на двух этапах – в раннем железном веке и в эпоху длинных курганов.

При раскопках поселения Горка (рис. 2) (исследованная площадь – 488 кв. м) в его слое (до 0,6 м) (Попов С.Г. Отчеты о полевых исследованиях за 1989–1991, 2002, 2003, 2005 гг. // Архив ИА РАН) выявлено 4 строительных горизонта. Три верхних горизонта связаны с интенсивной производственно-хозяйственной деятельностью длиннокурганного населения. Они обозначены развалами очагов и печей, комплексом железоделательного производства (второй – третьей четверти VII в. н.э., по данным радиоуглеродного анализа), ямами разного назначения, углубленными в материк. На этом памятнике к ранней категории находок культуры длинных курганов относятся железные шпора с крючками на концах, бритва с петлеобразным завершением, две булавки с костылевидным навершием. Найдено также блоковидное кресало из кварцита, в достаточно массовом количестве – приземистые биконические глиняные пряслица.

Керамический комплекс 2-й пол. I тыс. н.э. на этом поселении достаточно многообразен. Доминируют фрагменты ранних длиннокурганных сосудов слабопрофилированных пропорций, наличествуют также и баночные формы. Находки льячек, криц, большое количество шлаков свидетельствуют об интенсивном железоделательном и бронзолитейном производстве, развитом на поселении уже в VII в.

¹ Рисунки к статье см. на с. 288-290.

н.э. К нижним горизонтам относятся остатки сооружений раннего железного века, предварительно датируемых I тыс. до н.э. – первыми вв. н.э. Этот этап существования поселения характеризует лепная керамика с ямочным орнаментом по шейке или срезу венчика, отдельные фрагменты текстильной и подлощенной керамики. Из находок следует упомянуть железные серп, 2 ножа с плавным переходом от черенка к выпуклому лезвию, булавку со спиралевидным навершием и др. Два этапа существования поселения культурно-генетически не связаны между собой, между ними наблюдается хронологический разрыв.

Близ могильника Горка-8 в «Князем борке» было открыто небольшое по площади (360 кв. м) хозяйственно-ремесленное поселение Горка-10 (рис. 3) (Попов С.Г. Отчеты о полевых исследованиях за 2006 и 2007 гг. // Архив ИА РАН). Яркие, но достаточно однородные материалы, полученные при раскопках, позволяют отнести его к ранней стадии распространения культуры длинных курганов на Северо-Западе – к V–VII вв. н.э. При раскопках найдено значительное количество глиняных биконических пряслиц, кольцевидные стеклянные, а также глиняные бусины, железные бритва и костьюлевидная булавка, аналогичные найденным на поселении Горка, овально-прямоугольная пряжка с язычком, нож и другие предметы. Керамика фактически однородна: фрагменты лепных сосудов могут быть отнесены исключительно к третьей четверти I тыс. н.э. Выявлены комплексы, связанные с железоделательным производством, собрано большое количество шлаков. Впервые в истории изучения раннесредневековых древностей Северо-Запада изучен участок дороги, изначально сложившейся в эпоху длинных курганов.

Остановимся подробнее на находках с двух поселений, связанных со временем начального освоения данной территории в эпоху длинных курганов.

Железная шпора с крючками на концах и с острым коническим шипом (рис. 4: 3) из верхней части 5-го пласта поселения Горка имеет аналогии в древностях середины I тыс. н.э. Восточной Европы. Шпоры и удила появляются в лесной полосе Восточно-Европейской равнины лишь в конце IV или в V в. (Седов, 1999, с. 93). Они встречались в самых верхних напластованиях городищ днепро-двинской культуры и культуры штрихованной керамики, а в большем количестве – на поселениях тушемлинской культуры (Шмидт, 1970, с. 68, рис. 3: 26; Седов, 1999, с. 93). На Лабенском городище шпора найдена в слое IV–V вв. (Очерки по археологии Белоруссии..., рис. 71: 23), на поселении и городище у д. Городище – пять шпор (одна – из жилища) – в ранних напластованиях тушемлинской культуры (Митрофанов, 1978, рис. 52: 19, рис. 54: 6, рис. 58: 27–29). По уточненным данным последние шпоры могут датироваться IV–VI вв. Одна шпора найдена в верховьях Ловати, в погребении V в. в длинном кургане у д. Дорохи (Штыхаў, 1992, с. 29, рис. 17: 6).

Наиболее надежную датировку дают шпоры, происходящие из погребений могильников Плинкайгалис, Пагрибис, Саугиняй в Литве, где они датируются IV–V (VI) вв. (Седов, 1999, с. 96). В.В. Седов отмечал, что шпоры подобного облика впервые появились в средней Европе в III в. н.э. (старейшая находка на Готланде относится ко II в. н.э.). В Висло-Мазурском регионе, в междуречье Эльбы и Рейна, Силезии они получили распространение в II–IV вв. В лесную зону Восточной Европы шпоры с отогнутыми наружу крючками попали из средневропейских земель в период переселения народов, вследствие миграции населения, среди которого были конные воины (Седов, 1999, с. 96). Бытовали шпоры в лесной полосе непродолжи-

тельное время. Вероятно, как и другие предметы «всаднического» снаряжения и вооружения, они в хронологическо-историческом аспекте характеризуют ранний этап разведывательно-расселенческого импульса нового населения на рассматриваемой территории.

Две изогнутые железные бритвы (рис. 4: 9, 10) с поселений Горка и Горка-10 фактически идентичны. Одна из них, соотносимая с III строительным горизонтом поселения Горка, в средней части своего петлеобразного завершения имела сильно окислившийся стержень – остатки оси, на которой, вероятно, крепился футляр, являвшийся одновременно раскладной ручкой. Другая бритва, происходящая из слоя поселения Горка-10 (уровень 1-го строительного горизонта), имела несколько меньшие размеры. Подобная бритва¹ происходит из погребения длинного кургана могильника Которск-5.

Такие бритвы, наряду с бритвами с прямой ручкой, В.В. Седов также связывал с появлением провинциально-римских древностей в лесной полосе Восточно-Европейской равнины. Бритва с подобным завершением и еще один обломок бритвы найдены в могильнике с оградками (В) в Ябара в Эстонии I–II – рубежа IV–V вв. н.э. (Шмидехельм, 1955, с. 88-90, рис. 20: 10, 11). Подобные бритвы, датированные III в н.э., найдены в могильниках Кохтла-Ярве I и Оявески (Шмидехельм, 1955, с. 132, рис. 31: 17, 18; с. 143). Бритвы такого же типа найдены на городище Банцеровщина (Очерки по археологии..., рис. 71: 19), поселении Кентескалнс и в могильнике Плавниескалнс в Латвии (Седов, 1999, с. 99).

Бритвы с изогнутым или прямым лезвием и прямым черенком найдены в каменном могильнике Ябара Е (Шмидехельм, 1955, рис. 26: 7), в верхнем слое городища Лабенщина (Митрофанов, 1978, рис. 20: 24), на городищах Барсуки и Бураково (Шадыро, 1985, с. 61, рис. 40: 8, 9; Короткевич, 1989, с. 12, рис. 1: 23), на поселении Узмень (Минасян, 1979, с. 173, рис. 2: 10-12).

На городищах Тарту и Рыуге, на селище Рыуге обнаружены также единичные экземпляры бритв с прямым черенком, которые, по мнению М. Аун, относятся к комплексу ранних находок (Аун, 1992, с. 53, табл. XIII: 3). Нож с выгнутой спинкой из каменного могильника в Ляэтса в Юго-Восточной Эстонии, также, очевидно, относится к разряду бритв, характерных для каменных могильников первой половины I тыс. н.э. (Аун, 1992, с. 83, рис. 26: 4).

Рассматриваемые нами бритвы появились в Средней Европе в раннеримское время. В ряде культур Европы они широко представлены в позднеримское время, в частности, на памятниках пшеворской культуры. В лесной зоне Восточной Европы они появляются в IV–V вв. (Седов, 1999, с. 99).

Блоковидное кресало (огниво) из кварцита (рис. 5), найденное на уровне III горизонта поселения Горки, можно также отнести к ранним находкам эпохи длинных курганов. Такие кресала возникли в области Вислы в начале I тыс. н.э., в IV–V вв. получили широкое распространение, а в Балтийском регионе бытовали в I-й пол. – середине I тыс. н.э. (Tallgren, 1922, s. 114-115). Блоковидные кресала достаточно характерны для памятников культуры длинных курганов V–VII вв. Они встречались в могильниках Юго-Восточной Эстонии (4 экз.): Пылгасте I, Лоози, Линдора и Рысна-Сааре II (Аун, 1992, 125, табл. L, 1), а как случайные находки – в Мезри, Лоози, Мехикоорма, Соз, Харгла, Тахева (Аун, 1992, табл. LV), на Псковщи-

¹ Сообщение Е.Р. Михайловой.

не – в кургане 9 в Лезгах (Седов, 1974, с. 33–34, табл. 28: 15), в могильнике Берёзно-1 (курган 4, раскопки С.Л. Кузьмина). На Изборском городище найдено 4 блокочных кресала (Седов, 2002, с. 51, рис. 22: 1, 2).

Две железные булавки с костылевидным навершием (рис. 4: 4, 5) найдены на поселении Горка в соседних квадратах, в основания III горизонта, а третья (рис. 4: 6), подобная им, связана с III горизонтом Горки-10. Они имеют прямые аналогии в древностях Юго-Восточной Эстонии, 4 такие булавки найдены на городище Отепя и селище Рыуге (Аун, 1992, табл. XXVIII, 1, 2, 6). Они относятся к раннему типу костылевидных булавок, встречавшихся в материалах латгальских и земгальских племен. В Восточной Латвии на поселении Кивты такие булавки датируются VI–VII вв. (Аун, 1992, с. 65).

Булавка с поселения Горка-10 в «Княжем борке» напоминает бронзовую булавку с насечками, найденную в каменном могильнике Оявески в Северо-Восточной Эстонии, где отнесена М.Х. Шмидехельм к V – началу VI в. (Шмидехельм, 1955, с. 144, рис. 36: 2).

На поселении Горка найден также *фрагмент пластинчатого браслета или перстня (?)* (рис. 4: 2), изготовленного из тонкой бронзовой полоски в технике тиснения. По его краям идут продольные каннелюры. Подобные тисненые украшения встречены в длинных курганах могильников Грядище, Городня, Слобода Глушица и Горско (браслеты) (Седов, 1974, с. 32, табл. 26: 17–20, 22, 23), в Юго-Восточной Эстонии – в Линдора (фрагмент перстня), Арнико III (кольцо от рукояти ножа) (Аун, 1992, с. 124, рис. 50: 3; рис. 51: 15). Е.Р. Михайловой выделено 14 диагностических признаков орнамента предметов, изготовленных в технике тиснения. Признаки «гофрированная поверхность» и «группа параллельных линий» отнесены ею, наряду с признаком «выпуклого круга в центре», к наиболее ранним, но существующим на протяжении всей истории культуры длинных курганов (Михайлова, 2007, с. 158–164).

Сравнительно массивная бронзовая спираль (рис. 4: 1) из 3-го пласта поселения Горка также находит широкие аналогии в погребальных древностях культуры длинных курганов, но не дает узкой датировки. Подобные спиральки происходят из могильников Лоози, Северик, Дроково, Слобода Глушица, Цурковка (Седов, 1974, с. 31, табл. 23: 6–8, 10, 13–17), Рысна-Сааре I, Линдора (Аун, 1992, с. 85–111) и др.

Ко 2-й пол. I тыс. н.э., по-видимому, может быть отнесена тонкая *трапецевидная железная привеска* (рис. 4: 7) с отогнутым ушком. *Нож с почти прямой спинкой* (рис. 4: 11) и *овально-прямоугольная пряжка* (рис. 4: 8) имеют аналогии в древностях культуры длинных курганов. Пряжка и нож, подобные найденным нами, происходят из кургана 1 могильника Жеребятино в Гдовском р-не (Седов, 1974, табл. 24: 19, 26, табл. 27: 15).

Фрагмент *14-гранной бусины* (рис. 6: 2) синего стекла с Горки-10 имеет многочисленные аналогии на памятниках третьей четверти I тыс. н.э. (Сторожинец, Съезжее и др.). Интересно попадание в слой и в один из подочажных комплексов Горки-10 *кольцевидных бусин синего стекла* (2 целых и 1 фрагмент) (рис. 6: 1, 3, 4). С одной стороны они имели следы механической обработки, т.е. изготавливались, очевидно, из двухвитковой спирали путем ее раскалывания. Подобные бусины, происходящие с памятников длинных курганов, возможно датировать также тре-

твей четвертью I тыс. н.э. В могильнике у оз. Съезжее они найдены в погребении этого времени вместе с крапчатыми бусами (Носов, 1984, с. 11-18).

Глиняные пряслица найдены на двух поселениях в количестве 67 экземпляров (20 целых, 47 фрагментов), из которых большинство (60 экз.) – биконические (см. статью в этом сборнике: Попов, Румянцева, Шаровская). Большая часть их, при всех местных особенностях, относится к выделенной О.А. Шаровой группе В. Этот набор вариантов пряслиц свойствен 3-ей территориально-хронологической группе памятников, относящихся к культурам тушемлинско-банцеровской и длинных курганов (Шарова, 2004, с. 68-69, рис. 1). Такие пряслица найдены на селище Жабино VI–VIII вв. в верхнем Подвинье (Станкевич, 1960, с. 112, рис. 75: 6, 7), в массовом количестве – на селище у д. Городище Мядельского р-на Минской обл. в слоях третьей четверти I тыс. н.э. (Митрофанов, 1978, с. 114, рис. 54), встречались на ряде памятников с материалами III–V вв. и третьей четверти I тыс. н.э. белорусского и смоленского Поднепровья и южной Псковщины (например, Заозерье, Бельчица, Де-диловичи, Каменная Лава, Свинухи и др.) (см. Верхнее Поднепровье...).

Обломки 7 биконических пряслиц, наряду с ранними материалами культуры длинных курганов и другими находками, происходят из заполнения комплекса, исследованного на селище Прость на берегу Волхова в 2 км южнее Новгорода. Это сооружение по совокупности материалов датируется VIII в. (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 142-143, табл. 165: 1, 4).

Таким образом, рассмотренные выше данные позволяют отнести начало функционирования двух поселений на длиннокурганном этапе к V в. н.э. Жизнедеятельность на поселении Горка с разной степенью интенсивности продолжалась до конца I тыс. н.э. Материалы поселения Горка характеризуют занятия его обитателей в эпоху длинных курганов – от рыболовства, земледелия, скотоводства до ремесел – ткачества, железоделательного и бронзолитейного производства.

Небольшое поселение Горка-10 является вообще уникальным памятником: вышеприведенные данные позволяют говорить о его относительно недолговременном функционировании в период V–VII вв. и отнести его к одному из самых ранних поселений эпохи длинных курганов на севере Псковщины. Это, помимо комплекса находок, подтверждают и стратиграфические наблюдения. Здесь впервые на Северо-Западе была исследована дорога эпохи длинных курганов, которая сложилась уже после того, как на этом поселении начали выплавлять железо. Один из железоделательных комплексов был перекрыт ее нижними колеями, расстояние между центрами которых составляло 1,26 м¹. Напомним, что вдоль этой дороги зафиксировано 8 могильников с сожжениями, погребения в которых начали осуществляться спустя определенное время после возникновения селища.

О раннем освоении среднего течения Плюссы в эпоху длинных курганов свидетельствует ряд выше рассмотренных находок – хронологических индикаторов, позволяющих относить приход сюда нового населения ко времени не позднее V в. н.э., как и в большинстве других регионов распространения культуры. Начальное расселение носителей культуры длинных курганов на всей ее территории, очевидно, происходило в достаточно узком временном интервале. Даже на самых отдален-

¹ Ширина римской дороги составляла 4 фута и 8,5 дюймов (1,435 м) (Hagen, 1967), что позволяло впрячь в повозку рядом двух лошадей. Это близко к ширине исследованной нами дороги, что, впрочем, не может составлять никаких прямых аналогий.

ных северо-восточных рубежах на ее памятниках встречены находки, подтверждающие синхронность самых ранних погребальных сооружений во всем ее ареале, принадлежность их к V в. (Башенькин, 1992а, с. 135-143). Серийные радиоуглеродные датировки ряда комплексов длинных курганов и их поселений во всех регионах подтверждают это. Сложение и дальнейшее развитие культуры произошло уже на освоенных ее носителями территориях с участием традиций предшествующих культур.

Важнейшими, на наш взгляд, и подтвержденными полевыми исследованиями на всех землях, занимаемых длинными курганами, являются общие характеристики этой культуры. Она едина по своим погребальным и поселенческим традициям во всех регионах ее распространения. Представляется, что изначальный импульс расселения носителей культуры в археологическом аспекте был недолговременным – не более полустолетия (при этом отдельные расселенческие импульсы, вероятно, никогда не удастся проследить). Переселенцами были освоены местности, единые по своим ландшафтно-географическим характеристикам – боровые озерно-ледниковые ландшафты, что соответствовало их хозяйственным и мировоззренческим традициям. Курганный погребальный обряд сложился на местах расселения. Датировочные предметы и керамические комплексы, связанные с памятниками культуры разных регионов, должны оцениваться как составляющая часть ее материальной культуры с учетом привнесенных и местных традиций.

Культура длинных курганов заняла огромную территорию, которая была весьма неоднородна по плотности и этнокультурной составляющей субстратного населения. Отсюда происходят не всегда поддающиеся систематизации специфические элементы в разных микрорегионах. Безусловно, что и с отдельными группами длиннокурганного населения были привнесены и свои «микротрадиции», не всегда фиксирующиеся археологически.

ЛИТЕРАТУРА

- Аун М., 1992. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на юго-востоке Эстонии. Таллин.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198.
- Башенькин А.Н., 1987. Сопки и длинные курганы на востоке Новгородской земли // История и археология Новгородской земли. Новгород.
- Башенькин А.Н., 1992. Исследование памятников I тыс. н.э. в бассейне Мологи (в 1990г.) // ННЗ. Вып. 4-5.
- Башенькин А.Н., 1992а. Сопки и длинные курганы в Юго-Западном Белозерье // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура (Материалы по археологии России. Вып. 1). М. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э. (РСМ. Вып. 4). М., 2002.
- Гроздилов Г.П., 1965. Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. № 7. Л.
- Казанский М.М., 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого расселения народов // АВ. Вып. 6. СПб.
- Казанский М.М., 2008. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В., 1998. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. 4. Армавир, М.
- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А., 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // ПАВ. № 7.
- Конечный В.Я., 1987. Население Приильменья в этнических процессах на Северо-Западе в VIII–XIII вв. (к постановке проблемы) // История и археология Новгородской земли. Новгород.

- Короткевич Б.С., 1989. Верхнее Подвинье в раннем железном веке // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.
- Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н., Микляев А.М., 1992. Двинско-Ловатское междуречье в каменном – железном веке (опыт археолого-палеогеографической периодизации) // ННЗ.
- Лаула С.К., 1975. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тысячелетии н.э. // Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. Саранск.
- Лаула С.К., 1979. Об этнической принадлежности курганов Юго-Восточной Эстонии // ИАН ЭССР. Общественные науки. Таллин. № 3.
- Лебедев Г.С., 1977. Начало верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л.
- Лебедев Г.С., 1982. О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Ляпушкин И.И., 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.) // МИА. № 152. М.
- Микляев А.М., 1995. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // ПАВ. № 9. СПб.
- Минасян Р.С., 1979. Поселение и могильник на берегу озера Уzmanь. // ТГЭ. Вып. XX. Л.
- Лопатин Н.В., 2009. О древностях III–V вв. на юге Псковской области // АИППЗ. Материалы 54 заседания. Псков.
- Лопатин Н.В., Фурсаев А.Г., 1995. О роли памятников III–V вв. н.э. в формировании культуры псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // ПАВ. № 9. СПб.
- Лопатин Н.В., Фурсаев А.Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. (РСМ. Вып. 8) М.
- Митрофанов А.Г., 1978. Железный век средней Белоруссии. Минск.
- Михайлова Е.Р., 2007. Тисненые бляшки-обоймицы из памятников культуры псковских длинных курганов // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.
- Михайлова Е.Р., 2009. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Носов Е.Н., 1981. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. // СА, № 1.
- Носов Е.Н., 1981а. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. Вып. 166.
- Носов Е.Н., 1982. Проблема изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. Вып. 1(11). Л.
- Носов Е.Н., 1984. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. Вып. 179.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. СПб.
- Орлов С.Н., 1968. Археологические исследования в низовьях реки Мсты // СА, № 3. М.
- Очерки по археологии Белоруссии. 1970. Часть I. Минск.
- Попов С.Г., 1992. Система расселения второй пол. I тыс. н.э. на средней Плюссе // АИППЗ.
- Попов С.Г., 2009. Раннесредневековая система расселения на средней Плюссе // АИППЗ.
- Попов С.Г., 1995. Городища Восточного Причудья // Фортификация в древности и средневековье. СПб.
- Попов С.Г., 1997. Северо-западная граница ареала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. СПб., Псков.
- Седов В.В., 1960. Кривичи // СА, № 1.
- Седов В.В., 1974. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1-8. М.
- Седов В.В., 1994а. Славяне в древности. М.
- Седов В.В., 1994б. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- Седов В.В., 1999. Древнерусская народность. М.
- Седов В.В., 2002. Изборск – протогород. М.
- Спицын А.А., 1903. Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА РАО. Т. V. Вып. 1.
- Спицын А.А., 1914. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде Петроградской губернии // Известия Археологической комиссии. Вып. 53. Пг.
- Станкевич Я.В., 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н.э. МИА. № 76. М., Л.
- Тараканова С.А., 1954. Длинные и удлиненные курганы // СА, XIX.

- Торопов С.Е., 1997. Поселение культуры длинных курганов на озере Крюково // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. Конф. 11–13 ноября 1997 г. Новгород.
- Третьяков П.Н., 1953. Восточнославянские племена. Москва.
- Конечный В.Я., 1997. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // ННЗ. Вып. 11. Новгород.
- Чернягин Н.Н., 1941. Длинные курганы и сопки // МИА. № 6.
- Шадыро В.И., 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.
- Шарова О.А., 2004. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в I-м тыс. н.э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Калуга.
- Шмидехельм М.Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н.э. – V в. н.э.). Таллин.
- Шмидт Е.А., 1970. О культуре городищ-убежищ Левобережной Смоленщины // МИА. № 176. М.
- Штыхаў Г.В., 1992. Крывічы. Па матэрыялах раскопак курганаў ў Паўночнай Беларусі. Мінск.
- Hagen V.M., von, 1967. The Roads that led to Rome. Cleveland, New-York.
- Tallgren A.M., 1922. Zur Archäologie Eestis. Bd. I. Dorpat.

С.Г. Попов, Т.А. Шаровская, З.Р. Румянцева

Биконические пряслица с поселений второй половины I тыс. н.э. среднего Поплюсья

На одном из крайних северо-западных рубежей распространения культуры длинных курганов – в среднем течении реки Плюсса – выявлен ряд памятников, связанных с ранней стадией становления и развития этой культуры. Городища, могильники, поселения, древние дороги обозначают единую систему расселения второй пол. I тыс. н.э. Из известных нам памятников этого времени в бассейне реки Плюсса раскопкам подвергнуто три – поселения Крапивно, Горка и Горка-10 (рис. 1)¹.

С поселениями Крапивно и Горка-10 связаны исключительно материалы культуры длинных курганов. На поселении Горка, открытом работами Гдовского отряда ИИМК РАН в 1989 г., в результате многолетних раскопок выявлено два пласта древностей. Нижний горизонт поселения отнесен к раннему железному веку конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. Верхние три горизонта поселения обозначены фундаментальной и долговременной, насколько можно судить по следам жизнедеятельности, структурой сельского сообщества культуры длинных курганов.

При общем сопоставлении материалов трех поселений эпохи длинных курганов можно утверждать, что поселение Горка-10 соответствует ранней стадии распространения культуры на данной территории – в пределах V–VI вв. н.э. Поселение Горка (как одно из «центральных» в этой округе) существовало в эпоху длинных курганов в пределах почти всей 2-й пол. I тыс. н.э., а небольшое селище Крапивно с соответствующим ему могильником из 9 курганов – относительно недолго в последней четверти I тыс. н.э.

Достаточно массовой категорией находок на поселениях Горка и Горка-10 являются глиняные пряслица, характеризующие один из видов деятельности носителей культуры длинных курганов. Непосредственно анализу этой категории предметов и посвящена данная работа.

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 291–294.

Первая систематизация пряслиц раннего железного века – раннего средневековья в лесной и лесостепной зоне проведена О.А. Шаровой (Шарова, 1995). Ею проанализировано 518 глиняных пряслиц (а также 49 пряслиц из стенок сосудов и 6 каменных) с 75 памятников позднезарубинецкой, киевской, мощинской, колочинской, тушемлинско-банцеровской, пражской культур и культуры длинных курганов. Отмечено, что основным признаком является симметрия пряслиц относительно горизонтальной оси, проходящей через середину высоты, а асимметрия свойственна в основном пряслицам с памятников раннего железного века. О.А. Шаровой закономерно выявлены признаки оформления ребра, боковых граней и основания. Безусловно, пряслица разделяются на три группы, определяющим признаком которых является четкость и нечеткость форм. К первой группе относятся пряслица, имеющие заостренное ребро и более или менее четкий переход от основания к осевому отверстию; второй группе свойственны более скругленные перегибы. К третьей категории относятся пряслица с нечетко выраженными дугообразными гранями (Шарова, 2004, с. 68).

Нами исследована коллекция пряслиц с поселений Крапивно, Горка и Горка-10, составляющая 67 экз. (включая 20 целых и 47 фрагментов). Из них подавляющее большинство (60 экз.) относятся к биконическим, у 6 экз. отсутствует ребро (их можно отнести к разряду «бочонковидных»), 1 фрагмент неопределим.

Ныне представляется, что практически все проанализированные пряслица относятся ко времени культуры длинных курганов. На поселении Горка основная часть пряслиц связана с тремя верхними строительными горизонтами и комплексами второй половины I н.э. Так, на поселении Горка пряслица и их фрагменты (41 экз., из них 37 – биконические) распределяются по слоям и строительным горизонтам следующим образом: гл. 0-0,1 м – 1 (неопределимое); гл. 0,1-0,2 м – 4 (I строительный горизонт); гл. 0,2-0,3 – 12 (II строительный горизонт); гл. 0,3-0,4 м – 14 (III строительный горизонт); гл. 0,4-0,5 – 5 (IV строительный горизонт). Два пряслица найдены в комплексах, углубленных в материк: 1 фрагмент бочонковидного пряслица – в заполнении ямы, и один мелкий фрагмент биконического – при расчистке железоделательного комплекса. Большинству найденных пряслиц соответствуют материалы второй половины I тыс. н.э. Им по времени синхронны такие находки, как две железные костылевидные булавки, шпора, бритва поздне-римского времени, каменное блоковидное кресало, часть бронзового перстня с орнаментом, многочисленные фрагменты лепной керамики второй пол. I тыс. н.э.

Безусловно, прямые их аналогии с находками с поселения Горка-10, расположенного на пойменном острове и отстоящего от него в 3 км, говорят об их культурно-хронологическом единстве.

Надо отметить, что памятник Горка-10 представляет собой уникальный «монокронологический» вариант раннего весьма небольшого поселения (площадью 360 кв. м) ремесленно-хозяйственного характера. Однородность керамического комплекса, ряд находок (железные: бритва поздне-римского времени, булавка с костылевидным навершием, нож, пряжка с язычком, стеклянные бусины и пр.), стратиграфические наблюдения – этапность сложения дороги эпохи длинных курганов, которая перекрывает один из железоделательных комплексов поселения, – все это позволяет говорить о возникновении этого поселения на ранней стадии распро-

странения культуры длинных курганов на данной территории (см. статью С.Г. Попова в данном сборнике).

Древние дороги и могильники, расположенные вдоль них, связывают этот памятник с другими поселениями и городищами данной округи. Они возникли несколько позднее его основания. Тем более интересно, что на 40 кв. м исследованной в 2006-2007 гг. площади поселения Горка-10 из 46 находок больше половины (28 экз.) составили глиняные пряслица и их обломки. Из этих 28 экземпляров пряслиц большинство относилось к биконическим, а 3 фрагмента к «бочонковидным», без ребра. Несколько фрагментов, несмотря на то, что были найдены в разных квадратах, на различной глубине, при камеральной обработке оказались фрагментами одних пряслиц, поэтому общее количество пряслиц составило 24 экз., биконических – 21 экз.

При анализе форм всех проанализированных пряслиц учитывалась их высота, диаметр отверстия, максимальный диаметр по ребру, толщина стенок, а также такие важные характеристики, как состав глины, наличие лощения, т.е. общий стиль исполнения. Кроме этого, для выделения вариантов данного типа пряслиц важны соотношение между максимальным диаметром пряслица, диаметром отверстия и толщиной стенок и соотношение максимального диаметра и высоты. В совокупности эти характеристики являются не просто формальными маркерами данных изделий, а выявляют систематические культурно-бытовые особенности их функционирования, поскольку само по себе пряслице не является самодостаточным предметом бытового назначения, а представляет собой один из элементов системы прядения и в конечном итоге ткачества в целом. Так, по диаметру отверстия пряслица мы можем восстановить диаметр и общие пропорции веретена, а их суммарный вес и геометрия, а соответственно, и вращающий момент, обуславливают толщину скручиваемой нити.

Биконические пряслица, найденные на поселении Горка, представлены несколькими вариантами-подтипами, обнаруживающими достаточно устойчивые признаки (рис. 2).

1. Пряслица биконические, ребристые, средних пропорций, небольшого диаметра (26 мм), при средней высоте 16-17 мм – 11 экз. Они характеризуются хорошим исполнением, симметричны, боковые грани сильно вогнуты, ребро оттянуто, поверхность залощена. Основание чаще всего плоское, но в отдельных случаях – несколько скруглено. Венчик тонкий, шириной не более 1-2 мм, сведен на конус; ширина стенки 6-7 мм, диаметр отверстия не превышает 12 мм. В разрезе отверстие может быть вогнуто с боков (рис. 2: 1; рис. 3: 9).

2. Пряслица биконические средних пропорций, также небольшого диаметра (24-25 мм), при высоте 14-16 мм, но в отличие от первых имеют нечеткие формы: ребро не оттянуто, в ряде случаев скруглено, боковые поверхности прямые. Основание плоское, но может быть и скруглено, ширина венчика не превышает 3 мм, толщина стенки 5-7 мм. Тесто, из которого они изготовлены, отошено, в ряде случаев достаточно рыхлое, легко крошится. В большинстве случаев поверхность не залощена. Представлены 10 экз., из которых 1 фрагмент (при общих характеристиках группы) имеет скругленное ребро в виде валика (рис. 2: 2).

3. Биконические ребристые пряслица средних пропорций, некоторые достаточно массивные, приземистые – 5 экз. Характеризуются большим по отношению к

другим подтипам диаметром по ребру (28-30 мм), диаметром отверстия (13-14 мм) и толщиной венчиков (4-5 мм) и стенок (8-9 мм) (рис. 2: 3; рис. 3: 2, 4, 6). Имеют вогнутые залощенные боковые поверхности и оттянутое ребро. В целом отличаются сравнительно высоким качеством изготовления. Поверхность гладкая, без трещин; тесто плотное, хорошо отмученное, глина серо-коричневого, темно-серого цвета обжига. Характерный для группы экземпляр имеет следующие параметры: высота – 17 мм, диаметр по ребру – 30 мм, диаметр основания – 25 мм, диаметр отверстия – 14 мм, ширина венчика – 5 мм, толщина стенки – 9 мм.

4. Биконические пряслица средних пропорций (высота 15-17 мм, диаметр 28 мм). Массивные пряслица с плоским основанием, толстыми стенками (до 10 мм) и широким прямо срезанным венчиком (4-5 мм). Ребро не оттянуто, выражено слабо. Тесто плотное, обжиг коричневого, оранжевого цвета, поверхность гладкая. Общий стиль исполнения достаточно небрежен, наличествует асимметрия, выражающаяся в отклонении горизонтальной оси на несколько градусов, в результате чего возможны колебания в высоте верхних и нижних граней в 1-2 мм (рис. 2: 4; рис. 3: 3).

5. Биконические ребристые пряслица высоких пропорций – 3 экз. (высота 18 мм, диаметр 26 мм). У данного варианта пряслиц основание плоское, венчик срезан, ребро оттянуто и сформировано в виде валика, боковые поверхности сильно вогнуты. Пряслица достаточно массивны, асимметричны относительно оси, имеют вытянутые пропорции. Имеют обжиг светло-бежевого или оранжевого цвета. Поверхность не залощена, тесто плотное (рис. 2: 5; рис. 3: 1, 5).

Два пряслица (в таблице помечены звездочкой*) по своим характеристикам занимают промежуточное положение между 1-м и 3-м вариантами. Они меньшего диаметра, стенки тонкие (7 мм), ребро оттянуто. В целом они имеют более вытянутые пропорции (при диаметре 28 мм высота 20 мм, и при диаметре 25 мм – 18 мм соответственно). Ширина венчика больше, чем в 1-й группе, он прямо срезан, хорошо сработан. По общему стилю исполнения, характеру теста, цвету, лощению тяготеют к 3-й группе (рис. 3: 5, 7).

Кроме этого, одно пряслице не принадлежит ни к одной из вышеперечисленных вариантов (рис 2: 6; рис. 3: 8). Оно имеет сильно уплощенные пропорции (диам. по ребру 34 мм, выс. 12-13 мм, диам. верхнего основания – 22 мм, диам. отверстия – 14 мм), ребро сильно оттянуто и сформировано в виде широкого валика (ширина до 4 мм). Пряслице асимметричное, очень грубо изготовлено, на поверхности имеются четкие вмятины от пальцев. Технологические приемы его изготовления абсолютно отличны от приемов изготовления остальных пряслиц, о чем подробнее будет сказано ниже.

Распределение пряслиц по вариантам, согласно слоям поселения Горка, отображено в таблице 1 на с. 295 настоящего сборника.

При сравнении с этими подтипами пряслица с поселения Горка-10 обнаруживают несомненную типологическую общность с пряслицами поселения Горка (рис. 4). Наблюдаются прямые соответствия с подтипами 2 (в большей степени), 3, 4. Здесь также преобладают пряслица четких форм. Но есть и ряд существенных отличий:

1. В целом пряслица Горки-10 более разнообразны в деталях оформления, т.е. обнаруживают больший «стилистический разноразбой». Нельзя выделить таких чет-

ких одностилевых групп, как это было на поселении Горка, за исключением пряслиц подтипа 2 (4 экз.).

2. Практически отсутствует группа 1, т.е. миниатюрные пряслица с тонкими стенками и венчиком – 2 экз.

3. Пряслица в целом более массивные, высоких пропорций – высота 20 мм, диам. 29-30 мм, при сравнительно небольшом диаметре отверстия – 9-10 мм и толстых стенках. В целом сделаны достаточно грубо, часто с нарушением горизонтальной симметрии (рис. 5: 7, 8, 12, 13).

4. Имеются 2 миниатюрных пряслица сильно уплощенных форм. Тесто отожжено, очень рыхлое, светло-бежевого цвета (рис. 5: 1).

5. Пряслица с остро оттянутым ребром и вогнутыми гранями, которые представляли самую распространенную группу на поселении Горка, представлены всего 5 экземплярами (рис. 5: 9).

Объяснение этой стилевой разобщенности кроется в разной продолжительности существования двух рассматриваемых поселений. Горка-10, как было отмечено, является ранним памятником, жизнедеятельность на котором носила достаточно непродолжительный, «монофазный» характер. Поселении Горка, которое судя по совокупности археологических данных, функционировало гораздо более продолжительное время. Там успели сложиться ремесленные традиции, что, вероятно, нашло отражение и в модификации форм пряслиц. Можно предположить, что общие особенности форм пряслиц подтипа 3 сложились позднее, чем другие, т.к. в развитии всех вариантов представленных пряслиц она практически идеальна для скручивания нити, что подтверждается экспериментально (рис. 5: 12).

Здесь надо заметить, что инерция и время вращения любого предмета, его угловая скорость, зависят прежде всего от его массы и радиуса относительно центра вращения.

Так, математически момент инерции выражается формулой, в которой суммируются все элементарные массы с соответствующим квадратом ее расстояния от центра вращения (Савельев, 1966, с. 109-113):

$I = \sum (m_i r_i^2)$, где m_i – масса элементарной точки относительно центра вращения, а r_i – ее расстояние относительно центра вращения.

Для любого диска или цилиндра, при любой их высоте момент инерции, относительно оси вращения, совпадающей с геометрической осью, равен:

$$I = (mr^2)/4,$$

а момент инерции шара радиуса r относительно оси, проходящей через его центр, равен:

$$I = (2mr^2)/5.$$

Это идеальные геометрические формы, но общий физический смысл приведенных формул заключается в том, что в первую очередь долговременность и стабильность вращения предмета напрямую зависит от его массы, квадрата радиуса и симметрии относительно оси вращения. Безусловно, что в древности люди, изготавливающие пряслица, не задумывались о математических параметрах их вращения. Тем не менее, практика, безусловно позволяла выбирать оптимальные и наиболее симметричные формы для прядения тех или иных нитей (в зависимости от исходного материала пряжи и необходимой толщины нитей). От этого зависел также и диаметр отверстия, куда вставлялось деревянное веретено.

В трасологической лаборатории ИИМК РАН поставлен эксперимент по воспроизведению технологии изготовления пряслиц обозначенных видов, для которых использовалась докембрийская глина голубого цвета, добытая при бурении скважин с глубины 50 м на мысу при впадении р. Охта в р. Нева (рис. 5: 1). В ходе эксперимента было выявлено несколько возможных приемов формирования биконических пряслиц, а также сделаны наблюдения по особенностям их применения.

I. Между ладоней скатывается шарик, из него формируется цилиндр, чтобы уменьшить диаметр до стандартов. При оформлении ребра возникают сложности – диаметр начинает превышать норму, а пряслице получается уплощенным и асимметричным. В целом этот способ очень затратный, т.е. требует много времени для изготовления пряслица и придания ему правильной формы (рис. 5: 2).

II. Из комка глины формируется небольшой шарик, а из него цилиндр. Одновременными круговыми движениями указательного и большого пальцев обеих рук формируется ребро. Пряслицу придается биконическая форма путем сжатия большим и указательным пальцами до нужной высоты. При помощи остро заточенной конической палочки (веретена?) осторожно до достижения нужного диаметра прокручивается отверстие. Канал отверстия при этом получается как бы воронкообразным. При одновременном вращении палочки с пряслищем изделию придается окончательная форма путем заглаживания и выравнивая поверхностей. При этом способе получаются достаточно симметричные пряслица нужных форм, с округлым венчиком. Для придания венчику более четких очертаний требуются дополнительные усилия (рис. 5: 3-7).

III. Изготовление пряслица при прокатывании большого цилиндра между пальцами обеих рук. Указательные и безымянные пальца создают ложа для калибровки ребра и боковых граней. Если соблюдать симметрию, то получается пряслице правильных форм, но со слишком широкими боковыми гранями. Эти излишки глины срезались тонкой нитью, далее прокручивалось отверстие. При этом образовывались горизонтально срезанные венчики, как у большинства пряслиц из нашей коллекции (рис. 5: 8-11).

Как видно из описания двух последних приемов, ребро пряслиц формировалось не сразу, путем вертикального вытягивания, а постепенно, в ходе горизонтально направленных по отношению к основанию пряслиц концентрических движений. Все попытки оттянуть ребро сразу вертикально приводили к появлению сильно уплощенных пропорций, грубых асимметричных форм, аналогичных «аномальному» пряслицу, о котором было упомянуто выше.

При изготовлении экспериментальных пряслиц было уделено внимание получаемому отверстию. На изученных под бинокляром пряслицах с поселений Горка и Горка-10 все отверстия имеют фактически идеально круглую форму. Поверхность отверстий, как правило, гладкая, но на ней различаются как следы изготовления, так и следы использования. Следы изготовления имеют вид канавок различной ширины, расположенных горизонтально или вертикально. Вертикальные следы более широкие. Следы использования обнаруживаются на заполированной поверхности и имеют вид тонких горизонтальных царапин, расположенных концентрически. На экспериментальных пряслицах отверстия делались с помощью деревянных стержней и квадратных в сечении палочек. Их осторожно вворачивали в готовое пряслице, а затем также осторожно извлекали. Следы изготовления при этом по-

лучились идентичные тем, что имелись на аутентичных пряслицах, причем грубые вертикальные борозды оставляли палочки не круглые в сечении. Таким образом, можно сделать вывод, что следы на поверхности отверстия – это чаще всего следы изготовления. Редко же встречающиеся следы функционирования конкретно указывают на использование пряслиц при работе с веретеном. Никаких других признаков того, что пряслица использовались в другом качестве (например для оттягивания полотна при ткачестве), не обнаружено. Кроме этого трасологически подтвержден следующий любопытный факт: на основаниях двух пряслиц с поселения Горка имеются концентрические следы, полученные при их совместном контакте. Это означает, что на веретено пряслица могли надеваться и попарно. Данный прием утяжеляет веретено и задает ему более правильную амплитуду вращения, минимизируя его осевое биение.

Итак, в достаточно массовом количестве (20 целых и 40 фрагментов) на обозначенных поселениях представлены биконические пряслица. Большинство из них имело средние, приземистые пропорции, вогнутые грани и отверстие сравнительно большого диаметра. Более половины пряслиц было подлощено. Удалось проследить эволюцию форм биконических пряслиц, среди которых пряслица подтипа 3 занимают наивысшую степень технологической завершенности.

Эти данные не противоречат выводам, сделанным О.А. Шаровой. Большая часть пряслиц с поселений Горка и Горка-10, при всех их местных особенностях, относится к выделенной О.А. Шаровой группе В. Этот набор вариантов пряслиц свойственен 3-й территориально-хронологической группе памятников, принадлежащих тушемлинско-банцеровской культуре и культуре длинных курганов (Шарова, 2004, с. 68-69, рис. 1). Подобные пряслица найдены на селище Жабино VI-VIII вв. в верхнем Подвинье (Станкевич, 1960, с. 112, рис. 75: 6, 7), в массовом количестве – на селище у д. Городище Мядельского р-на Минской области в слоях третьей четверти I тыс. н.э. (Митрофанов, 1978, с. 114, рис. 54), встречались на ряде памятников с материалами III-V вв. и третьей четверти I тыс. н.э. белорусского и смоленского Поднепровья и южной Псковщины (например, Заозерье, Бельчица, Дедалиовичи, Каменная Лава, Свинухи и др.) (см. Верхнее Поднепровье..., 2002).

Обломки 7 биконических пряслиц, наряду с ранними материалами культуры длинных курганов и другими находками, происходят из заполнения комплекса, исследованного на селище Прость на берегу Волхова в 2 км южнее Новгорода. Это сооружение по совокупности материалов датируется VIII в. (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 142-143, табл. 165: 1, 4).

Проведенный нами анализ сравнительно немногочисленной коллекции пряслиц с поселений среднего Поплюсья позволяет большую их часть отнести к третьей четверти I тыс. н.э. и уверенно связать их напластованиями культуры длинных курганов. Наиболее ранней является коллекция пряслиц с поселения Горка-10, которая может быть отнесена по всей совокупности данных к V-VI вв. н.э. Как видно из рассмотренного материала даже для этого памятника, где присутствуют исключительно материалы узкого хронологического диапазона эпохи длинных курганов, набор пряслиц относительно однороден, при значительной стилистической разобщенности их изготовления. Мы уверенно можем связать их с ранним этапом развития культуры длинных курганов на Северо-Западном рубеже их ареала. Пряслица с поселения Горка при сравнительном анализе совместно с «эталонной» длинно-

курганной» коллекцией с памятника Горка-10 выявляют определенную тенденцию развития технологии производства и в последней четверти I тыс. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э. 2002 // Раннеславянский мир. Вып. 4. М.
Митрофанов А.Г., 1978. Железный век средней Белоруссии. Минск.
Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. СПб.
Савельев И.В., 1966. Курс общей физики. Т. 1. М.
Станкевич Я.В., 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н.э. М.-Л.
Шарова О.А., 1995. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в I тыс. н.э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья (Материалы VI научной конференции 28 февраля – 3 марта 1995 года). Калуга. 2004. С. 65-72.

А. Лиллак

Новые датировки городища Рыуге

Городище Рыуге расположено в Выруском уезде на территории Хааньяской возвышенности. Первые раскопки на городище проводились с 1951 по 1955 г. под руководством Харри Моора и Марты Шмидехельм. Площадь городища раскопана полностью. В восточном валу городища было найдено шесть горелых слоев (см. Шмидехельм, 1959), но их точные датировки остались неизвестными. По этой причине Тартуский университет провел в 2008 г. археологические раскопки на восточном валу городища (рис. 1)¹. На основе планов старых раскопок два пробных раскопа были заложены на восточном валу городища (рис. 2). В ходе раскопок из слоев горения было взято 11 проб угля для радиоуглеродных анализов (см. таблицу 1).

Серая песчаная прослойка, расположенная под валом, содержала мелкие кусочки угля. По данным радиоуглеродного метода, прослойка образовалась в диапазоне 135–390 гг. н.э. Вероятно, что городище сооружено в это время: на городище найдено небольшое количество штрихованной керамики. Такой тип керамики в Юго-Восточной Эстонии датируется с бронзового века (1800–500 до н.э.) по V–VI вв. н.э. (Laul, 2001, с. 173-174). Первоначальный вал имел лишь около 1 м в высоту.

Пожары произошли в VII–IX вв. Хотя результаты датировок оказываются очень близкими, одновременное возникновение трех нижних пожарных слоев (I, II и III) можно считать невероятным: все эти слои угля были покрыты слоем бересты. Это могло быть сделано лишь после остывания углей, в противном случае береста загорелась бы. После третьего пожара городище было сильно укреплено. Жители Рыуге подсыпали значительно вал и построили большие сооружения из бревен. По-видимому, с этим строительным этапом связан небольшой клад из четырех арабских монет, который был найден на городище в 1950-е гг. Монеты были спрятаны после 808 или 809 года (Leimus, Kiudsoo, 2004, с. 32-33).

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 294-295.

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки образцов из восточного вала городища Рыуге (2008).

Номер анализа	Место	Слой	Возраст ВР	Калиброванная дата (95.4%)	Номер пробы
1	Раскоп А	Серая песчаная прослойка под валом	1758 ± 48	135–390 AD	Tln-3138
2	Раскоп А	Пожарный слой I	1281 ± 55	655–874 AD	Tln-3139
3	Раскоп А	Пожарный слой I, береста	1301 ± 55	645–870 AD	Tln-3140
4	Раскоп А	Пожарный слой II	1223 ± 55	668–945 AD	Tln-3141
5	Раскоп А	Пожарный слой II, береста	1299 ± 55	646–870 AD	Tln-3142
6	Раскоп А	Пожарный слой III	1298 ± 55	646–870 AD	Tln-3143
7	Раскоп А	Пожарный слой III, береста	1349 ± 55	581–798 AD	Tln-3144
8	Раскоп А	Пожарный слой IV, бревно А	1215 ± 55	673–952 AD	Tln-3145
9	Раскоп А	Пожарный слой V	1235 ± 60	661–945 AD	Tln-3146
10	Раскоп В	Пожарный слой V	1242 ± 60	660–937 AD	Tln-3147
11	Раскоп В	Пожарный слой VI	1352 ± 60	567–807 AD	Tln-3148

На городище найдено большое количество лепной керамики, в том числе черепки с отверстиями, то есть рыугеского типа. Такая керамика известна и на других памятниках в Юго-Восточной Эстонии (особенно в ее западной части; см. Аун 1976, рис. 7), а также в небольшом количестве встречается на городищах Пскова, Изборска и Камно (Белецкий, 1996, рис. 3; Шмидехельм, 1959, с. 162; Aun, 2009, с. 78) и на городище Кентескалнс в Латвии (Аун, 1992, с. 45). Вероятно, этот тип керамики бытовал только с IX по XI в. Археологические памятники в Юго-Восточной Эстонии, например городища Хинниала и Урвасте и селище Ала-Пика (Valk, 2007, с. 56-65; Kihno, Valk, 1999), которые датированы более ранним временем, не содержат такой керамики.

Не ясно, когда произошел самый последний пожар на городище. По анализу верхнего горелого слоя (VI; рис. 3), это случилась в диапазоне от 567 до 807 гг., но кажется, что эта датировка немного слишком ранняя. По мнению Марты Шмидехельм, в XI в. городище Рыуге постоянного населения уже не имело, потому что круговая керамика встречалась там редко (Шмидехельм, 1959, с. 162). Однако отдельные находки указывают, что городище по-прежнему существовало, по крайней мере некоторое время. Такими находками являются, например, три западноевропейские монеты и браслет, который относится к типичным украшениям ливов; подобные браслеты найдены также в Восточной Латвии (Шмидехельм, 1959, с. 171-172, табл. IX, 9).

Оставление городища Рыуге в XI в. очень типично: в это время заброшено большинство городищ Юго-Восточной Эстонии. Трудно сказать, что вызвало это явление. Археолог Хейки Валк допускает, что одним из важнейших факторов, кроме «высыхания» торговых путей эпохи викингов, мог быть поход князя Ярослава на чужь приблизительно в 1030 г. (Валк, 2009). Городище Рыуге прекратило свое существование как центр власти, но жизнь в округе продолжалась. На это указывают палинологические анализы из ила рыугеских озер. Эти данные показывают, что человеческое влияние на природу не прекратилось, хотя временно уменьшилось в значительной мере (Poska, Sepp, Veski, Koppel, 2008, рис. 3). Воспоминание о

городище сохранилось в названии озера „Liinjärv“ („городищенское озеро“), которое находится у южного подножия городища.

ЛИТЕРАТУРА

- Аун М., 1976. Лепная керамика городищ и селищ Юго-Восточной Эстонии во второй половине I тыс. н.э. // ТАТÜ 25: 4.
- Аун М., 1992. Археологические памятники 2-й пол. 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.
- Белецкий С.В., 1996. Начало Пскова. СПб.
- Валк Х., 2009. Городища Восточной Эстонии и поход князя Ярослава на Чудь // АИПЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 54 заседания (15-17 апреля 2008 года). Псков.
- Шмидехельм М.Х., 1959. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 1. М.
- Аун М., 2009. Keskmine rauaaeg ja viikingiaeg (450–1050 pKr) // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu.
- Kihno K., Valk H., 1999. Archaeological and Palynological Investigations at Ala-Pika, Southeastern Estonia // PACT, 57. Environmental and Cultural History of the Eastern Baltic Region. Rixensart.
- Laul S., 2001. Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kaguosas (500 e.Kr. – 500 p.Kr.) // Muinasaja teadus, 9. Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad, 7. Tallinn.
- Leimus I., Kiudsoo M., 2004. Koprä ja hõbe. // Tuna, 4.
- Poska A., Sepp E., Veski S., Koppel K., 2008. Using quantitative pollen-based land-cover estimations and a spatial CA_Markov model to reconstruct the development of cultural landscape at Rõuge, South-Estonia // Vegetation History and Archaeobotany, 17 (5).
- Valk H., 2007. Excavations in the ruins of Vastseliina Castle and on the hillforts of Urvaste and Hinniala // Arheoloogilised välitööd Eestis. Archaeological fieldwork in Estonia 2006. Tallinn.

A. Janowski

From the North-Eastern to Central Europe. Silver-inlaid Axe from the Early Medieval Chamber Grave in Pień on the Chełmno Land (Poland)¹

Pień is a small village on the River Vistula situated in the western part of the Chełmno Land. The research carried out at a cemetery (site 9) since 2005 enabled for the discovery of eight early medieval chamber graves (Drozd, Janowski, Poliński, 2009) (fig. 1). Among them, of particular interest to us is Grave № 15 in which a mature (*maturus*) man was buried. His body lies on a bier placed inside a 3,40 x 1,90 m oak, lid-covered chamber (fig. 2). The dead lies supine with the head directed towards the east. Numerous objects have been found in the grave. Namely, behind his feet, a bronze bowl with a wooden dipper and a fragment of another wooden object (a plate?) were placed; beside the body a wooden bucket fitted with five iron bands lingered. On the dead's left hand side, near the hip a slate whetstone and an iron knife rested. Below the skeleton, on its right hand side and near the shank an iron axe with the cast-iron directed outwards lay. The way this axe was posited near the body suggests that the dead held it in his hand. The

¹ The article is a modified and corrected version of the text published in 2007 (Drozd, Janowski, 2007).

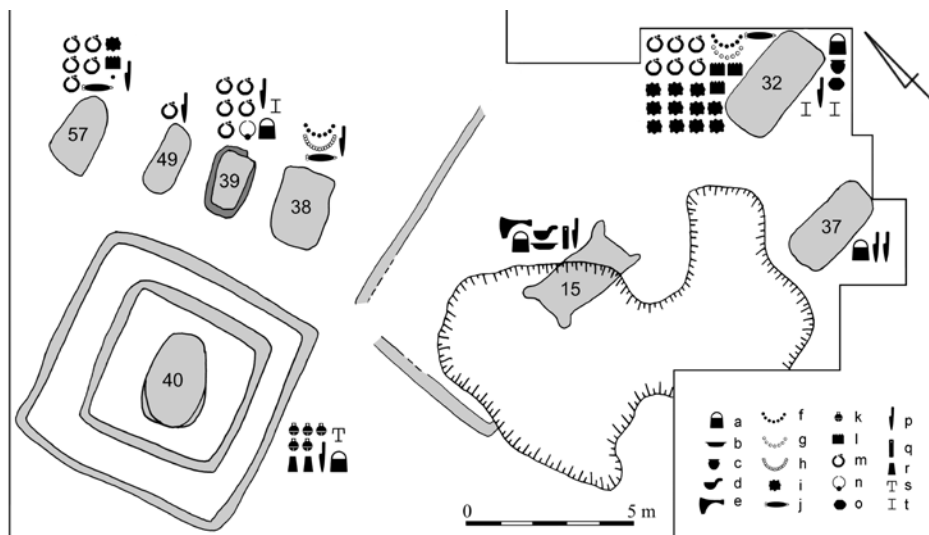

Fig. 1. Distribution of chamber graves on cemetery in Pień (after Drozd, Janowski, Poliński, 2009, ryc. 3): *a* – bucket, *b* – bronze bowl, *c* – clay vessel, *d* – wooden scoop, *e* – axe, *f* – semi-precious beads, *g* – glass beads, *h* – silver chain, *i* – silver bead, *j* – neckles clasp, *k* – bell-shaped pendant, *l* – kaptorga-amulet container, *m* – temple ring, *n* – ear-ring, *o* – clay whorl, *p* – knife, *q* – whetstone, *r* – conical holder, *s* – textile, *t* – different.

axe's surface showed strongly mineralized fragments of fabric (a robe or a shroud) and skin.

Description of the find.

The axe is considerably corroded. Its blade is slightly raised and equipped with the beard at the end of which, on the axe's inside a small hooked ledge is visible. The damaged, clearly isolated from the rest of the find, set is oval in shape on the inside, whereas on the outside it resembles a multilateral structure with rounded edges and a little cap at its ending. Its parameters are the following: total length 12,7 cm; the blade's greatest width 6,3 cm; the blade's thickness 0,8-1,2 cm; the set's height 2,9 cm; the set's width (reconstructed) 4,2 cm; the set's long diameter (preserved) 2,4 cm; the neck's smallest width 2,5 cm; the cap's height 3,9 cm. The axe's weight after conservation amounts to 183 g.

On the surface of one the axe's sides in the blade's upper part and on the set traces are visible of the ornamentation in the form of inlaid sheet stripes made probably of silver¹. The x-ray analysis demonstrated that both surfaces of the axe's iron part were ornamented. In the blade's upper and lower part there are two parallel streaks of the width 2 mm each separated from one another with the 5-6 mm wide space; the space that is filled with the ornamentation composed of four pairs of obtuse-angled triangles (their bases are 10 mm long each) pointing with their vertexes towards the centre so that a mo-

¹ Inlaying is a form of ornamenting a metal object by way of setting in it silver or golden steaks, whereas while incrustation formerly prepared grooves are filled with noble metals or other raw materials. Both techniques are occasionally wrongly interpreted and therefore there is no certainty whether the terms the authors used in this article refer to the appropriate ornamentation methods (c.f. Кулаков, 1998).

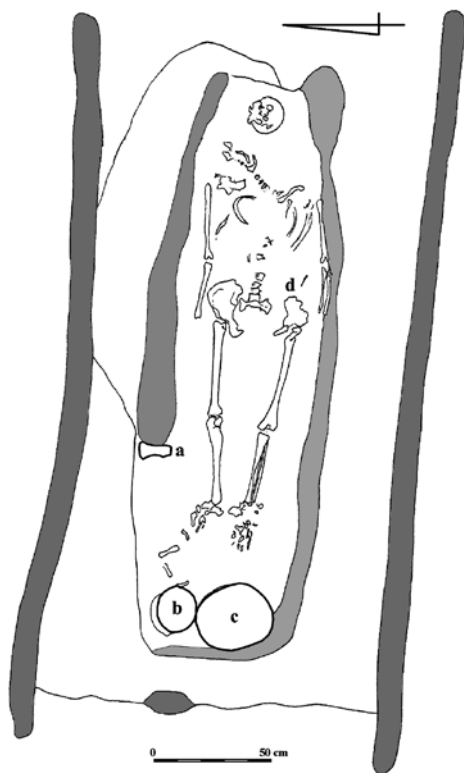

Fig. 2. Pień. Plan of chamber grave 15: *a* – axe, *b* – wooden bucket with iron fittings, *c* – bronze bowl; *d* – iron knife and slate whetstone (after Drozd, Janowski, 2007, ryc. 1).

tif of hourglasses with rhombuses in between is created¹. From the side of the axe's head the ornamentation is crowned with an obtuse-angled triangle whose vertex points towards the head. The blade's front part is ornamented with two parallel streaks 2 mm wide each between which there is an individual motif composed of eight triangles. The blade's central part is occupied by a pattern made of an unornamented space in the shape of a cross whose each arm is topped with a reversed E letter. The x-ray showed that the axe's head was ornamented, too; yet, the character of this ornamentation could not be defined. It can only be conjured that triangles constitute this ornamentation's *leit-motif*. It must also be assumed that the ornamentations on both sides of the blade are analogical (fig. 3, 4).

Typological analysis.

The poor state of preservation of the Pień axe makes its classification difficult. Owing to the presence of the beard, this axe can be classified, according to type V by A. Nadolski, whereas the presence of the cap suggests that the axe in question belongs into the subtype "a," or "b." The set is damaged at the point in which the wings could have been attached, what makes them difficult to interpret; yet, both the way the set is shaped and its proportions are characteristic for the subtype "a" axes, what would suggest the Pień specimen belongs in the same category.

There are 52 specimens of type Va axes found within the Polish territories (after Kotowicz, 2008, 170; Borowczak, 2008, kat. 11, 48, 126, 141), particularly in the regions of Great Poland, Central Poland, Little Poland and Mazovia, whereas such axes are lacking among the discoveries from Pomerania (Świątkiewicz, 2002, 18), Warmia and Masuria (Kittel, 2002, 178-180; Rybka, 2005, 90-91) as well as from Silesia (Sarnowska, 1962) (fig. 5). Therefore, apart from Smolug, Pień comprises the northmost site to have concealed a specimen of the type in question. Outside Poland, numerous discoveries of this sort of weapon can be found in Russia, particularly from Old Ladoga, Great Novgorod and Jaroslavl (Кирпичников, 1966, 36–37, рис. 7-9), and in Lithuania, Latvia and Estonia (Atgāzis, 1964, 115, att. 3.5-8; Volkaitė-Kulikauskienė, 1964, 108-110; Selirand,

¹ According to Dr. Marek Kołyszko of the Institute of Archaeology in the UMK University, Toruń who performed the object in question's conservation works, they could be made of a different metal.

1974, 90–91; 1980, 210; Tõnisson, 1974, 110). In the remaining part of Europe such axes occur only incidentally (Paulsen, 1956, 27–33; Lehtosalo-Hilander, 1982, 53; Heindel, 1992, 44; Ёторов, 2004; Kotowicz, Świątek, 2006).

The origin of the axe that is equipped with the beard, the cap and the wings is not obvious. P. Paulsen supposed that it had taken its shape within the Balto-Slavic territories, yet, under the Scandinavian influence of the Viking axe of Type III (Paulsen, 1956, Abb. 6; cf. Nadolski, 1954, 46, 50). This hypothesis does not however seem justified, particularly in the light of the fact that such axes only sporadically occur in Scandinavian sites (Paulsen, 1956, 27, 30), and if they do, they are not included in J. Petersen's classification (Petersen, 1919, 36–37). With the present state of knowledge in mind, we should but reject the hypothesis in question and treat the discovered specimens as imports. In the A.N. Kirpichnikov's classification axes with the beard, wings and cap are depicted as Type IV. The considerable number of Russian finds (144 specimens in 1966) and their, relatively early, chronology (the oldest of them has been dated for the 10th century) within this area prompted

the researcher to claim that the mentioned form must have been invented by Russian craftsmen and began to spread towards the neighbouring territories in the 11th century (Кирпичников, 1966, 36–37). In the literature on the subject the view has been accepted practically without reservations (see Ruttkay, 1976, 309; Lehtosalo-Hilander, 1982, 53; Ёторов, 2004, 99–100)¹ the more so that it was formerly confirmed by the research carried out with reference to the finds from Poland and Latvia where the moment when the weapon in question appeared was dated for the 11th century (Nadolski, 1954, 45; Atgāzis, 1964, 112–115, att. 3.5–8). Still, the discoveries made in the last twenty years in the Czech Re-

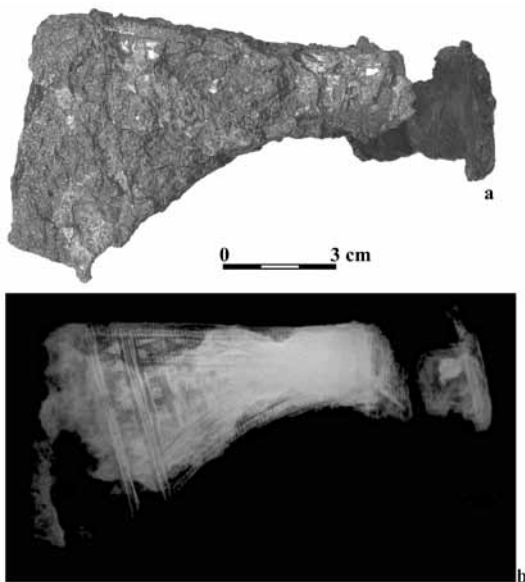

Fig. 3. Pień. a – photo of the axe, b – X-ray picture of the axe (after Drozd, Janowski, 2007, ryc. 2–3).

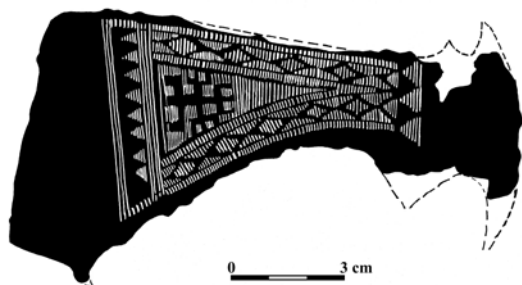

Fig. 4. Reconstruction of ornament on axe from Pień (drawing A. Janowski).

¹ On the basis of numerous Estonia finds, J. Selirand (1980, 210–211) conjured that a part of all the found specimens could be of local origin. According to J. Peets (2003, 268–269), axes with the beard could be made on mass scale in Visby, Great Novgorod, Pskov and Polock.

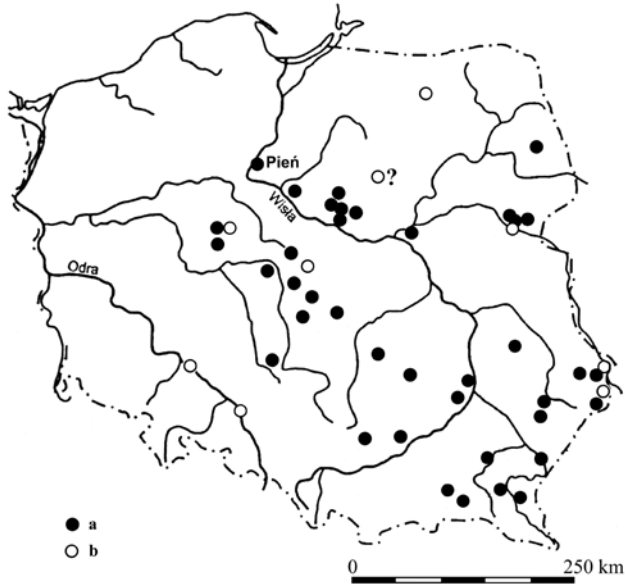

Fig. 5. Distribution of: *a* – axes type Va by A. Nadolski in Poland (after Kotowicz, 2008; modified by the author); *b* – miniature-axes type I by N.A. Makarov (after Wołoszyn, 2006).

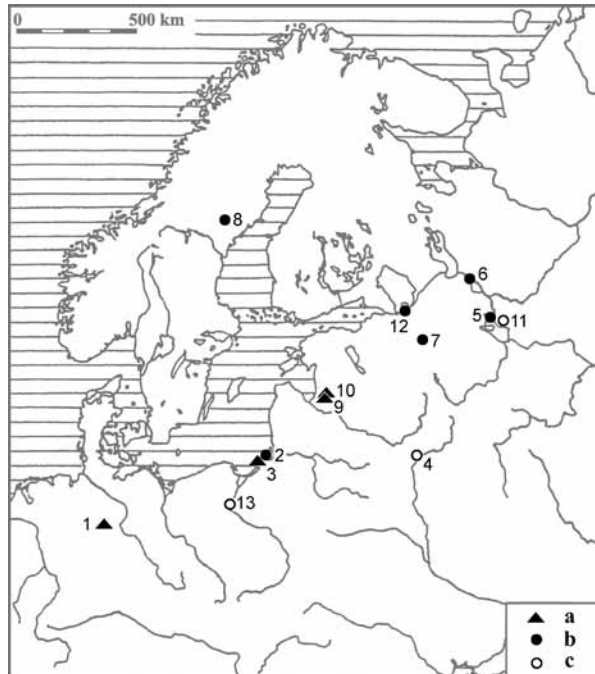

Fig. 6. Distribution of axes type Va by A. Nadolski with geometric ornament: *a* – with “checker” ornament, *b* – with “fish scales” ornament, *c* – with different type of ornament. 1 – Helmstedt, 2 – Irzekapinis, 3 – Kovrovo, 4 – Kovšarovo, 5 – Lukovec, 6 – Nikolskoe III, 7 – Nowogród Wielki, 8 – Sollefteå, 9 – Täläni, 10 – Turaida-Puteli, 11 – Tutaev, 12 – Ugly, 13 – Pińsk.

public, Slovakia and Hungary suggest a more critical approach to the problem of the origin of this axe's form. This is because it is in the above mentioned countries that individual specimens of the axe with the beard, cap and wings originate and are dated for the mid-10th, and even for the late 9th – the early 10th century (Kotowicz, Świątek, 2006, 126-128; Kotowicz, 2008, 172). Even older than these is the axe from Grave 17 found in Velika Gorica, Croatia, since it is dated for the early 9th century (Hrvati..., 106). The above mentioned axes are therefore nearly a hundred years older than the oldest Russian specimens and it is probable that patterns of the idea that led to the invention of such types of axes should be searched for within the Zakarpattia territories. In the light of the presented views and contrary to those views that dominate in the literature on the subject we must take into consideration the fact that Type Va axes appeared in the Polish territories as early as in the 2nd half of 9th or the early 10th century.

Finds of incrustated axes with the beard from Europe.

The finds of incrustated and inlaid axes are not numerous; specimens decorated with either an engraved, or stamped ornament occur far more frequently (see Paulsen, 1956, 69–99; Latvijas..., tabula 47: 22-23; 51: 15; 54: 10; Артемьев, 1994, рис. 2; 3: 1; 4). Only four specimens of so ornamented axes come from Poland. They are the axes found in Luboń (Kara, 1991, 109), Gubin and Żagań (Biermann, 2002), and in Ostrów Lednicki (Tokarski, 2000, 93, № 18) (fig. 9b). Still, they represent types different from the discussed axe kind.

Apart from the Pień axe, we know of only 12 more Va type specimens of this sort of weapon decorated, according to Nadolski¹, in an untypical way (data after Paulsen, 1956, 146-155, Abb. 78-82; Кирпичников, 1966, 106-107, № кат. 94, таб. XX.2; с. 116-117, № кат. 274, 289; Корзухина, 1966; Макаров, 1988; 1992, рис. 2; Кулаков, 1990, таб. XLIV; 2004, рис. 85.1)² (fig. 6). The majority of these axes were found in Russia (Irzeka-pinis, Kovrovo, Lukovec, Nikolskoe, Great Novgorod, Tutaev, Ugly), two in Latvia (Tāleni, Turaida-Puteli) and one in Germany (Helmstedt), one in Sweden (Sollefteå) and one in Byelorussia (Kovšarovo). Apart from the shape, the way it is ornamented and the presence of the suspension, the feature of the axe that seem common for the entire group is also its parameters³: the axe's length oscillates between 10-13 cm, whereas the blade's biggest width amount to 6-9 cm. With reference to its ornamentation, the axe can be further subdivided into two groups: *a* – axes decorated with the “fish scales” motif⁴ and *b* –

¹ Apart from those presented in the article, a group of six axes of Type V exists, according to A. Nadolski, which, owing to their zoomorphic ornamentations, is not a subject of these divagations (Кулаков, Скворцов, 2000; Biermann, 2002).

² The article does not consider the axe from Bolgar on the River Volga that, according to P. Paulsen (1956, 146) and G.F. Korzukhina (Корзухина, 1966, 92) was silver-incrustated. The latest work on the weaponry from the part of Bulgaria situated on the River Volga lack any information on the ornamented specimen (see Измайлов, 1997, 94).

³ In the Figure 2.14 from an article by A.V. Kudriashov and A.N. Bashenkin (Кудряшов, Башенькин, 1999) the Lukovec axe can be seen that, judging from its shape and ornamentations, seems to be the same axe as the one N.A. Makarov (Макаров, 1992) presents in the Figure 2.3 as originated in Vaganicha. According to the scale in the picture from the article by A.V. Kudriashov and A.N. Bashenkin, this axe is 18,5 cm long and its blade's biggest width amount to 12,5 cm, whereas according to the scale from N.A. Makarov's article, these parameters amount to 12 cm and 8 cm respectively.

⁴ V.I. Kulakov (Кулаков, 1993, 121) refers to his ornament as the „sprouting bud” motif.

axes decorated with the “checker” motif.¹ The first of these groups is numerous and comprises six specimens from the following places: Irzekapinis, (fig. 7: *f*), Lukovec (fig. 7: *c*), Nikolskoe III (fig. 7: *b*), Great Novgorod, (fig. 7: *e*), Sollefteå (fig. 7: *d*), and Ugly (fig. 7: *a*) (Paulsen, 1956, 146–148, Abb. 78; Корзухина, 1966, с. 91, рис. 2: 3–4; Кулаков, 1990, таб. XLIV; Макаров, 1988, с. 455–456; 1992, рис. 2: 3). The second group in question includes four specimens from: Helmstedt (fig. 8: *c*), Kovrovo (fig. 8: *d*), Tāleni (fig. 8: *a*) and Turaida-Puteli (fig. 8: *b*) (Paulsen, 1956, 149–155, Abb. 79, 81, 82; Кулаков, 2004, рис. 85: 1). In the case of two relics, information of their ornamentation is laconic indeed, for the Tutaev axe is decorated with a floral ornamentation (Корзухина, 1966, с. 92), whereas of the Kovšarovo axe we only know that it was copper-incrusted (Кирпичников, 1966, с. 116–117, № кат. 289; Корзухина, 1966, с. 91).

According to G.F. Korzukhina (Корзухина, 1966, 93), incrusted axes were made in the Latvia territories, whereas N.A. Makarov (Макаров, 1988, с. 457–458) and A.R. Artemiev (Артемьев, 1994, 164) are of the opinion that such axes could be produced by Russian craftsmen, yet most probably they come from Baltic areas. It seems that the numerous specimens of the “fish scales” – ornamented axe that occurred within the northern and north-eastern Russia, particularly around Beloozero suggest this area rather than the Baltic to have been the cradle of such a stylistic solution. The finds of other objects (e.g. combs – see Рябинин, 1992, рис. 2: 1; 2: 5) or axes of different types yet likewise ornamented that come from the areas in question can constitute fine evidence supporting the discussed hypothesis². In the case of “checker”-decorated axes, due to the singularity of the finds and their vast European deployment, it is difficult to indicate a region that bore such stylistic solutions. According to P. Paulsen (1957), the mentioned ornament emulates Viking banners, and so decorated axes do not originate in Russia but in Lithuania.

Dating the Pień axe.

The majority of the Type V axes – incrusted and inlaid – were discovered at the cemeteries (Irzekapinis, Kovorovo, Nikolskoe, Tāleni, Turaida-Puteli, Tutaev, Ugly), three come from the archaeological sites in Kovšarovo, Lukovec, Great Novgorod, whereas the actual place of discovering the Helmstedt and Sollefteå has been unknown. Except for the axe from Great Novgorod that was found in the layer dated for the 1st half of 12th century (Артемьев, 1994, с. 164), the chronology of the remaining specimens has been defined, for different reasons, for the 11th century. The chronological definition of the above mentioned finds was the easiest in the case of the grave finds from Nikolskoe and Irzekapinis. With regard to the first of these towns, the axe was discovered in a barrow (№ 35), and so were four denars, of which the earliest was minted by Saxon Duke Ornulf (1059–1086). Considering the fact that the remaining coins discovered in this barrow were from the second half of the 11th century the latest, we are therefore allowed to be able to date the cemetery and the burial in question for this same period (Равдина, 1988, с. 27–30; Макаров, Беляков, 1989, с. 82–83). On the other hand, the fact that the Irzekapinis axe was discovered in Grave 16 together with a set of numerous military objects (a sword with scabbard chape, two spearheads, two spurs and a set of stirrups) allowed for

¹ P. Paulsen (1957, 1, 25) refers to this motif as “textile.”

² The Muromskoe (Paulsen, 1956, Abb. 87: *a*) (fig. 9: *a*) and Nefedovo (Макаров, 1988, с. 456) axes. This motif is also visible on one Polish axe (Ostrów Lednicki (fig. 9: *b*), Tokarski, 2000, tablica I.1) and one German specimen (Warder (fig. 9: *c*), Heindel, 1992, Abb. 23g).

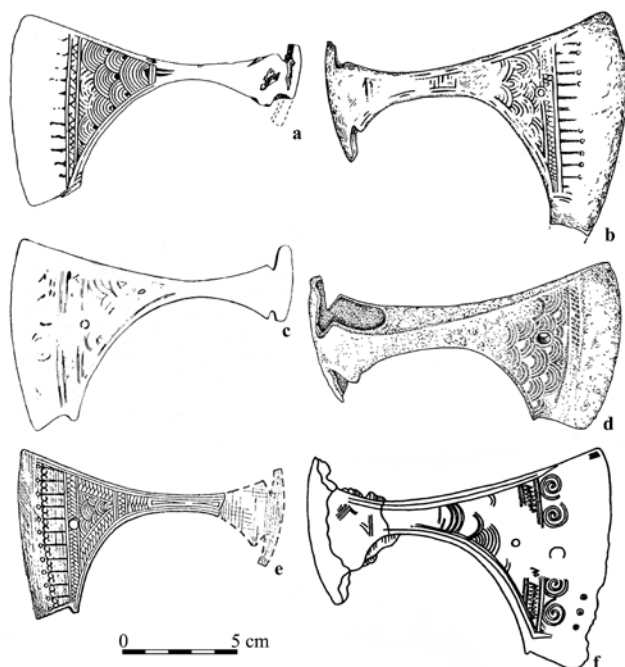

Fig. 7. Axes type Va by A. Nadolski with „fish scales” ornament: *a* – Ugly (after Корзухина, 1966, рис. 2: 4), *b* – Nikolskoe III (after Макаров, 1988, с. 456), *c* – Lukovec (after Макаров, 1992, рис. 2: 3), *d* – Sollesteå (after Paulsen 1956, Abb. 78), *e* – Great Novgorod (after Артемьев, 1994, рис. 3: 2), *f* – Irzekapinis (after Кулаков, 1990, таб. XLIV).

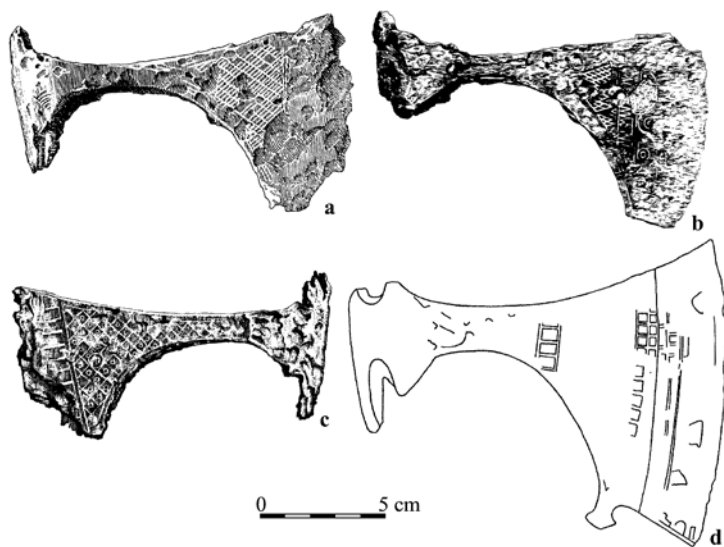

Fig. 8. Axes type Va by A. Nadolski with „checker” ornament: *a* – Täläni (after Tönnisson, 1974, Abb. 8: 3), *b* – Turaida-Puteli (after Paulsen, 1956, Abb. 79), *c* – Helmstedt (after Paulsen, 1956, Abb. 82: a), *d* – Kovrovo (after Кулаков, 2004, рис. 85: 1).

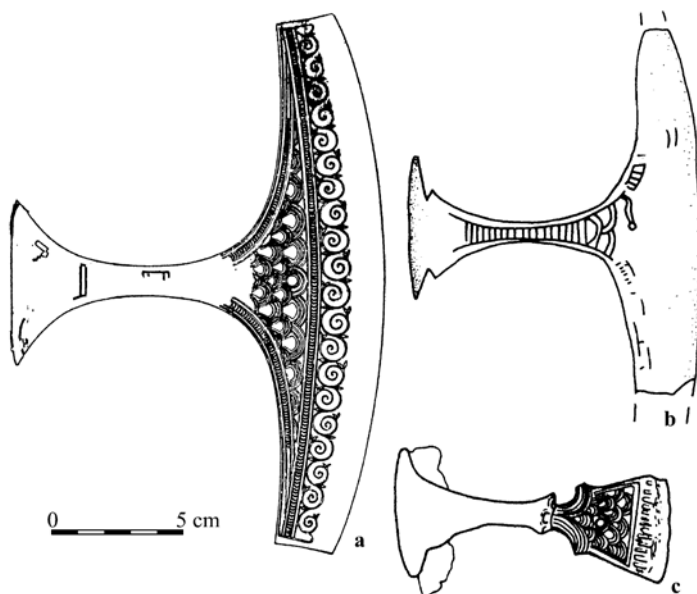

Fig. 9. Different types of axes with „fish scales” ornament: *a* – Muromskoe (after Paulsen, 1956, Abb. 87: *a*), *b* – Ostrów Lednicki (after Tokarski, 2000, tablica I: 1), *c* – Warder (after Heindel, 1992, Abb. 23g).

specifying the axe’s chronology for the early 11th century (Кулаков, 1990, с. 74-75, таб. 44). In the case of the Pień axe the dating based on other elements of equipment (the bronze bowl, the little bucket, the knife and the whetstone) is more difficult; yet, taking into consideration both the find’s context, its accompanying objects and the results of ¹⁴C analyses of the neighbouring burials, we can date the axe for the period between the 2nd half of 10th – and the beginning of 11th century (Drozd, Janowski, Poliński, 2009, 355).

Tool, weapon or power symbol.

In the early Middle Ages the axe comprised both a tool and a kind of weapon. This is best evidenced by the scenes from the Bayeux tapestry in which axes are being used in both of the above mentioned ways (see Rud, 1992). The question of the criteria for differentiating battle axes from labour axes seems problematic. The majority of weaponry experts assume the axe’s weight and size to be such criteria. According to M. Atgāzis (1964, 123), the weight of battle specimens amounts to 200-400 g, whereas of labour axes: 600-700 g. In the opinion of A.N. Kirpichnikov (Кирпичников, 1966, с. 28-29), battle axes are most often 10–12 cm long and weigh up to 450 g, whereas labour axes are 15–22 cm long and of the weight amounting to 600–800 g.¹ In the light of these assumptions the Pień axe and the remaining above mentioned Type Va axe specimens as A. Naldolski defines them (incrusted and inlaid) must be classified as battle axes, for their length oscillates between 10–13 cm, and the weight amount to c.a. 200 g (170 g – Nikolskoe; 183 g – Pień). Still, considering the presence on these axes of ornamentations as well as

¹ These statements are not conclusive. We know of 14 Russian graves referred to as burials of warriors, in which, along with other weaponry accessories axes with the beard have been found that, according to the parameters, must be classified as labour (see Кирпичников, 1966, 36; Kotowicz, Świątek, 2006).

the technique with the use of which they were made it is doubtful that they could be weapons. A stronger blow could cause the disjoining of the silver sheet from the rest of the axe, which, in turn, would result in the axe's losing in its aesthetic value. It was frequently emphasized in the literature on the subject that small size, incrustated axes comprised more a social status, or power symbol rather than any weapon (Paulsen, 1956, 155; Jankuhn, 1973, 566; Trotzig, 1985; Näsman, 1991; Pedersen, 1997, 130; 2002, 30; Кулаков, Скворцов, 2000)¹. At this point attention the axe's symbolic function needs to be emphasized, for these objects fulfilled a significant apotropeic role of a good luck charm already in the ancient times (Jankuhn, 1973; Babel, 1980; Peets, 2003, 199; Kurasiński, 2005, 212-213; Mäntylä, 2005, 120)². Early medieval suspensions in the form of miniature axes (up to 7cm long) must also be mentioned here, for some of them – Type I according to N.A. Makarov's standards – are similar in shape to their real life counterparts of Type Va as depicted by A. Nadolski (Макаров, 1992, с. 43-44, рис. 1, 2; Panasiewicz, Wołoszyn, 2002; Wołoszyn, 2006, 596-597). Such finds come mainly from Russia, Scandinavia and the Baltic countries as well as from Poland (some of them) (fig. 4). Their function has not been explained yet, and the numerous conjectures on the question of the mentioned function include those which relate it to the cult of Perun (east European literature), St. Olaf (Scandinavian literature) or Perkun (Latvian literature) (Panasiewicz, Wołoszyn, 2002, 261-263). Having considered both the suspensions' chronology (the 11th century, so immediately after Russia's official baptism) and the place they were found (mainly fortified centres and, in the case of necropolic finds, peasants' graves), N.A. Makarov formulated, on the other hand, a hypothesis that miniature axes had been symbols of affiliation with an old Russian troop and they were given to boys-warriors' sons on the occasion of their hair-cutting at the age of seven (Макаров, 1992, 48-51; Panasiewicz, Wołoszyn, 2002, 262-263).

Archaeological research has provided us with a large number of early medieval axes that have been considered weapons; a fact interesting for belying the poor, according to few existing mentions on axes in written records state, medieval *status quo* as regards such axes (Nadolski, 1954, 36-37). The only Polish source which mentions using an axe in battle is Wincenty Kadłubek's Chronicle. There is a note in this chronicle stating that in Miecław's army fighting the squads of King Kazimierz Odnowiciel there existed troops of *bipennatibus*. According to J. Szymczak (2001, 92), they must have been axe fighters. Only two mentions on axes can be found in the Russian sources. The first comprises a relation by Ibn-Fadlan describing, under the date of 922, the weapons Russian merchants used near the River Kama and the River Volga's mouth. Each of these merchants was to have been equipped with an axe, a sword and a knife (Lewicka-Rajewska, 2004, 158-159). The second mention is The Story of Bygone Years, a text in which an axe was used to crack down wizards (pagan priests) near Lake White in 1071 (Powieść..., 138). According to A. Nowakowski (1991, 70), a small number of such mentions in narrative and iconographic sources evidences the low position of the axe in the hierarchy of early medieval weaponry in which the axe was treated as a kind of weapon unbecoming of a knight. Foreign sources provide us with a slightly more numerous number of data on the axe; for example, we learn from these sources that the Varangian troops in the service of

¹ On the question of the axe's symbolism see also Mäntylä, 2005; Dobat, 2006.

² According to V.I. Kulakov (Кулаков, 1993, с. 121), incrustated axes were used by priests in ritual activities. It seems, however, that evidence is lacking for such a far-fetched interpretation.

Byzantine emperors were armed with such axes; they served as both the manifestation of a warrior's affiliation with the troop and as their own tribal symbol (D'Amato, 2005, 42; Wołoszyn, 2004, 252; 2006, 598-600)¹. It is not impossible that the Russian merchants mentioned by Ibn-Fadlan were actually Varangians, too. The popularity of this sort of weapon among northern peoples has been confirmed by numerous sepulchral finds from the 10th – 11th century Scandinavia. In many cases the axe constituted the only element of burial equipment and it is assumed that such burials must be ones of ordinary warriors. The higher status of the buried is assumed only in the case of discovering graves with incrustated axes (Näsman, 1991, 170; Pedersen, 2002, 30)².

BIBLIOGRAPHY

- Atgāzis M.*, 1964. Latgaļu 9.–12. gs. cirvji // *Arheoloģija un etnogrāfija*, t. 6.
- Bąbel J.*, 1980. Kult topora w neolicie ziem polskich // *Wiadomości Archeologiczne*, t. 45, z. 1.
- Biermann F.*, 2002. Mittelalterliche Kriegerausrüstung mit der Darstellung eines gehörnten Tieres, Waffen und Kostümkunde // *Zeitschrift für Waffen- und Kleidungsgeschichte*. Bd. 44, H. 1.
- Borowczak B.R.*, 2008. Topory wojów piastowskich. Bitwa o Ostrów Lednicki. Szczecin.
- D'Amato R.*, 2005. A Prōtospatharios, Magistros, and Strategos Autokrator of 11th cent.: the equipment of Georgios Maniakes and his army according to the Skylitzes Matritensis miniatures and other artistic sources of the middle Byzantine period, Porphyra. Supplemento, № 4. Palermo.
- Drozd A., Janowski A.*, 2007. Wczesnośredniowieczny inkrustowany topór z miejscowości Pień na ziemi chełmińskiej // *Wojskowość ludów Morza Bałtyckiego. Mare Integrans. Studia nad dziejami wybrzeży Morza Bałtyckiego*. Toruń.
- Drozd A., Janowski A., Poliński D.*, 2009. Wczesnośredniowieczne groby komorowe na cmentarzysku w Pniu koło Bydgoszczy (badania 2005-2007) // XVI Sesja Pomorzoznawcza, część 1, Od epoki kamienia do okresu wczesnośredniowiecznego. *Acta Archaeologica Pomorania*, t. 3. Szczecin.
- Dobat A.S.*, 2006. The king and his cult: the axe-hammer from Sutton Hoo and its implications for the concept of sacral leadership in early medieval Europe // *Antiquity*, vol. 80, № 310.
- Heindel I.*, 1992. Äxte des 8. bis 14. Jahrhunderts im westslawischen Siedlungsgebiet zwischen Elbe/Saale und Oder/Neiße // *Zeitschrift für Archäologie*, Bd. 26, H. 1.
- Hrvati i Karolinzi. Katalog. Split, 2000.
- Jankuhn H.*, 1973. Axtkult // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*, Bd. 1. Berlin – New-York.
- Kara M.*, 1991. Z badań nad wczesnośredniowiecznymi grobami z uzbrojeniem z terenu Wielkopolski // *Od plemienia do państwa. Śląsk na tle wczesnośredniowiecznej Słowiańszczyzny Zachodniej*. Wrocław.
- Kittel P.*, 2002. Średniowieczne uzbrojenie zaczepne Prusów z obszaru północno-wschodniej Polski // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, № 2 (236).
- Kotowicz P.N.*, 2008. Wczesnośredniowieczny topór z miejscowości Kryniczki, pow. Krasnostawski // *Silesia Antiqua*, t. 44.
- Kotowicz P.N., Świątek M.*, 2006. Mittelalterliche Streitäxte aus den Sammlungen des Regionalmuseums in Jasło. Ein Beitrag zur Kenntnis der Bewaffnung in den polnischen Karpaten // *Acta Archaeologica Carpathica*, t. 41.
- Kurasinski T.*, 2005. Topory typu M w grobach na terenie Polski wczesnośredniowiecznej – próba oceny znalezisk // *Do, ut des – dar, pochówek, tradycja, Funeralia Lednickie. Spotkanie 7*. Poznań.
- Latvijas PSR arheoloģija. Rīga, 1974.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.*, 1982. Luistari II. The Artefacts. Helsinki.
- Lewicka-Rajewska U.*, 2004. Arabskie opisanie Słowian. Źródła do dziejów średniowiecznej kultury. Wrocław.
- Mäntylä S.*, 2005. Broad-bladed battle-axes, their function and symbolic meaning // *Rituals and relations. Studies on the society and material culture of the Baltic Finns*. Helsinki.
- Nadolski A.*, 1954. Studia nad uzbrojeniem polskim z X, XI i XII wieku. Łódź.

¹ As late as the 13th century in Norway a working man's first and foremost duty was to equip oneself with an axe, and only later with a shield and a spear (Solberg, 1985, 69).

² One exception could have been axes with a wide, fan-like blade – Type M according to J. Petersen – see Mäntylä, 2005, 118–119.

- Näsman U., 1991. Grav og økse. Mammen og den danske vikingetids våbengrave // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid. Hojsberg.
- Nowakowski A., 1991. Uzbrojenie średniowieczne w Polsce (na tle zachodnioeuropejskim). Toruń.
- Panasiewicz W., Wołoszyn M., 2002. Staroruskie miniaturowe toporki z Gródka, pow. Hrubieszów // Archeologia Polski, t. 47, z. 1-2.
- Paulsen P., 1956. Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa. Bonn.
- Paulsen P., 1957. Feldzeichen der Normannen, Archiv für Kulturgeschichte, Bd. 39, H. 1.
- Pedersen A., 1997. Weapons and riding gear in burials – evidence of military and social rank in 10th century Denmark // Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1-1300. Copenhagen.
- Pedersen A., 2002. Scandinavian Weaponry in the Tenth Century. The Example of Denmark // A companion to medieval arms and armour. Woodbridge.
- Peets J., 2003. The power of iron. Iron production and blacksmithy in Estonia and neighboring areas in Prehistoric Period and the Middle Ages. Tallinn.
- Petersen J., 1919. De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania.
- Powieść minionych lat (przekład i opracowanie F. Sielicki). Wrocław, Warszawa, Kraków, 1999.
- Rud M., 1992. The Bayeux Tapestry and the Battle of Hastings 1066. Copenhagen.
- Ruttkay A., 1976. Waffen und Reiterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei (II) // Slovenská Archeológia, t. 24, z. 2.
- Rybka K., 2005. rec. Piotr Kittel, Średniowieczne uzbrojenie zaczepne Prusów z obszaru północno-wschodniej Polski, „Komunikaty Mazursko-Warmińskie”, 2002, № 2 // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej, r. 53, № 1.
- Sarnowska W., 1962. Topory wczesnośredniowieczne z obszaru Śląska // Światowit, t. 24.
- Selirand J., 1974. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.-13. sajand). Tallinn.
- Selirand J., 1980. Über das frühmittelalterliche Schmiedehandwerk in Estland, Offa, Bd. 37.
- Solberg B., 1985. Social Status in the Merovingian and Viking Periods in Norway from Archaeological and Historical Sources // Norwegian Archaeological Review, vol. 18, № 1-2.
- Szymczak J., 2001. Uzbrojenie w świetle źródeł pisanych w Polsce do połowy XIII w. // Acta Universitatis Lodzensis, Folia Archaeologica, t. 23/1.
- Świątkiewicz P., 2002. Uzbrojenie wczesnośredniowieczne na Pomorzu Zachodnim. Łódź.
- Tokarski W., 2000. Militaria – broń miotająca, obuchowa i drzewcowa oraz elementy rzędu końskiego i oporządzenia jeździeckiego // Wczesnośredniowieczne mosty przy Ostrowie Lednickim, tom I, Mosty traktu gnieźnieńskiego. Lednica – Toruń.
- Tönisson E., 1974. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. – Anfang 13. Jhs.). Ein Beitrag zur ostbaltischen Frühgeschichte. Tallinn.
- Trotzig G., 1985. An axe as sign of rank in a Viking community // Archaeology and Environment, vol. 4.
- Volkaitė-Kulikauskienė R., 1964. Kovos kirviai Lietuvoje ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu // Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, serija A, t. 1 (16).
- Wołoszyn M., 2004. Zabytki pochodzenia wschodniego we wczesnośredniowiecznej Polsce – wędrówka ludzi, rzeczy czy idei? // Wędrówki rzeczy i idei w średniowieczu. Wrocław.
- Wołoszyn M., 2006. Ze studiów nad obecnością ruską i skandynawską na ziemiach polskich w X–XII wieku // Świat Słowian wczesnego średniowiecza. Szczecin – Wrocław.
- Артемиев А.Р., 1994. Орнаментированные топоры из раскопок средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля, вып. 8. Новгород.
- Измайлов И.Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань – Магадан.
- Йотов В., 2004. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие VII–XI век. Варна.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2, Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. САИ, вып. Е1-36. М.–Л.
- Корзухина Г.Ф., 1966. Ладожский топорик // Культура Древней Руси. М.
- Кудряшов А.В., Башенькин А.Н., 1999. Луковец – затопленный древнерусский город // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии, т. 5. М.
- Кулаков В.И., 1990. Древности пруссов VI–XIII вв. САИ, вып. Г1-09. М.
- Кулаков В.И., 1993. Культовое оружие балтов и славян X–XII вв. // Slavia Antiqua, t. 33.
- Кулаков В.И., 1998. Silbertauschierte Artefakte Ostpreußens aus der Wikingerzeit // Tolkemita-Texte, № 54.
- Кулаков В.И., 2004. Доллякайм-Коврово. Исследования 1879 г. Prussia Antiqua, t. 2. Минск.

- Кулаков В.И., Скворцов К.Н., 2000. Топорик из Варген (ранговое оружие последних язычников Европы) // *Slavia Antiqua*, t. 41.
- Макаров Н.А., 1988. Декоративные топорики из Белозерья // *Памятники культуры. Новые открытия*. М.
- Макаров Н.А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики // *РА*, № 2.
- Макаров Н.А., Беляков А.С., 1989. Кемский некрополь в Северном Белозерье // *КСИА*, вып. 198.
- Равдина Т.В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.
- Рябинин Е.А., 1992. Северный трансевропейский путь X века и мера (по материалам резной кости Костромского Заволжья) // *Археологические вести*, вып. 1.

РЕЗЮМЕ

Яновски А. Из северной Европы в центральную. Инкрустированный серебром топор из камерного погребения в могильнике Пень (повят Хелмно, Польша).

Пень – это деревня на р. Висла в западной части Хелменского повята (Куявско-Поморское воеводство). В одной из открытых здесь камерных могил, датированных второй половиной X – началом XI в., найден небольшой железный топор, украшенный серебром (рис. 1-4). Его можно отнести к типу Va по А. Надольскому. В Польше до сих пор найдено 52 экземпляра похожих топоров (рис. 5), но без декора. В Европе известно 12 украшенных экземпляров типа Va. Из них 7 найдено в России, два в Латвии, по одному в Германии, Швеции и Белоруссии (рис. 6). Поделить можно их на две основные группы: А – украшенные мотивом „рыбьей чешуи” (Ирзекапинис, Луковец, Никольское III, Великий Новгород, Sollefeå, Углы) (рис. 7) и Б – украшенные мотивом „шахматной доски” (Helmstedt, Коврово, Tälēni и Turaida-Puteli) (рис. 8).

Эти топоры возникли предположительно на прибалтийском пространстве (сегодняшняя Литва и Латвия или северная и северо-восточная Россия). На это указывают находки других предметов с подобным декором и топоров других типов, украшенных этими мотивами (рис. 9).

В раннем средневековье топор был как рабочим инструментом, так и оружием. Декорированный экземпляр из могильника Пень и ему подобные – это, вероятно, боевые формы, которые исполняли тоже роль символов общественного статуса или власти.

Топор из Пня – исключительная находка, не имеющая буквальных соответствий в источниковом материале. С точки зрения формы и технологии декора он связан с экземплярами из северной и северо-восточной Европы. Этот предмет несомненно представлял собой символ значительного общественного статуса похороненного с ним мужчины, на что указывают не только другие предметы инвентаря, но и конструкция могилы. Учитывая всю совокупность доступных данных, следует констатировать, что топор, найденный в погребении 15 могильника Пень, являлся собственностью воина высокого ранга, происходящего, возможно, из северо-восточной Европы.

Новая попытка интерпретации жальничных погребений

Жальники – могильные сооружения, характерной чертой которых являются каменные обкладки из валунов в виде круга, овала или вытянутого четырехугольника, окружающие грунтовую могилу. Периметр могильной ямы может быть отмечен и несколькими отдельными камнями.

Жальничный обряд погребения появляется на территории Северо-Запада Руси в конце XI в. Самые ранние жальники имеют круглую форму, они сооружены из больших валунов. Ранние жальники отличаются от курганов с каменными кругами тем, что земляная насыпь внутри обкладки отсутствует или не поднимается выше поверхности камней. С течением времени круглая форма жальников меняется: круглые оградки заменяются овальными и четырехугольными.

Жальники распространены в обширном ареале Новгородской и Псковской земель (рис. 1¹; Седов, 1982, с. 180-182, карта 32; Седов, 2000а, рис. 2; Пронин, 1988, рис. 1-5). Они связаны исключительно с ингумациями в грунтовых могилах: покойники ориентированы головой на запад, с отклонениями на юг и на север. Погребальный инвентарь жальничных погребений скудный или отсутствует. Чаще всего встречаются украшения (височные кольца, браслеты, ожерелья, перстни, бубенчики) и металлические предметы, находившиеся на одежде. Погребения конца XII и XIII вв. в основном безынвентарные, однако на периферии скудные находки встречаются и в XIV–XV вв. (Спицын, 1903, с. 16; Пронин, 1982, с. 37; Рябинин, 1985, с. 73; Седов, 2000а, с. 18). Из-за отсутствия или скудности погребального инвентаря время исчезновения жальников неясно, однако в XIV–XV вв. они еще многочисленны (Спицын, 1903, с. 14, 16Б; Пронин, 1988, с. 30). Последние остатки этой традиции наблюдаются на периферии, например, на деревенских кладбищах этнографического ареала води, даже в XX в. (Ariste, 2005, с. 36, 63).

Теме жальников в археологии уделено немало внимания (Спицын, 1896, с. 39-48; 1903, с. 14-38; Хвощинская, 1978; Сергеева, 1982; Пронин, 1982; 1988; Рябинин, 1985; 2001, с. 28-33; Седов, 1982, с. 180-182; 2000а, б, и др.). Кроме вопросов возникновения, хронологии и погребального обряда, на уровне интерпретаций наибольшего внимания заслуживали этнические аспекты, в том числе связь с предполагаемой славянской колонизацией (Пронин, 1988, особенно с. 13; Седов, 2000а, особенно с. 8-9). По вопросу причин появления жальников нет ясности и общепринятого мнения. Последняя гипотеза представлена В.В. Седовым (2000а, б). Автор указывает на сходство ранних жальников с могильниками подобного характера в Мазовии. Так как сооружение последних прекращается с конца XI в., приблизительно во время появления жальников в Псковской и Новгородской землях, В.В. Седов связывает ранние жальники с предполагаемыми выходцами из Мазовии. Автор рассматривает их и в контексте „прусских“ топонимов, которые встречаются во

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 296-298.

владениях Новгорода (Седов, 2000а, рис. 3) и предполагает, что выходцев из Мазовии называли пруссами.

Хотя В.В. Седов настаивает, что "положение о появлении жальничных могил в Северо-Западной Руси в результате миграции населения из Мазовья и Подляшья является ныне единственным достаточно оправданным" (Седов, 2000а, с. 17), можно с этой гипотезой, опирающейся на миграционную парадигму, и не согласиться. Тезис о «прыжке» земледельческого населения на 600 км, без оставления следов на пути, кажется недостаточно обоснованным.

Настоящая статья пытается, обходя этнические вопросы, представить новую интерпретацию по вопросу возникновения и значения жальников. Альтернативный поход иллюстрируется, главным образом, на примере могильников Изборского края – региона, расположенного в сфере влияния Пскова и Изборска (рис. 2).

Появление жальников и изменения в погребальном обряде.

Появление жальников следует рассматривать на общем фоне изменения погребального обряда на перемене I и II тысячелетий. В течение 2-й пол. I тыс. н.э. в Псковской земле господствующей формой погребения были курганы с трупосожжениями. Инвентарь таких погребений довольно скудный (Михайлова, 2009). С XI в. в курганах наблюдается новый обряд захоронения – трупоположение. Курганы с трупоположениями появляются и в Изборском крае, например у д. Малы (Nerman, 1926; Седов, 1976а) и Лопатово (Грушина, 1987, с. 11-12; 2009а, с. 60-62). На могильнике Усть-Смолка III вблизи Изборска в кургане с каменными конструкциями и трупосожжениями эпохи викингов встречено впускное трупоположение 2-й пол. XI в. (Лопатин, 2004). Вторичные трупоположения появляются с XI в. и в более ранних курганах Восточного Причудья (Попов, 1995).

Первые жальники возникают в разных регионах Псковской и Новгородской земель в конце XI в. почти одновременно (Седов, 2000а, с. 17). Они образуют либо самостоятельные могильники, либо находятся в составе курганных могильников, занимая их окраины или располагаясь между курганами. В Изборском крае жальничные могилы возникают в конце XI в. (Сергеева, 1982, с. 41) в разных контекстах: в Верепково и Малах – на окраине более раннего курганного могильника, в Тяково и Новой – как новые могильники. На могильнике Бебешкино (Паниковичи) жальники и очень низкие курганы (с трупоположениями в совсем неглубоких могильных ямах) встречаются попеременно (Крейтон, 1913, с. 23–28; Setomaa 2, с. 141, рис. 12). Так как в Бебешкино нет курганов I тыс. н.э., можно считать и этот могильник скорее жальничным, чем курганным. Граница между ранними жальниками и поздними курганами, окруженными каменным венцом, вообще сравнительно условная. Могильники, где существуют обе формы погребения и где четкая граница между ними отсутствует, называются курганно-жальничными могильниками. Особенно ясно проявляется преемственность между курганами и жальниками на Ижорском плато, где жальничный обряд погребения появляется довольно поздно, лишь в XIII в. (Рябинин, 2001, с. 86-88). Там можно выделить «курганы-жальники», которые по внешнему виду напоминают курганы с кольцевой обкладкой, однако отличаются от них отсутствием ритуальной погребальной площадки, характерной для курганов (Рябинин, 1985, с. 72). Такая преемственность, однако, не наблюдается при изучении ранних жальников. Хотя эти памятники могут быть по внешним при-

знакам похожие на поздние курганы с кольцевыми валунными обкладками, между ними, как правило, нет прямой генетической преемственности. Ранние жальники появляются в готовом виде – как новая форма могильных сооружений (Пронин, 1982, с. 38; Плоткин, 1989, с. 179; Седов, 2000а, с. 8, 17).

Некоторые находки из ранних жальников указывают на довольно высокий социальный статус погребенных. В могильнике у д. Новая обнаружено женское захоронение с браслетами из серебра и подвеской скандинавского характера (Грушина, 1987; 2009). В могильнике Тяково в одном погребении найдены остатки шелковой ткани, в том числе воротника вышитого золотым бродягом, в другом – подвеска вышеупомянутого типа (Лабутина, 2009). В Паниковичах (Крейтон, 1913, 23-28, рис. 7, Окулич-Казарин, 1914, с. 244) в курганах, по размерам очень близких к жальникам, обнаружены две подвески такого типа и два роскошных перстня, украшенных зернью, – один бронзовый, покрытый золотом, другой серебряный (Крейтон, 1913, рис. 7).

Внимание следует обратить и на обстоятельство, что ранние жальники Изборского края расположены возле важных сухопутных дорог, соединяющих средневековые административные центры: у дороги из Изборска через Паниковский и Щемрицкий погост в Алуксне (могильники Тяково и Паниковичи), у дороги из Изборска в Локонский погост (мог. Новая), между погостами Паниковичи и Тайлово (мог. Верепково) (рис. 2). Во всех этих погостах (за исключением Тайлово) были центры соответствующих округов уже в древнерусское время (Харлашов, 2003, с. 172). Это намекает на появление нового погребального обряда через сетку коммуникации, соединяющую основные центры власти. Особую роль в этом сыграла дорога из Пскова и Изборска в Алуксне (Валк, 2009).

Происхождение жальников: альтернативное объяснение.

О становлении церковной организации и ранней стадии христианизации в Псковской и Новгородской землях данных весьма мало. В 988 г. Великий князь Владимир принял в Киеве христианство. Вероятно, что крещение города Пскова состоялось „огнем и мечом“ примерно в конце 1030 г. – до 1044 г. (Белецкий, 1996, с. 84, 86). Важной опорой для христианизации Псковской земли можно считать Мирожский монастырь (основан между 1010 и 1015 гг.), который в то время был христианским центром общегосударственного значения (Белецкий, 1996, с. 83-84). По всей вероятности, до сооружения сети церквей в деревенских округах центрами распространения новой веры были монастыри, и первая миссия была установлена монахами-миссионерами. С укреплением позиции Мирожского монастыря можно связать и начало миссионерской деятельности в деревенских округах, находящихся в сфере влияния Пскова. Крайне вероятно, что для христианизации также была использована существующая административная система, связанная с налогообложением. В Повеличье, непосредственной сфере влияния Пскова, оцерковление могло состояться во 2-й пол. XI в. (Мусин, 2002, с. 110). Вероятно, в довольно сходном темпе состоялась первичная христианизация и в непосредственной сфере влияния Изборска.

Существенными признаками погребального обряда во всей Европе в период средневекового христианства являются ингумация с западной ориентацией и отсутствие погребального инвентаря. Последний встречается в ограниченном виде

(украшения, металлические детали одежды, маленькие предметы обихода) только в переходное время, которое как вообще в западной Европе, так и в Скандинавии довольно краткое (Valk, 1998). В таком широком контексте погребальный обряд жальников, в общих рамках сходный с христианскими нормами, выделяется на общеевропейском фоне лишь присутствием и характером надмогильного сооружения.

Учитывая, что возникновение жальников в конце XI в. хорошо вписывается во временной контекст предполагаемой христианизации деревенских округов Псковской и Новгородской земель, можно интерпретировать жальники как знак о распространении христианства. На Ижорском плато на раннехристианский характер жальников намекает и обстоятельство, что в жальничных захоронениях не встречаются ритуальные площадки, характерные для курганов этого региона (Рябинин, 1985, с. 72; 2001, с. 28-31).

Учитывая конструктивную сходность и синхронное появление ранних жальников в разных регионах, можно пойти еще дальше и предположить, что идея их сооружения исходила из одного источника. Таким источником, имевшим влияние на местные центры христианизации, могла быть лишь православная церковь. Учитывая близость погребального обряда жальников христианским нормам, можно представить гипотезу, что жальники и их погребальный обряд распространялись при поддержке и активном участии церковной организации. Их появление можно связывать с одобрением верхушкой церковных структур Новгородской и Псковской земель такого обряда погребения примерно в последней четверти XI в. Другими словами: жальники – это выработанная и рекомендуемая православной церковью форма погребения в период христианизации, в распространении которого, путем миссионерской работы, активно участвовала и сама церковь. Такая переходная форма от языческих к христианским традициям способствовала облегчению перехода деревенского населения к христианству. При таком подходе, жальники как форму могильных сооружений можно сравнить с ”типичными проектами” зданий, распространенными на территории России в XIX и XX вв. На их легальность и приемлемость государственными и церковными структурами указывает и обстоятельство, что наиболее древние жальники Псковской земли находятся вблизи важных центров власти и христианства – Пскова и Изборска, а также у основных дорог.

На связь ранних жальников с христианством косвенно указывает также высокий социальный статус некоторых погребенных – ведь при мирном распространении новая вера была принята в первой очереди среди социальной верхушки. Хотя находки, указывающие на высокий статус, обнаружены лишь в некоторых из ранних жальников со статусом «выше среднего» могут быть и другие ранние жальничные захоронения. В контексте христианства, где все люди равны перед смертью, статус уже не нуждается в манифестации в погребальном инвентаре.

О христианском характере жальников говорит и наличие каменных крестов на жальниках, например в северо-восточном Причудье (Пронин, 1988, с. 19). Отсутствие каменных крестов на ранних жальниках Изборского края может быть объяснено региональными особенностями и хронологическими причинами – во время распространения каменных надмогильных крестов, т.е. в XIV–XVI вв. (Седов, 1976б), круглые жальники уже не сооружались. Однако на окраинах ареала жальничных могильников Изборского края, по наблюдениям Л.Е. Грушиной, каменные кресты имеются. Этот факт, а также существование грунтовых могил с западной

ориентировкой и скудным погребальным инвентарем между жальниками (Грушина, 1987, с. 12) тоже свидетельствуют о преемственности и об отсутствии антагонизма с христианскими традициями.

На христианский характер жальников указывает и обстоятельство, что «воистину христианский» обряд погребения (т.е. грунтовые могилы с западной ориентировкой, безынвентарные или со скудным инвентарем) появляется в ареале распространения жальников значительно позднее и что после исчезновения курганного обряда погребения хоронить продолжали не в грунтовые, а в жальничные могилы. В Изборском крае жальничные могилы начинаются сменяться грунтовыми могильниками лишь в XIV в. (Сергеева, 1982, с. 41). В ареале распространения жальников пока весьма мало данных о синхронных им «действительно христианских» грунтовых могильниках. Примером такого памятника является лишь могильник Деревяницы XII–XIII вв. близ Новгород (Концевский, 1984). Причиной такой «альтернативности» может быть непосредственная близость Новгорода – здесь, возле центра земли, изменение в погребальном обряде в связи с принятием христианства произошло разом и «переменная степень» не потребовалась.

Таким образом, жальники можно интерпретировать как свидетельство о начинающемся процессе христианизации. Изменение погребального обряда – это не только знак миссионерской работы, но и её успеха и усвоении новых обрядов в повседневной жизни. При этом надо учитывать и обстоятельство, что в деревенской среде средневековья, особенно эпохи христианизации, христианство могло выражаться в повседневной религиозной жизни в иных формах, чем в XIX или XX вв. Даже в так называемое позднее время народное православие деревенских округов России намного отличалось от церковного (Панченко, 1998). В рамки подобного плюрализма и такой вариативности религиозной практики подходит и жальничный обряд погребения.

Рассматривая жальники как раннехристианские погребальные памятники, надо учитывать еще одно обстоятельство: если жальники – форма погребения, рекомендуемая и внедренная православной церковью, жальничные и курганно-жальничные могильники можно считать освященными усыпальницами.

Символика и значение.

Хотя жальничные насыпи, окруженные валунами, напоминают редуцированные курганы периода язычества, они могут выражать и прямую христианскую символику. В евангелии сказано о захоронении Спасителя в могильную камеру, врубленную в скалу, также перед дверью гробницы был камень. Вполне возможно, что ранние жальники (рис. 3) могут представлять собой эквивалент и метафору могилы Христа. Через такую визуализацию в ходе каждого погребения было заново представлено библейское слово о смерти Спасителя и о захоронении его тела. В среде, где скалы на ландшафте отсутствуют, круг из валунов мог быть весьма показательным примером для создания представления о могильной камере, где произошло чудо Воскресения. С такой интерпретацией подходит и обстоятельство, что поверхность многих жальников покрыта каменной кладкой (Седов, 2000а, с. 10-11; Пронин, 1988, с. 21). Для представления образа погребения Христа, жальничная могила могла срабатывать даже лучше, чем обычная грунтовая могила.

Хотя жальники могут содержать остатки больше чем одного погребенного, это никак не противоречит их "библейской" интерпретации – если считать жальник метафорой не индивидуальной могилы, а семейной усыпальницей. В такую же семейную могильную камеру было захоронено и тело Христа.

Несмотря на несоответствие традиционным представлениям о христианских погребальных обрядах, нет причин рассматривать жальники как языческие могильные сооружения. За неязыческий характер жальников говорит и то, что жальники происходят из временного контекста христианизации России и появляются примерно на столетие позже принятия новой веры на государственном уровне. Так как в общем контексте христианизации важно было избегать открытой манифестации язычества в публичной сфере, в том числе в погребальных обрядах, возникновение новой формы могильников языческого характера в конце XI в. уже немислимо.

С точки зрения местного населения, жальничная насыпь могла иметь, однако, и другое значение. В жальниках можно проследить связь с местными традициями, в первую очередь с курганообразной насыпью. В некоторых регионах Северо-Запада России курганы были обложены валунами. Таким образом, жальник мог восприниматься, параллельно христианской символике, как компактный и монументальный маленький курган. Именно в такой знаковой двусмысленности может состоять причина удаи распространения новой формы могильного сооружения.

Жальники как компромисс.

Учитывая длинную историю христианских погребальных традиций – безынвентарные трупоположения в грунтовых могилах без всякого инвентаря существуют уже с римского времени – жальничный обряд погребения является компромиссом между старым и новым обрядом. Цель этого компромисса – облегчить переход к христианскому обряду. Очевидно, решение пойти на этот компромисс было принято, учитывая специфику и сложность миссионерской деятельности в северной части России, в том числе огромные размеры и этнокультурное многообразие региона.

Важнейший момент при изменении погребального обряда в контексте христианизации – это переход от обряда трупосожжения, открытой манифестации язычества, к трупоположению. Это условие, а также подражание погребению Христа – головой на запад, без инвентаря – в жальниках исполнена. Аналогичные переходные формы в период христианизации можно встретить и в других частях Европы. Они существуют в XI в. в Скандинавии, где первые поколения христиан были захоронены на окраинах могильников эпохи викингов: там встречаются грунтовые могилы с западной ориентировкой, обложенные четырехугольными оградками из валунов (Gräslund, 1991; 2001, с. 52). Если в Скандинавии явления, характерные для переходного периода, существовали в течение одной-двух генераций, в России традиция сохраняется до XV-XVI вв., на окраинах и дольше. Культурную параллель можно видеть в деревенских могильниках средневековой Ливонии. Здесь использование могильников, которые образовались как временный компромисс периода крестовых походов, продолжается до XVIII в. (Valk, 2001).

Ни из канонических правил, ни из письменных источников никак не происходит, что на территории Древней Руси погребальный обряд был каким-то образом регламентирован и что ингумация с западной ориентировкой в грунтовых могилах

была бы единственным допускаемым церковью образом погребения. Вероятно, требования в части одежды и погребального инвентаря не были строгими или вообще отсутствовали. Погребальный обряд мог быть продиктован региональными, местными, приходскими, общинными, семейными или родовыми традициями (Мусин, 2002, с. 73-89). В рамки такого плюрализма вмещается и вариативность жальников.

Вероятно, что компромисс в форме могильных сооружений был изначально временным, однако традиция жальников сильно укоренилась и стала обычной практикой региона. Как уже сказано, верхнюю границу жальничного обряда погребения трудно датировать. Без всяких находок, например, большинство жальников в могильнике Малы (Седов 1976а, 93). Можно предполагать, что жальничный обряд погребения существовал как допустимая церковью форма захоронения до конца независимости Пскова и Новгорода. Лишь после их объединения с Московским государством и централизации церковной организации осуществилась унификация требований к погребальному обряду. Об этом свидетельствует и деятельность архиепископов Феодосия и Макария в 1530-1540-х гг. на территории, заселенной вольно, где осуждают захоронение в могильники ("коломище") (Дополнения, 1846, с. 27, 57). В таком контексте изменилось, вероятно, и отношение к жальничному обряду погребения в Псковской и Новгородской землях.

Жальники – знак хронологии христианизации.

Таким образом, появление жальников можно интерпретировать как знак о целенаправленной унифицирующей деятельности церкви в области погребального обряда. Временные различия появления жальников свидетельствуют о региональных различиях в этом процессе в разных регионах Псковской и Новгородской земель.

Наиболее ранние жальники концентрируются в определенных регионах Псковской и Новгородской земель (рис. 4, Седов, 2000а, с. 14-17, рис. 2; Пронин, 1982, с. 37-39; Пронин, 1988, с. 17-18) – в низовьях р. Великой, в нынешнем Печорском районе, на восточном побережье Псковского и Чудского озер. Ареалом ранних жальников являются также верхнее Полужье и среднее течение р. Шелони, где они тоже появляются в конце XI в. или не позднее рубежа XI и XII вв. Немного позднее жальники появляются в восточном Поильменье; в начале XII в. – в отдельных местностях Илменьского бассейна. В XII–XIII вв. жальники распространяются в Лужко-Оредежском регионе, в XIII–XIV вв. – в междуречье Плюссы и верхнего течения Луги. На Ижорском плато, где ранее хоронили в курганах с кругом из валунов на подножье, жальничный обряд погребения появляется в виде курганов-жальников около 1280-х гг., в чистом виде – с начала XIV в. (Рябинин, 2001, с. 86-87, рис. 12). О появлении жальников в южной части Псковской земли данных мало. К контексту западной периферии притоков среднего течения р. Великой принадлежат могильники Даниловка (Шноре, 1980) и Балви (Лаул, Граудонис, 1965), начало которых относится, видимо, к XIII в.

На время появления жальников оказывали свое влияние разные факторы – дистанция от центров, интенсивность миссионерской деятельности, возникновение местных церковных центров и структур, открытость местного населения к культур-

ным и религиозным инновациям и, несомненно, факторы субъективного характера – в первую очередь персональные качества и авторитет миссионеров-духовников.

Можно предполагать, что постепенное распространение жальничного обряда погребения указывает на действительный ход и динамику христианизации, а может быть, и на формирование местной церковной организации – на процесс, который лишь скудно и фрагментарно отражается в письменных источниках (Мусин, 2002, с. 91-121). В таком случае ареал жальников соответствует территориям, которые контролировались православной церковью. Можно выдвинуть гипотезу, что распространение жальников в XI–XIII вв. отражает и средневековое церковно-административное деление, то есть совпадает со сферой влияния новгородско-псковской церковной организации того времени.

Синхронность курганов и жальников.

Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство – синхронность ранних жальников и курганов, на которую указывает сходство погребального инвентаря (Седов 2000а, 17-18). Параллельность возведения курганов с ингумациями и ранних жальников наблюдается и в округе Изборска, в нынешнем Печорском районе. Там на довольно ограниченной территории распространены как могильники с исключительно жальничными могилами, так и курганы с трупоположениями. В могильниках Тяково (XI–XIII вв.) (Лабутина, 2009) и Новая (XI–XIII вв. и позже) (Грушина, 1987б; 2009) надземные могильные сооружения лишь жальничного типа. В Верепково (Грушина, 1990; 2009в, с. 55-59) курганы с трупоположениями можно датировать концом X–XI в., жальники – XI–XII вв. В Бебешкино (Паниковичи) курганы позднейшего, переходного типа сосуществовали с жальниками; погребальный инвентарь таких курганов такой же, как в жальниках. Можно предполагать, что и в случае «курганов», т.е. насыпей с захоронениями на поверхности земли, здесь не имеется дело с позднейшей стадией развития курганного обряда, а скорее с «новорожденными» жальниками, при сооружении которых не соблюдали принцип грунтовых могил. Могильник Лопатово с конца XI – середины XII вв. (Грушина, 1987, с. 10-11; 2009а, с. 60-62) – курганного характера. Такого вида и могильник 2-й пол. XI – начала XII вв. в Линдора на западном берегу р. Пимжа (Лаул, 1978; 1979). На могильнике Плаани, расположенном в 15 км на запад от границы между Ливонией и Псковом, обнаружено в кургане женское трупоположение с западной ориентировкой (Пеэте, 1988, с. 377). По оценке Л. Грушиной, это захоронение, судя по инвентарю, относится к XI в. Таким образом, форма надмогильного сооружения в период ранней миссионерской деятельности, даже в рамках ограниченной территории, была разной.

Хотя важную роль при выборе формы могильных сооружений, несомненно, сыграли традиции и предпочтения местной общины, поздние курганы с трупоположениями с западной ориентировкой и ранние жальники могут отражать разные этапы христианизации. Первый этап выражается в переходе от кремации к ингумации с западной ориентировкой при сохранении погребального инвентаря, в том числе и крупных предметов, и предыдущей формы могил. Курганный обряд в виде ингумации с западной ориентировкой в 1-й пол. XI в. четко выражен на могильнике Малы (Nerman, 1926; Седов, 1976а). Там в захоронениях с монетами начала XI столетия иногда встречается оружие, орудия труда и глиняная посуда. Такой погребальный

обряд с большой вариативностью инвентаря можно интерпретировать как результат первичной миссии (или инфильтрации христианских идей), которая осуществлялась особенно вблизи центров власти и в непосредственных сферах их влияния.

Появление жальников можно рассматривать по-разному. В жальничном обряде погребения отражаются более развитые попытки унификации внешнего вида могильных сооружений на территории Псковской и Новгородской земель. Погребальный инвентарь там более скуден, чем в курганах. Если в курганах имеются захоронения и в насыпи, в жальниках встречаются лишь погребения в могильных ямах. Эти различия свидетельствуют о более высоких и регламентированных требованиях к погребальному обряду в более поздней стадии миссионерской деятельности.

В действительности по сути разные этапы эволюции погребального обряда сосуществовали в течение конца XI и 1-й пол. XII вв. синхронно. Многое зависело от локальных традиций и готовности местной общины к инновациям. Таким образом, разновидность погребального обряда указывает на религиозный и культурный плюрализм общества, сосуществование старых и новых верований. В рамках такого многообразия могильники с насыпями исключительно жальничного характера можно интерпретировать как усыпальницы общин, где христианские традиции укоренялись раньше, чем в общинах, которые придерживались курганного обряда.

Заключение.

Очевидно, что сходство ранних жальников Псковской земли с погребальными памятниками Мазовии лишь внешнее. Переход на жальничный обряд погребения обусловлен совсем иными факторами – ранней миссионерской деятельностью в деревенских округах и постепенным переходом к христианству, которое в своей первоначальной форме довольно сильно отличалось от православного христианства XIX–XX вв.

Таким образом жальники можно интерпретировать как форму погребения, созданную церковью во время, когда в деревенских округах еще не существовало ни церквей, ни церковных кладбищ. Внедренный как временная мера, новый обряд захоронения надолго укоренился среди населения Псковской и Новгородской земель. Длительный период использования жальников можно рассматривать либо как свидетельство продолжительности процесса христианизации, либо как региональную особенность деревенского христианского погребального обряда региона. Какому из ответов отдать предпочтение, зависит от того, насколько активно церковная организация пыталась искоренить жальничный обряд погребения. Наличие жальников даже в центрах власти, например в Изборске и в его непосредственной близости, указывает скорее на то, что отношение средневековой новгородской и псковской церкви к жальникам было в действительности толерантным.

Появление жальников можно интерпретировать и как знак гибкости, а также и удаchi процесса христианизации по крайней мере в сфере погребального обряда, о его хронологии и динамике. Можно предполагать, что распространение жальников отражает действительный ход христианизации, то есть является знаком реального усвоения новой модели погребения, выработанной и предлагаемой церковью. Жальники – это свидетельство распространения и присутствия христианства в де-

ревенской среде. Наиболее конкретно – в общинах, которые практиковали жальнич-ный обряд погребения.

ЛИТЕРАТУРА

- Белецкий С.В., 1996. Начало Пскова // Белецкий В.Д., Белецкий С.В. Городское ядро средневекового Пскова, 1. (Археологические изыскания, 30.) СПб.
- Валк Х., 2009. Об истории основных путей из Изборска на запад // Изборск и его округа. Материалы международной научно-практической конференции 2007-2008. Изборск. С. 94-101.
- Грушина Л.Е., 1987. Курганный и жальничный могильники у дд. Лопатово и Новая в округе Изборска // К 1125-летию Изборска. Юбилейные чтения. Изборск. С. 10-12.
- Грушина Л.Е. 1990. Курганный-жальничный могильник у д. Верепково // Земля Псковская, древняя и современная. Псков. С. 22-23.
- Грушина Л.Е., 2009а. Курганный могильник у д. Лопатово (Турок) Печорского района Псковской области // Сетумаа 2. Археология и ранняя история (до 1920 года). CD-диск. Тарту. С. 60-62.
- Грушина Л.Е., 2009б. Жальнично-грунтовый могильник у д. Новая Печорского района Псковской области // Сетумаа 2. Археология и ранняя история (до 1920 года). CD-диск. Тарту. С. 63-66.
- Грушина Л.Е., 2009в. Курганный-жальничный могильник у д. Верепково // Сетумаа 2. Археология и ранняя история (до 1920 года). CD-диск. Тарту. С. 55-59.
- Дополнения к актам историческим. Т. 1. СПб., 1846.
- Концевий В.Ю., 1984. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // Новгородский исторический сборник 2 (12). Л. С. 39-61.
- Крейтон В.Н., 1913. Археологические разведки и раскопки по Псковской губернии в течение лета 1912 г. // Труды ПАО, вып. 9. Псков. С. 1-34.
- Лабутина И.К., 2009. Жальничный могильник XI–XIII вв. у дер. Тяково // Сетумаа 2. Археология и ранняя история (до 1920-ого года). CD-диск. Тарту. С. 80-82.
- Лаул С., 1978. Исследование курганов позднего железного века в Линдора // Изв. АН ЭССР, вып. 4. Таллинн. С. 344-349.
- Лаул С., 1979. Исследование курганов в юго-восточной Эстонии // Изв. АН ЭССР. Таллинн. С. 373-377.
- Лаул С., Граудонис Я., 1965. Археологические раскопки в „Каракапи” у хут. Рийниэки Балвского района в 1964 году // Referātu tēzes zinātniskai sesijai, veltītai 1964 g. arheoloģiskiem izrakumiem un etnogrāfiskai ekspedīcijai Latvijas PSR teritorijā. Rīga. S. 23-24.
- Лопатин Н.В., 2004. Новые данные о предыстории Изборска // Восточная Европа в Средневековье. М. С. 200-206.
- Михайлова Е.Р., 2009. Культура псковских длинных курганов // Проблемы хронологии и развития материальной культуры. СПб.
- Мусин А.Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.
- Окулич-Казарин Н.Ф., 1914. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды ПАО, вып. 10. Псков. С. 132-292.
- Панченко А.А. 1998. Исследования в области народного православия // Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.
- Пеэс Ю., 1988. Древний курганный могильник и средневековое деревенское кладбище в Плаани // Изв. АН ЭССР, вып. 4. Таллинн. С. 376-379.
- Плоткин К.М., 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.
- Попов С.Г., 1995. Переходные моменты от языческого погребального обряда к христианскому (по материалам могильников северной Псковщины) // Распространение христианства в Восточной Европе. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков. 20–24 ноября 1995 г. (Церковная археология, 1). СПб. С. 98-101.
- Пронин Г.Н., 1982. Жальники // АИППЗ. Псков. С. 36-39.
- Пронин Г.Н., 1988. Об этнической принадлежности жальников (опыт ретроспективного анализа) // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М. С. 12-71.
- Рябинин Е.А., 1985. Жальничные могилы Ижорской возвышенности // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 70-73.
- Рябинин Е.А., 2001. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971-1999 гг. СПб.

- Седов В.В., 1976а. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА, вып. 146. С. 87-95.
- Седов В.В., 1976б. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М. С. 102-105.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.
- Седов В.В., 2000а. Жальники // РА, 1. С. 7-22.
- Седов В.В., 2000б. Жальники – ареал и общая характеристика // АИППЗ. Псков. С. 183-190.
- Сергеева Л.Е., 1982. Хронология могильников Изборского края XI–XVI вв. // АИППЗ. Псков. С. 40-41.
- Спицын А.А., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского. МАР, вып. 20. СПб.
- Спицын А.А., 1903. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // МАР, вып. 29. СПб.
- Шноре Э., 1980. Погребения жальничного типа на северо-востоке Латвии // Изв. АН Латвийской ССР, вып. 12. Рига. С. 38-54.
- Харлашов Б.Н., 2003. Этапы формирования административно-территориального деления Псковской земли // Псков в Российской и Европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания, т. 1). Псков. С. 164-173.
- Хвоцинская Н.В., 1978. Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия (по материалам погребальных памятников): Дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- Ariste P., 2005. Vajda paevikud: 1942–1980. Litteraria, 22. Tartu.
- Gräslund A.-S., 1991. Gravmateriale som källa til kunskap om religiösa förhållanden // Gravfältundersökningar och gravarkeologi. Forskning för kulturmiljövård, 3. Stockholm, 83-87.
- Gräslund A.-S., 2001. Ideologi och mentalitet. Om religionsskiftet i Skandinavien från en arkeologisk horisont. Occasional Papers in Archaeology, 29. Uppsala.
- Nerman, B., 1926. Archäologische Untersuchungen bei Izborsk // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1924. Dorpat, 44-74.
- Setomaa, 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu.
- Valk H., 1998. About the transitional Period in the burial Customs in the Region of the Baltic Sea // Acta Visbyensia XI. Culture Clash or Compromise? The Europeanisation of the Baltic Sea Area 1100 – 1400 AD. Papers of the XIth Visby Symposium held at Gotland Centre for Baltic Studies, Gotland University College, Visby, October 4th– 9th, 1996. Visby, 237-250.
- Valk H., 2001. Rural Cemeteries of Southern Estonia 1225–1800 AD. 2nd edition. CCC Papers, 3. Visby – Tartu.

Ю.В. Степанова

Древнерусские курганы Верхневолжья: конструкция насыпей и особенности устройства погребений¹

История исследования курганных древностей Верхневолжья древнерусского периода насчитывает более 150 лет. Несмотря на многолетнюю историю исследований, такие элементы погребального обряда, как состав насыпей, материал, форма и конструкция внутрикурганных сооружений, многие из которых уникальны, изучались гораздо меньше, чем погребальный инвентарь. В основном такие исследования проводились по материалам отдельных памятников: Избрижье (Ф.Х. Арсланова), Благовещенье (М.Е. Смирнова), Струйское (О.М. Олейников), Суходол (И.А. Дашкова, А.С. Дворников, А.Н. Хохлов), Бежицы (И.В. Исланова), Березовецкий могильник (А.В. Успенская). Это объясняется тем, что для значительного количества раскопанных курганных групп отсутствуют подробные сведения о форме, размерах и стратиграфии насыпей. Особенно для тех, которые изучались во вто-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Тверской области, проект № 07-01-57105а/ц. Доклад прочитан на 54-м заседании Семинара в 2008 г.

рой половине XIX в. и где курганы раскапывались не полностью, т.е. колодцем или траншеями. Но даже и для таких раскопок сохранились сведения об особенностях устройства насыпей.

Рассматриваемая территория – это бассейн Верхней Волги от Верхневолжских озер на западе до современного Угличского водохранилища на востоке, включая крупные притоки Волги – реки Вазуза, Шоша, Тверца, Медведица. Территория включает также Верхнее Помоложье (рис. 1). В настоящей работе учтены данные 123 курганных групп, подвергавшихся раскопкам.

Интерес представляет использование камня в конструкции курганных насыпей и при устройстве погребений; каменные и деревянные ограждения вокруг насыпей, сооружения и гробовища внутри курганов. В общей сложности каменные и деревянные ограждения, детали внутрикурганных конструкций обнаружены в 325 погребениях.

Состав насыпей.

Прежде всего, следует сказать, что курганы Верхневолжья – это преимущественно земляные насыпи, но в конструкции многих из них довольно активно использовался камень.

Чаще всего встречается каменная обкладка вокруг насыпей. Как правило, это ограждение в один ряд у подножия. Но встречаются также курганы, полностью обложенные камнем по всей поверхности (в Падерино, Воробьево 2 и Березовецком могильнике) или в несколько рядов по поверхности насыпи (Березовецкий могильник).

Помимо земляных насыпей с каменной обкладкой в поле кургана, в Верхневолжье обнаружены полностью каменные насыпи, а также курганы с каменными сводами, устроенными над погребениями: Каменка 1, Щапово, Савинские Горки, Никольское (Лысково). Например, в кургане 2 курганной группы Каменка 1 погребенный лежал на ложе из мелкого булыжника и был прикрыт деревянным накатом, опиравшимся на стенки из камня; над погребением был выложен свод из валунов. В Савинских Горках (курган 15) и Никольском (Лысково) курганы частично состояли из камня: под верхним слоем земли были зафиксированы каменные своды над погребениями. Некоторые курганы можно назвать каменно-земляными насыпями, поскольку в их составе обнаружено значительное количество камней: Большая Коша (7 курганов), Высокино (4 кургана), Горбуново, Мозгово, Могилицы 1, Сви-стуново, Сорогожское, Воронцово, Мотыли, Падерино (по одному кургану).

Курганы с каменными обкладками и каменно-земляными насыпями распространены практически на всей территории Верхневолжья (рис. 1). Однако в центре рассматриваемой территории они встречаются реже. Наименьшее количество курганов с каменными обкладками и каменно-земляных насыпей отмечается в центре рассматриваемого региона, на территории современных Ржевского, Зубцовского, Старицкого, Калининского и Конаковского районов Тверской области. В этих районах также практически нет жальничных захоронений. Что касается хронологии этих курганов – погребения в них датируются не только XI, но и XII–XIII вв.

Курганы, возведенные с использованием камня, наиболее распространены в западной и восточной частях Верхневолжья. Курганы с обкладками появляются здесь уже в XI в. На западе Верхневолжья погребения в курганах с каменными об-

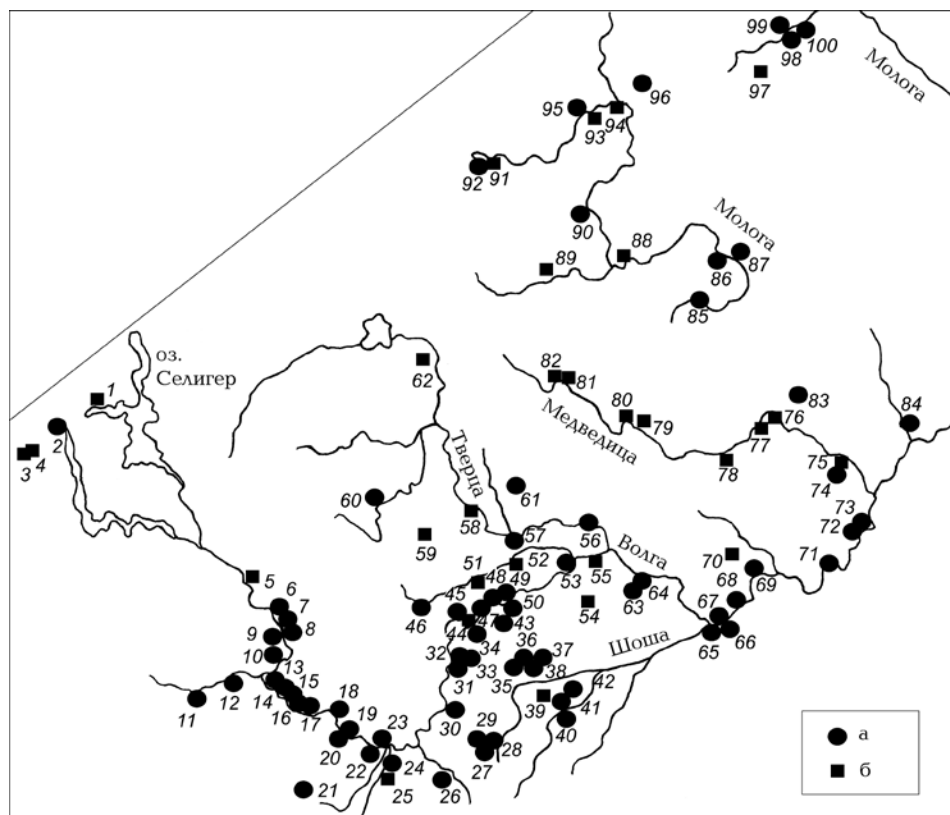

Рис. 1. Исследованные курганные могильники X–XIII вв. на территории Верхневолжья:

a – курганы с каменными обкладками, *б* – курганы без каменных обкладок. 1 – Березовецкий могильник, 2 – погост Стерж, 3 – Хвошня, 4 – Малый Бохот, 5 – Большая Коша, 6 – Климово, 7 – Шолохово, 8 – Рогово, 9 – Суходол, 10 – Горки, 11 – Сазоново, 12 – Васильевское, 13 – Першино, 14 – Подборовье, 15 – Гульцово, 16 – Благовещенье, 17 – Струйское, 18 – Петровское, 19 – Юрятино, 20 – Сосонник, 21 – Ивановское (Выставка), 22 – Юркино, 23 – Горбуново, 24 – Мозгово, 25 – Высокино (Титовка), 26 – Никольская Пустынь, 27 – Ягодино, 28 – Волосово, 29 – Гостомля, 30 – Дягунино, 31 – Щапово, 32 – Клеопино, 33 – Рождественно, 34 – Свистуново, 35 – Захарово, 36 – Матвеево, 37 – Домотканово, 38 – Симоново, 39 – Могилы 1, 40 – Сильменево, 41 – Хилово, 42 – Бесково, 43 – Емельяново, 44 – Михайловское, 45 – Толпино, 46 – Колосово, 47 – Иворовское 1-4, 48 – Волга (Кошево), 49 – Избрижье, 50 – Беседы 2, 51 – Игрищи, 52 – Тухинь, 53 – Дуденево, 54 – Каменка, 55 – Никольское (Лысково), 56 – Мельниково, 57 – Троица, 58 – Савинские Горки, 59 – Сукромля 1, 60 – Михаил Архангел, 61 – Ивашиха, 62 – Шитовичи, 63 – Колачево, 64 – Мокрые Пожни, 65 – Заборье, 66 – Сухарино, 67 – Загорье 1 и 2, 68 – Глинники, 69 – Устье, 70 – Никольское на Сози, 71 – Пекуново 1-2, 72 – Ваулино, 73 – Плешково 1-2, 74 – Хрипелево, 75 – Посады, 76 – Воробьево 1-2, 77 – Выркино 2, 3, 7; 78 – Сутоки 1-2, 79 – Баскаки, 80 – Кидомля 1-3, 81 – Васильки, 82 – Прудово (Михайлово), 83 – Ильинское, 84 – Кашин, 85 – Любодицы, 86 – Бежецы, 87 – Узмень, 88 – Рыбинское, 89 – Воронцово, 90 – Усть-Кеза, 91 – Дворищи, 92 – Абаконово, 93 – Мотыли, 94 – Борисовское, 95 – Сорогожское, 96 – Городище (Лукино), 97 – Лошицы, 98 – Жуково, 99 – Любегощи, 100 – Никола-Реня.

кладками датируются преимущественно XI–XII вв. На этой территории встречены и погребения XII–XIII вв. в жальничных могилах. На востоке Верхневолжья погребения

бения в курганах с каменными обкладками в основном датируются второй половиной XI–XIII в.

Следует отметить, что большинство этих курганов располагается на левобережье Волги и ее левых притоках. На этих же территориях встречаются курганы-жальники и жальничные захоронения, иногда объединяющиеся в один погребальный комплекс с курганами.

Третий район распространения курганов, возведенных с использованием камня, расположен в центре рассматриваемой территории. Эти насыпи располагаются здесь в направлении С–Ю, узкой полосой, в бассейнах рек Тверцы, Волги, Шоши (курганные группы Михаил Архангел, Савинские Горки, Падерино, Сукромля 1, Троица, Игрищи, Свистуново, Козлово, Иворовское 1 и 3, Каменка, Никольское (Лысково), Щапово, Мозгово, Горбуново, Могилыцы 1, Высокино). Необходимо отметить, что погребения в этих курганах относятся преимущественно к XII–XIII вв.

Данное направление локализуется уже по распространению здесь длинных курганов и сопкивидных насыпей (П.Д. Малыгиным оно названо тверецко-волжско-шошинским). Этот район соответствует также Новоторжско-Волоцким землям XII в., исследованным по письменным источникам и совпадает с хорошо известным в средневековье путем, связывавшим Волк Ламский и Торжок (Малыгин, 1994, с. 122). Таким образом, выделение этого района указывает в основном на северо-западное новгородское направление связей курганных древностей в этом районе Верхневолжья.

Использование камня при устройстве погребений.

Выкладка стен подкурганных могильных ям каменными плитами, напоминающая каменный ящик, обнаружена в курганах некрополей Сукромля 1, Большая Коша, Мотыли, Воробьево 2 (рис. 2). В трех курганах курганной группы Высокино зафиксирована обмазка стен и дна могильных ям известняковой крошкой, вероятно, имитирующая каменную обкладку.

Выявлены случаи каменной обкладки погребений на горизонте и по периметру могильных ям. В курганах курганных групп Щапово и Подолицы зафиксирована каменная обкладка вокруг погребений на горизонте. В курганах групп Воробьево 2, Высокино, Мотыли, Сукромля 1 (разрушенный курган) обнаружены каменные обкладки по периметру могильных ям. В Абакиново 4 камня, поставленные четырехугольником, ограждали ямку с остатками трупосожжения.

Курганы с внутренними каменными сооружениями не характерны для восточнославянских погребальных памятников. Их основной ареал приходится на территорию расселения эстов (Седов, 1987, с. 17–18). В то же время, курганы с каменными ящиками зафиксированы на окраинах расселения псковских кривичей, в Белоруссии (Седов, 1982, с. 68). В Верхневолжье они тоже тяготеют к тверецко-волжско-шошинскому коридору, выделенному по распространению длинных курганов, сопок и курганов с каменными обкладками.

Другие особенности конструкции курганов.

Единично в Верхневолжье обнаружены курганы с так называемой «заливкой», представляющей свод над погребением из плотного грунта, состоящего из песка и глины, перемешанных с золой и известью (рис. 2). Курганы с заливкой ис-

следованы в курганных группах Воронцово, Высокино, Избрижье (две насыпи), Большая Коша, Рождественно (здесь над погребением был обнаружен свод из обожженной глины); везде по одному кургану. Курганы с заливкой зафиксированы практически на всей территории Верхнего Поволжья, более широко они распространены в курганах Костромского Поволжья и рассматриваются исследователями как характерные признаки погребального обряда, присущие субстратной финно-угорской культуре (Седов, 1966, с. 246; 1982, с. 194; Рябинин, 1986, с. 45; Арсланова, 1995, с. 26-39).

Кроме каменных обкладок вокруг насыпей и погребений обнаружены и другие типы ограждений вне и внутри курганов. Единично встречены кольцевые канавки: Струйское, Избрижье, Высокино, Васильки, Бежецы (рис. 2). В Струйском столбовая ограда с входом на северной стороне была сооружена вокруг первоначальной насыпи из дерна с погребением по обряду трупосожжения третьей четверти I тыс. н.э. (курган 4). На следующем этапе существования насыпи, при совершении захоронений в начале XI в., этой ограды, по-видимому, уже не существовало (Олейников, 2001, с. 259). В Избрижье, Высокино и Бежицах ограждения были созданы вокруг погребений по обряду трупоположения, причем насыпи над ними были сооружены уже после создания ограды. Таким образом, ограды здесь являются внутрикурганными конструкциями, выполнявшими, вполне возможно, роль каркаса. Высота ограждения в Избрижье, вероятно, составляла около 1,5 м – это прослеживается по стратиграфии насыпи. Погребения с кольцевой оградой в Избрижье и Бежецах были совершены на горизонте. В Бежицах погребение датируется XI в., в Избрижье оно имеет относительно узкую хронологию: конец XI – 1-я пол. XII в. В Высокино ограда была сооружена вокруг погребения в могильной яме, датирующегося XII в. В курганной группе Васильки кольцевая канавка окружала погребение по обряду трупосожжения. В ней были найдены фрагменты лепной керамики и угли. О наличии деревянной ограды здесь говорить трудно. Итак, кольцевые ограждения обнаружены в курганах как раннего, так и позднего этапа существования курганных древностей Верхневолжья и в разных районах изучаемой территории – в бассейнах Волги, Вазузы, Медведицы и Мологи. Эти находки говорят о проникновении южных традиций в сооружение курганов, происходящих, вероятно, с территории радимичей и вятичей (о курганах с кольцевыми оградками см.: Бессарабова, 1973, с. 74-76; Седов, 1982, с. 146).

Внутрикурганные конструкции.

Материалы раскопок целого ряда памятников свидетельствуют о том, что при создании курганов сначала возводились конструкции в виде каркаса или домовины, которые впоследствии, при их засыпке, оказывались внутри кургана. Эти внутрикурганные сооружения на территории Верхневолжья весьма разнообразны и свидетельствуют, по-видимому, о существовании разных этнокультурных, а также местных этнографических особенностей в похоронном ритуале, бытовавших в рамках одной сельской общины (рис. 2). Есть и уникальные примеры сооружений.

Наиболее часто встречающимся типом внутрикурганных конструкций является деревянное сооружение – домовина. Чаще всего это четырехугольный сруб в несколько венцов высотой. Подобный тип сооружения зафиксирован в Березовецком могильнике, Большой Коше, Рогово, Избрижье, Плешково 1. В Избрижье, кро-

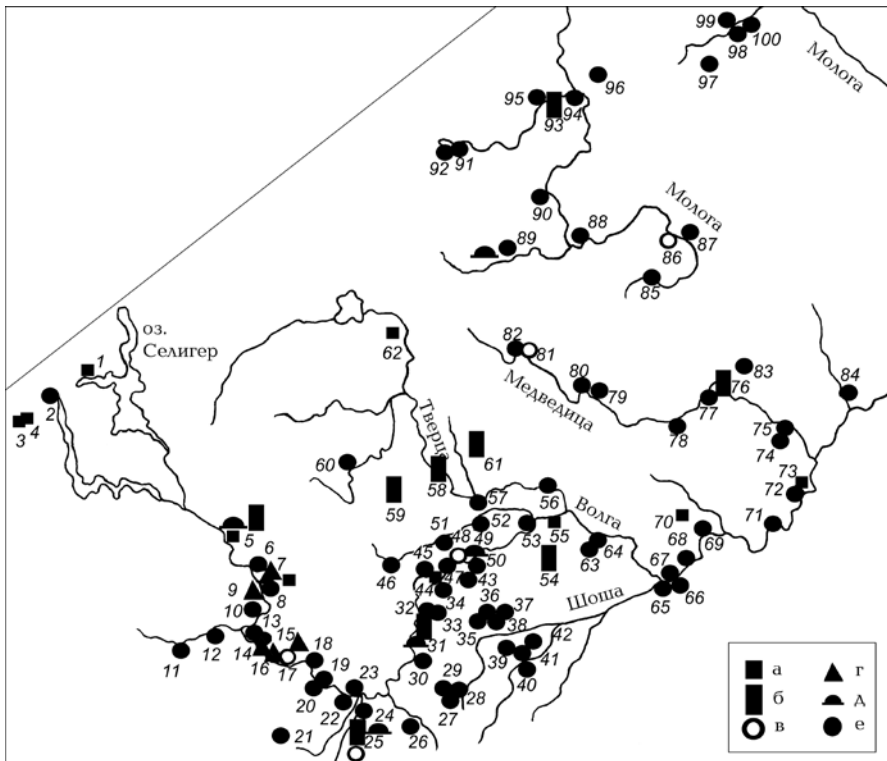

Рис. 2. Особенности устройства курганных насыпей и погребений Верхневолжья X–XIII вв.: а – курганы с четырехугольными деревянными домовинами; б – курганы с внутрикурганными каменными конструкциями; в – курганы с кольцевыми канавками; г – курганы с дерновыми конструкциями; д – курганы с заливкой, е – курганы без остатков внутренних конструкций.

ме того, зафиксировано аналогичное по конструкции, но не четырехугольное, а шестиугольное сооружение, окружавшееся кольцевой канавкой. Сооружения более сложные и напоминающие дом с крышей, зафиксированы в Березовецком могильнике и Избрижье. В Избрижье домовина в кургане 61 была построена из бревен, плах и досок, ее венчало бревно-конек (Арсланова, 1989; рис. 7, 8). Домовины сооружались как для одиночных погребений, так и в качестве семейных усыпальниц. Так, в Плешково I и Березовецком могильнике зафиксированы большие домовины в виде срубов, сооруженные для погребения сразу трех-четырех человек. В кургане 61 Избрижья захоронения в домовине совершались последовательно, таким образом, вероятно, что какое-то время она могла оставаться не засыпанная землей. Деревянные домовины сооружались, очевидно, до совершения погребения, умершего помещали внутрь домовин уже после их возведения. Деревянные домовины хотя и являются редкими находками (всего 11 случаев), но зафиксированы на всем протяжении изучаемого бассейна Волги. Несмотря на их общее конструктивное сходство, практически в каждом случае есть свои особенности.

Другой тип домовин зафиксирован в курганах Ржевского Поволжья (курганные группы Благовещенье, Струйское, Суходол, Рогово). Это дерновые домики.

Они возводились из кусков дерна до совершения погребения и достраивались после помещения внутрь умершего. В курганной группе Рогово зафиксировано, что дерновые конструкции имели форму свода с разрывом с одной стороны. В Благовещенье в конструкции некоторых дерновых домиков использовались, по-видимому, деревянные каркасы из жердей (Смирнова, 1999, с. 40). К сожалению, находки подобных внутрикурганных конструкций очень редки, что объясняется как плохой сохранностью, так и тем, что они известны только по материалам раскопок второй половины XX в. Пока этот тип внутрикурганных сооружений не находит аналогий на остальной территории Верхневолжья. Но есть подобные сооружения в более ранних памятниках примерно в том же микрорегионе. Это курганная группа Гринино, где были исследованы погребения в дерновых конструкциях, датирующиеся VI–VIII вв. (раскопки О.М. Олейникова).

Таким образом, находки внутрикурганных конструкций относительно редки на территории Верхневолжья, но их типы в основном имеют аналогии в более ранних памятниках, относящихся ко 2-й пол. I тыс. н.э.

Дополнительные устройства в погребениях.

Сам характер погребения представлен несколькими типами: 1) на горизонте, 2) на подсыпке, 3) в могильной подкурганной яме, 4) в яме, выкопанной в существующей насыпи. Вне зависимости от характера захоронения использовались дополнительные устройства – над погребенным и под ним. В курганах Верхневолжья выявлены каменные и деревянные дополнительные устройства в погребениях, которые невозможно отнести ни к домовинам, ни к гробовищам. Некоторые находки свидетельствуют, что в ряде случаев над погребениями сооружались своеобразные навесы или перекрытия. Так, могильные ямы в курганах групп Ваулино и Пекуново 2 были перекрыты деревянными настилами. Ямы от столбов, вероятно, поддерживавших какие-то перекрытия, зафиксированы на площадках погребений в Большой Коше и Избрижье. В Заборье, в кургане, раскопанном Н.П. Милоновым, были найдены колышки (всего 15 штук), расставленные по периметру могильной ямы. Над погребенными в ряде случаев присутствовали также каменные выстилки (Иворовское 1, Каменка 1) и каменная засыпка могильной ямы (Савинские Горки) (рис. 2).

Дополнительные устройства использовались и на погребальных площадках. Встречены каменные и деревянные настилы под погребенными (Воробьево 1 и 2, Каменка 1, Сорогожское), а также отдельные камни на погребальных площадках (Березовецкий могильник, Козлово, Абаконово) и в могильных ямах (Большая Коша, Березовецкий могильник).

Гробовища.

Гробовища, зафиксированные в погребениях Верхневолжья, были изготовлены преимущественно из дерева или бересты. Остатки деревянных гробовищ зафиксированы в 67 погребениях, на всей рассматриваемой территории. Большинство из них (51), к сожалению, сохранилось плохо, поэтому говорить об их конструкции сложно. Среди остальных, относительно неплохо сохранившихся, – гробовища четырехугольной формы из досок или бревен и долбленные колоды. Гробовища из досок или бревен обнаружены лишь в 15 захоронениях, и только в восьми случаях понятно, что это четырехугольный ящик или рама (Избрижье, Большая Коша, Бере-

зовецкий могильник) из бревен или досок. В остальных случаях обнаружены остатки досок, характер соединения которых не ясен. Размеры гробовищ, как правило, – 1,8-2,5 x 0,5-0,7 м, то есть соответствуют человеческому росту. Дно иногда выстилалось берестой. Сверху такой деревянный ящик также накрывался листами бересты. Обычай покрывать гроб берестой отмечен не только в курганном погребальном обряде, но и в монастырском обряде, относящемся к XII в. (Станюкович, 2003, с. 12, 13).

Большинство гробовищ было изготовлено без использования гвоздей, которые обнаружены всего в 8 случаях, в том числе и без остатков дерева (Пекуново 2, Бежецы, Воронцово, Кидомля 3). Так, в курганах 27, 50, 66 Пекуново 2 гвозди располагались симметрично, по углам могильных ям. В кургане 7 Пекуново 2 в погребении с остатками гробовища была найдена лодочная заклепка.

Долбленные колоды достоверно зафиксированы только в десяти погребениях, в курганных группах Большая Коша, Иворовское 1, Избрижье, Рождественно, Сутоки. В кургане 12 курганной группы Большая Коша очертаниями колода напоминала лодку-долбленку. Отметим, что в Избрижье в трех случаях в колодах были похоронены дети.

Погребения в четырехугольных ящиках появляются уже в 1-й пол. XI в., тогда как захоронения в колодах относятся в основном ко второй половине XI–XII вв. В городских некрополях периода позднего средневековья встречаются оба типа гробовищ. Так, в Твери при раскопках некрополя XV–XVII вв. у церкви Алексея – человека Божия на Затымацком посаде выявлены гробы в виде прямоугольного ящика из досок толщиной 3–4 см, скрепленных в паз друг с другом, и гробы в виде долбленной колоды (Новиков, 1999, с. 144).

Остатки бересты обнаружены в 17 погребениях. Форма берестяных гробовищ, как правило, не ясна. Можно лишь предполагать, что это могли быть как сшитые из кусков бересты гробовища, так и просто листы, в которые заворачивали погребенного. Только в одном случае (Иворовское 1) такое гробовище в погребении взрослого человека представляло собой берестяной короб с крышкой. В кургане 1 курганной группы Узьмень младенец был захоронен в плетеном берестяном коробе.

В кургане 2 курганной группы Иворовское 1 обнаружено уникальное погребение в белокаменном саркофаге. Саркофаг размещался в могильной яме, стены которой были выложены известняковыми плитами. По мнению П.Д. Малыгина, это захоронение могло принадлежать Ивору Новоторжцу, упомянутому в НПЛ под 1215 г. (Малыгин, 2007, с. 131-132), а в самом обряде погребения, несомненно, отразился постепенный процесс замены языческих погребальных традиций христианскими.

Деревянные и берестяные гробовища и домовины обнаружены почти исключительно в погребениях по обряду трупоположения. Лишь в Березовецком могильнике была найдена деревянная домовина в виде сруба, внутри которой находилось четыре глиняные урны с остатками трупосожжений. В другом кургане Березовецкого могильника найдено два обгоревших туеска, в которых находился сожженный прах детей. На некоторых гробовищах с трупоположениями заметны следы горения: уже после размещения на погребальной площадке гробовище с погребенным обжигалось. Примеры такого обряда прослежены в Березовецком могильнике, Избрижье, Пекуново 2. Этот обряд трактуется исследователями как продолжение традиции обряда кремации (Арсланова, 1989, с. 38; Успенская, 1993, с. 98). Очевидно, что за-

хоронение умерших по обряду ингумации в домовинах и гробах является продолжением более ранней традиции, существовавшей в период господства трупосожжений.

В заключение можно сказать, что разнообразие внутрикурганных конструкций не удивительно, т.к. в эпоху средневековья Верхневолжье не являлось единой территорией, а было пограничной зоной крупных политических и этнических образований. Возможно, в связи с этим иногда намеренно подчеркивалось этническое своеобразие отдельных групп населения. Это явление прослеживается и по распространению украшений погребального костюма.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова Ф.Х.*, 1989. Погребальные сооружения кривичей у села Избрижье // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.
- Арсланова Ф.Х.*, 1995. Погребения под «сводом» у села Избрижье // Плесский сборник. Вып.2. Материалы V Плесских чтений «Культурно-историческое наследие русского города». Ч.1. Древняя история. Плес.
- Бессарабова З.Д.*, 1973. Славянские курганы второй половины I тысячелетия н.э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ, вып. 15. Л.
- Малыгин П.Д.*, 1994. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь.
- Малыгин П.Д.*, 2007. Из ранней истории распространения христианства на территории Тверской области // Вестник ТвГУ. Серия: История. Тверь. Вып. 1.
- Новиков А.В.*, 1999. Надгробия конца XV–XVII вв. из раскопок некрополя у церкви Алексея – человека Божия на Затямацком посаде г. Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 3.
- Олейников О.*, 2001. Курган № 4. курганной группы «Струйское» (Тверская обл.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Великий Новгород.
- Рябинин Е.А.*, 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.
- Седов В.В.*, 1966. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. М.
- Седов В.В.*, 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.
- Седов В.В.*, 1987. Эсты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
- Смирнова М.Е.*, 1999. Курганная группа у бывшего погоста Благовещение // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 3.
- Станюкович А.К.*, 2003. Основные проблемы церковной археологии на современном этапе // Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Звенигород, 2003.
- Успенская А.В.*, 1993. Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 82. М.

Курганный могильник Погоща в контексте окняжения северо-западных регионов Полоцкого княжества

Процесс формирования территории Полоцкого княжества на протяжении длительного времени привлекает внимание многочисленных исследователей. В отношении западных регионов княжества эта проблема приобретает особое значение, так как тут границы полоцких владений в общих чертах совпадали с рубежами славянского (кривичского) расселения в Двинско-Неманском междуречье. В данной статье речь пойдет о результатах проведенных автором раскопок курганного могильника Погоща. Полученные в ходе исследований 2005-2008 гг. материалы представляют несомненный интерес для реконструкции процессов формирования северо-западных полоцких границ в Браславском Поозерье.

Браславское Поозерье – регион на северо-западе Беларуси, ограниченный рекой Западная Двина на севере, ее левым притоком Дисна на юге и озером Дрисвяты на западе. Ландшафт Браславщины характеризуется холмисто-моренным рельефом с многочисленными озерами, болотами (преимущественно небольшими по площади) и густой речной сеткой.

Перед тем, как приступить к рассмотрению материалов исследования курганного могильника Погоща и синхронных памятников Браславского Поозерья, целесообразно обратиться к историографии вопроса формирования северо-западных рубежей Полоцкого княжества. Следует отметить, что серьезные попытки решения этой проблемы стали возможны только с накоплением достаточного количества археологических источников. Так, еще в 1951 г. А.Н. Насонов констатировал: *«как далеко на запад тянулись поселения кривичей, мы точно не знаем»* (Насонов, 1951, с. 153), – и отказался от определения западных границ Полоцкого княжества на карте. Однако уже в 1966 г. Л.В. Алексеев, основываясь на анализе топографии курганных могильников, городищ и, в первую очередь, данных топонимики, предложил реконструкцию западных полоцких границ. По данным исследователя, практически все Браславское Поозерье входило в состав Полоцкого княжества, а граница проходила между озерами Дривяты и Дрисвяты, ближе к последнему. При этом территория на северо-запад от Браслава, по Л.В. Алексееву, была населена литовскими племенами (Алексеев, 1966, рис. 13). *«Возникновение четких границ требовало, по-видимому, их охраны, особенно с запада, где можно было ожидать нападения литовцев. Так в XI в. возникли, по-видимому, пограничные укрепления – Брячиславль (современный Браслав), отстроенный полоцким Брячиславом (1001-1044), городища на островах озер Дрисвяты, Мядель»* (Алексеев, 1966, с. 82).

Значительное внимание изучению западных границ Полоцкого княжества уделил польский исследователь Е. Охманьский. По его мнению, в конце «племенной эпохи» (в конце I тыс. н.э.) Браславское Поозерье (по крайней мере, его западная часть) была заселена литовскими племенами. В первой половине XI в. полоц-

кий князь Брячислав строит «в глубине литовской территории» сторожевой город Браслав, призванный гарантировать полоцкое господство на Двине. Вслед за возникновением города вокруг него и к юго-востоку от него появилось древнерусское население (Охманский, 1972; Ochmański, 1981, s. 25-35, rys. 1).

Последней по времени крупной работой, посвященной вопросу формирования западных границ Полоцкого княжества, является диссертация Г.Н. Семенчука, защищенная в 1993 г. По его мнению, весь регион Браславского Поозерья входит в состав Полоцкого княжества при Брячиславе, о чем свидетельствует появление славянских курганных могильников Лесная, Укля, Заборные Гумна и освоение славянами балтских городищ в Браславе, Дрисвятах и Прудниках (Семенчук, 1993, с. 16). Вместе с тем, несмотря на широкое привлечение археологических данных, западные полоцкие границы на карте Г.Н. Семенчука (Семенчук, 1993, с. 25) очень напоминают очертания западных рубежей княжества на карте Л.В. Алексеева и явно к ней восходят.

Во всех перечисленных работах (за исключением Г.Н. Семенчука) для реконструкции границ Полоцкого княжества исследователи пользовались преимущественно данными топонимики и топографии археологических памятников, привлекая результаты раскопок как вспомогательные. Это было обусловлено слабой степенью осмысления и недостаточным количеством накопленных археологических источников. Очевидно, что значительная часть исследователей 1940–1980-х гг. относил курганы с трупосожжениями, раскопанные в Браславском Поозерье, к балтским (восточнолитовским) памятникам. Традиция подобной интерпретации восходит еще к первому исследователю этих древностей Ф.В. Покровскому. Он рассматривал погребения по обряду трупосожжения как «исконно-литовские» или «древне-литовские» и проводил границу между славянами (дреговичами) и балтами (литовцами) в районе Браслава (Покровский, 1895, с. 196-197, 210, 215). Эта традиция не до конца изжита до сих пор. Вместе с тем, еще в 1990 г. В.В. Енуков убедительно продемонстрировал, что курганные могильники с погребениями по обряду кремации, сконцентрированные на западе Браславского Поозерья, относятся к культуре смоленско-полоцких длинных курганов (Енуков, 1990, с. 16-17, рис. 1). Практически одновременно к сходным выводам пришла Л.В. Дучиц, проводившая с 1976 г. стационарные исследования в междуречье Западной Двины и Дисны (Дучиц, 1991, с. 10-24).

Анализ накопленных на сегодня археологических данных позволяет значительно уточнить наши представления о процессе вхождения Браславского Поозерья в состав Полоцкого княжества и формирования его границ в регионе.

В конце I тыс. н.э. в Браславском Поозерье распространяются памятники культуры смоленско-полоцких длинных курганов (далее КСПДК) (рис. 1)¹. Характерные для КСПДК керамика «с плечиками» и вещевой материал встречены в культурных слоях городища «Замок» на озере Дрисвяты, городища «Замковая Гора» в Браславе (рис. 2: 1-10), селища Зазоны, городища и селища Прудники (Плавинский, 2008, с. 243). Курганные могильники КСПДК концентрируются на западе Браславского Поозерья – в окрестностях озер Богинского и Дривяты (рис. 1). В данном регионе с конца XIX в. было исследовано 96 курганов в 6 могильниках (Устье (Богино), Опса, Довбор, Рацкий Бор, Заборные Гумна, Бельмонты). Основная масса ис-

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 298-305.

следованных погребений принадлежит к типичным для КСПДК кремациям, совершенным за пределами кургана. Погребения содержат характерные, так называемые этноопределяющие типы украшений этой культуры – серповидные височные кольца, трехдырчатые и би-S-видные цепедержатели и лепную керамику «с плечиками» (рис. 2: 11-22). Все относительно узко датированные комплексы КСПДК принадлежат к X в. или X – началу XI в. (Енуков, 1990, с. 76–77, табл. 2; Плавинский, 2008, с. 243), хотя исключать существование погребений IX в. также нельзя.

Перечисленные курганные могильники, городища и селища могут быть объединены в особую богинско-дривятскую группу памятников, которую оставила крайняя северо-западная группа носителей традиций КСПДК (рис. 1), непосредственно граничившая с восточнолитовскими племенами на западе (Kurila, 2005) и латгалами на северо-западе (Radiņš, 1999, att. 99).

Во второй половине X в. на востоке Браславского Поозерья (в окрестностях озер Укля – Обстерно – Важа) появляются курганные могильники – Лесная, Кублищина, Укля, Кузьмовщина (рис. 3), – в которых полностью преобладают погребения по обряду ингумации, а кремации встречаются очень редко (в 4 курганах из более чем 72). В курганах преобладает круговая керамика, хотя достаточно широко встречаются и лепные, типичные для КСПДК, формы и набор украшений, характерный для кривичских курганов Белорусского Подвинья древнерусского времени. Появление подобных могильников следует объяснять притоком нового населения с востока, связанного своим происхождением с формирующимся раннегосударственным образованием в Среднем Подвинье с центром в Полоцке (Плавинский, 2008, с. 243). Функционирование курганных могильников с труположениями на востоке Браславского Поозерья продолжалось и в XI–XII вв.

В конце X – начале XI в. в могильниках КСПДК богинско-дривятского микро-региона появляются погребения по обряду ингумации (рис. 3). Всего их исследовано 9, причем в 7 из них найдены предметы вооружения древнерусских и североевропейских форм, такие, как топоры типов IV и IVA по А.Н. Кирпичникову, ланцетовидные наконечники копий с «готическим» орнаментом на втулке (рис. 4). Очевидно, что эти погребения были оставлены пришельцами, не связанными с погребальными традициями КСПДК. Можно предполагать, что появление ингумаций с оружием отражает начало утверждения в регионе интересов Полоцкого княжества, а сами эти погребения принадлежат представителям полоцкой княжеской администрации (Плавинский А., Плавинский М., 2003, с. 79; Плавинский, 2008, с. 243).

Одновременно с появлением в некрополях КСПДК погребений по обряду труположения с оружием в конце X – начале XI в. происходят пожары на городище «Замок» на озере Дрисвяты и на городище «Замковая Гора» в Браславе (рис. 3), а на их месте возникают городские центры с типичной древнерусской материальной культурой. Жизнь на селище в Зазонах прекращается, а на городище и селище Прудники проникают традиции древнерусской материальной культуры. К востоку от Браслава возникают древнерусские крепости Масковичи, Ратюнки и, вероятно, Слободка (Плавинский, в печати).

Уничтожение городищ местного населения, создание мощной системы укреплений, распространение администрации произошли на протяжении короткого времени, что свидетельствует о спланированной и целенаправленной деятельности пришельцев. Можно уверенно связывать произошедшие события с процессом рас-

ширения границ Полоцкого княжества. Причем закрепление этой территории за Полоцком, проявившееся в создании системы укрепленных центров, произошло в начале правления Брячислава Изяславича – в первые десятилетия XI в. (Плавінскі А., Плавінскі М., 2003, с. 79). В свою очередь, распространение в регионе полоцкой администрации могло произойти несколько ранее. Вопрос в том, насколько ранее это произошло?

Представляется, что результаты исследований курганного могильника Погоща 2005-2008 гг. позволяют приблизиться к решению этого вопроса. Могильник размещается в лесу на восточном берегу озера Бержонка. Сейчас в нем насчитывается всего 15 курганов, хотя в древности их, вероятно, было несколько больше. Могильник находится в центре богинско-дривятской группы памятников КСПДК. За четыре сезона раскопок сплошной площадью на памятнике было исследовано 1018 кв.м и раскопано 11 насыпей, из которых 9 содержали погребения (Плавинский, 2008; 2009). Естественно, что такое число пригодных для анализа курганов не позволяет делать категорические выводы о хронологии и культурной интерпретации некрополя. Вместе с тем, следует отметить, что по степени исследованности (процент раскопанных насыпей от их общего количества) могильник является самым изученным в Браславском Поозерье.

В разрушенном кургане 16 следов погребения выявлено не было. В насыпи не содержавшего погребения кургана 2 найдена железная проушная мотыга середины I – начала II тыс. н.э. Более-менее узкая датировка может быть определена для девяти курганов (1, 6-10, 12, 14, 15). Эти погребальные комплексы делятся на два культурно-хронологические горизонта.

Первый культурно-хронологический горизонт представлен курганом 9, который может быть датирован третьей четвертью I тыс. н.э. (наиболее вероятно, VII в.) и отнесен к культуре псковских длинных курганов (Плавинский, 2008, с. 221-227; 2009, с. 57-60).

Второй культурно-хронологический горизонт могильника Погоща представлен восемью насыпями (1, 6, 7, 8, 10, 12, 14, 15). Учитывая, что изучено уже более 2/3 от общего количества насыпей могильника, сейчас можно сделать ряд выводов о погребальной обрядности коллектива, который его оставил. В первую очередь следует остановиться на погребальном обряде взрослых мужчин (рис. 5). Пять погребений совершены по обряду ингумации в подкурганных ямах (курганы 1, 10, 12, 14, 15), одно – на материке (курган 6). Могильные ямы перерезали пепельный слой на основании курганов. В них находились обращенные головами на восток (с отклонениями) погребенные, которые были помещены в берестяные конструкции наподобие гробов. В курганах 1, 10, 14 найдены предметы вооружения, элементы костюма и посуда (рис. 6). Ингумация в кургане 15 значительно уступает им по богатству инвентаря – тут выявлены только железное поясное кольцо и нож.

Особый интерес представляет мужское погребение в кургане 12. Погребенный находился в яме размером 3,7×2,8 м и глубиной около 1,05 м. При нем выявлены топор, копье, нож, кресало, браслет, фибула и лепной горшок (рис. 5; 7: А). Справа от него находилось дополнительное безынвентарное женское погребение. Могильная яма была перекрыта деревянным настилом, на котором размещалось третье погребение, совершенное по обряду трупосожжения с достаточно богатым погребальным инвентарем (рис. 7: В): набор стеклянных, фаянсовых и глиняных

бус, серповидные височные кольца, браслет, фрагменты костяных амулетов (?). Размеры могильной ямы, особенности строения кургана и ритуальных действий позволяют предполагать, что люди, которые их осуществляли, имели представление о так называемом «камерном» погребальном обряде. Точнее, не столько о «классическом камерном» ритуале (Михайлов, 2001), сколько о его поздних проявлениях, известных по материалам Северо-Запада России XI в. Существует мнение, что в поздних камерах Новгородской земли погребены представители центральной администрации, вероятно, не местного происхождения и их ближайшие родственники (Михайлов, Соболев, 2000, с. 225; Соболев, 1997, с. 227). Вместе с тем, сходство погребального обряда мужчины в кургане 12 с мужскими погребениями с оружием в курганах 1, 10 и 14 также позволяет рассматривать последние как «камерные».

Кроме кургана 12, женские погребения открыты в курганах 7 и 8. Исследованное в кургане 8 погребение девочки-подростка находилось в материковой ямке (рис. 8: С). Как по особенностям обряда, так и по характеру инвентаря оно может быть отнесено к финальному этапу существования КСПДК в Белорусском Подвинье. В кургане 7 выявлена парная ингумация. Погребение 1 принадлежало ребенку, было ориентировано головой на юго-восток и находилось на пепельно-угольной прослойке на материке (рис. 8: А). Второе погребение, принадлежавшее женщине, выявлено в подкурганной яме. Оно было совершено в гробу и ориентировано головой на северо-запад. Среди другого достаточно богатого инвентаря обнаружены вплетенные в косы браслетообразные височные кольца, завязанные на два конца (рис. 8: В).

Заметно отсутствие определенного стандарта в женском погребальном обряде. Кроме того, все женские погребения в могильнике имели подчиненный и вторичный в сравнении с мужскими характер в планиграфической структуре некрополя. Курганы с мужскими ингумациями с оружием (1, 6, 10, 12, 14) размещаются «цепочкой» по центру некрополя. Они выделяются большими размерами и, очевидно, имеют первоочередное значение. Причем при возведении кургана 6, где погребен мужчина с дротиком, были повреждены практически синхронные ему курганы 7 и 8 с женскими погребениями. Это также свидетельствует о первостепенной роли мужчин в погощанском коллективе.

Датировка второго культурно-хронологического горизонта курганного могильника Погоща укладывается в рамки 2-й пол. X – 1-й пол. XI в., а наиболее вероятным представляется его функционирование в последних десятилетиях X – начале XI в. (Плавинский, 2008, с. 238; 2009, с. 68).

Наконец, следует обратить внимание на название деревни, у которой размещен рассматриваемый могильник. Деревня Погоща (Поща) известна, по письменным источникам, с начала XVI в. (Hedemann, 1930, s. 68). Как показали исследования А.М. Микляева, на Северо-Западе России названия населенных пунктов, которые завершаются на *-гощ*, принадлежат еще к раннему древнерусскому времени (Микляев, 1984). Само название Погоща, вероятно, могло быть наименованием погоста.

Очевидно, что, несмотря на расположение в центре богинско-дривятской группы памятников КСПДК, могильник Погоща представляется не связанным с погребальными традициями этой культуры (за исключением двух женских погребений). Могильник принадлежал коллективу, включавшему разных по происхожде-

нию и этно-культурной принадлежности членов. Мужские ингумации с оружием в подкурганных ямах («камерах») могут быть интерпретированы как погребения представителей полоцкой княжеской администрации, которые занимали доминирующее положение в погощанском коллективе и имели определенное представление о погребальном ритуале, соответствовавшем их групповому и социальному статусу.

Формирование второго культурно-хронологического горизонта курганного могильника Погоща может быть соотнесено с вхождением богинско-дривятской группы памятников КСПДК в сферу влияния Полоцкого княжества (рис. 3) и учреждением тут погоста, ставшего одним из центров новой администрации. Наиболее вероятно, что возник данный «погост» в последние десятилетия X в. К сожалению, мы пока не можем связать его возникновение с периодом правления определенного князя. Однако это могло произойти либо на исходе правления в Полоцке Рогволода, либо в период вхождения Полоцкого княжества в государство Владимира.

В начале или в первой половине XI в. функционирование курганного могильника Погоща, равно как и всех некрополей богинско-дривятской группы памятников КСПДК, прекращается (Плавинский, 2008, с. 243; 2009, с. 66). Археологические памятники второй половины XI–XIII в. в данном регионе пока не выявлены (рис. 9), что может свидетельствовать об отсутствии стабильного заселения этой территории либо о ее слабой заселенности, причины которой пока остаются невыясненными. В то же время, древнерусские памятники концентрируются вдоль реки Друйки, бывшей, вероятно, основной региональной артерией коммуникаций, по которой пролегал путь от Двины к Браславу. Для ее охраны с конца X в. создается мощная система укреплений (городища Слободка, Масковичи, Ратюнки и сам Браслав). По берегам Друйки, озера Напиш, через которое она протекает, и озера Дривяты, в которое она впадает, концентрировалось и сельское население – Друя, Мо-настырь, Ушино (рис. 9). На восток от этой группы памятников существование древнерусского сельского населения фиксируется по наличию курганных могильников в окрестностях озер Укля – Обстерно – Важа (Лесная, Кублищина, Укля, Кузьмовщина). Дрисвятский археологический комплекс маркирует полоцкий форпост XI–XIII вв., вынесенный примерно на 20 км на запад от основной зоны, заселенной древнерусским населением (Плавинский, в печати).

Можно предполагать, что формирование устойчивой границы Полоцкого княжества, проявившееся в создании системы укрепленных центров и сельских поселений, произошло в начале правления Брячислава Изяславича – в первые десятилетия XI в. Эта граница, вероятно, шла от Двины, западнее размещенного вдоль реки Друйки скопления полоцких укрепленных и открытых поселений, к Браславу и далее на юг – к Дисне. Незаселенная территория к западу от Браслава до городища Дрисвяты могла представлять собой нечто вроде буферной зоны между Полоцким княжеством и Литвой.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв. М.
Дучыц Л.У., 1991. Браслаўскае Паазер’е ў IX–XIV стст. Минск.

- Енуков В.В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.
- Микляев А.М., 1984. О топо- и гидронимах с элементом *-гост/-гоиц* на Северо-Западе СССР (к проблеме восточно-славянского расселения) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.
- Михайлов К.А., Соболев В.Ю., 2000. Новгородские наборные пояса XI–XII вв. // АВ, № 7.
- Михайлов К.А., 2001. Древнерусские камерные погребения в Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М.
- Насонов А.Н., 1951. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М.
- Охманский Е., 1972. Литовско-кривичское пограничье в племенную эпоху // Становление раннефеодалных славянских государств. Киев.
- Плавінскі А.М., Плавінскі М.А., 2003. Новая дадзеныя па гісторыі Браслаўскага Паазер’я (па матэрыялах раскопак курганнага могільніка Опса) // Браслаўскія чытанні 2003. Матэрыялы VI-й навукова-краязнаўчай канферэнцыі, прысвечанай 150-й гадавіне з дня нараджэння браслаўскага лекара, грамадскага дзеяча Станіслава Нарбута (1853–1926). Браслаў.
- Плавинский Н.А., 2008. Курганный могильник Погоща: результаты раскопок 2005–2006 годов // Lietuvos archeologija. Т. 34.
- Плавінскі М.А., 2009. Курганны могільнік Пагошча: асноўныя вынікі раскопак 2005–2008 гадоў // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку). Наваполацк, 2009.
- Плавінскі М.А., в печати. Да рэканструкцыі сістэмы рассялення старажытнарускага часу ў Браслаўскім Паазер’і.
- Покровский, Ф.В., 1895. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии // Труды IX АС в Вильне в 1893. Т. I. М. С. 166–220.
- Семенчук Г.Н., 1993. Формирование и развитие Полоцкой земли в IX – первой половине XIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск.
- Соболев В.Ю., 1997. О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.
- Hedemann O., 1930. 1930. Historia powiatu Braslawskiego. Wilno.
- Kurila L., 2005. Lietuvių etninė riba rytuose IX–XII a. (1. Archeologijos duomenys) // Lietuvos archeologija. Т. 27.
- Ochmański E., 1981. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku. Poznań.
- Radiņš A., 1999. 10.–13. gadsimta senkapī latgaļu apdzīvotajā teritorijā un Austrumlatvijas etniskās un politiskās vēsures jautājumi // Latvijas vēstures muzeja raksti. Nr. 5. Rīga.

Т. Берга

Новейшие исследования средневекового города Валмиеры

В Валмиере до недавнего времени археологически исследовался преимущественно орденский замок (1283 г.), на территории же средневекового города проводились лишь небольшие охранные раскопки шурфами и траншеями. Проведенные в 2000 г. раскопки рыночной площади средневековой Валмиеры не дали ожидаемых результатов – культурный слой был полностью уничтожен (Bebre, 2002, 307. - 314. lpp). Начиная с 2005 г., в связи с реконструкцией центра города, здесь проводятся археологические раскопки большими площадями (Berga, 2006, 2008). Исследована территория более 2500 м². Впервые в письменных источниках Валмиера упоминается в 1324 г., тогда у города был уже свой магистрат (LGU I, №252 un 619).

Город развивался рядом с замком как ремесленное и торговое поселение, его развитию способствовало расположение на торговых путях: из Риги в Тарту и далее в Псков и Новгород, а также членство в Ганзейском торговом союзе. Почти вся средневековая часть города в свое время была застроена многоэтажными зданиями с глубокими подвалами, поэтому надежды найти нетронутым культурный слой средневекового города было мало. За 4 года раскопок были вскрыты остатки защитных каменных стен общей длиной около 130 м, фундамент Рижских ворот, а в северо-западной части города – фрагменты шести каменных зданий XIV–XVI вв., а также остатки сгоревшей деревянной постройки XV в. Найдена и мастерская по обработке металла и кости.

Двухметровой толщины крепостные стены старого города были вскрыты на различной глубине, в среднем под (0,6 м) слоем строительного мусора. Сохранность стен в среднем от 0,6 до 2 м от основания. Судя по сохранившимся планам, крепостная стена города длиной примерно 1 км соединялась со стенами замка, образуя единую оборонную систему. Лучше всего крепостные стены обозначены на старейшем плане Валмиеры 1634 г. (рис. 1)¹. План, как проект новых городских укреплений, изготовил Улоф Эрнехуфвуд по заказу шведского канцлера (Ose, 2001, 248.1pp). В конце XVII в., в период шведского правления, крепостные стены города были частично разрушены. При строительстве земляных укреплений нижние части стен использовались как основа для земляных валов, соединяющих шесть бастионов. Впервые остатки крепостных стен были обнаружены при рытье траншей в южной части города.

У города были двое ворот: Рижские и Тартуские. Фундамент Рижских ворот найден при раскопках 2005 г., они были построены в конструкции цвингера. Две двухметровой толщины стены на расстоянии 4,5 м друг от друга были выдвинуты на 10 м на запад, в сторону Риги. Дорога между внутренними и внешними воротами была вымощена, с северной стороны хорошо сохранился водосток. В толщине крепостной стены была встроена лестница, от которой сохранились три кирпичные ступеньки. Рядом с внутренними воротами обнаружен фундамент постройки, предположительно башни. Длина западной крепостной стены от Рижских ворот до поворота составляет 160 м, из них раскопано 80 м. В юго-западной части города стена плавно поворачивает на восток, образуя закругленный угол в 140°. Предполагаемая здесь башня не была констатирована. Северная часть крепостной стены от поворота до места, где находились Тартуские ворота, вскрыта в двух местах: 35 м от поворота и 30 м рядом с Тартускими воротами. Северная часть крепостной стены, в отличие от западной стены, возводилась в низине. Поэтому, сняв здесь только лишь верхний слой земли толщиной 0,3 м, вскрыли верхнюю часть стены с сохранившейся бойницей. Глубина проверочного шурфа рядом достигала пять метров от поверхности, но основание стены еще не было найдено (рис. 2). Следовательно, в отличие от западной и южной крепостных стен города, северная стена не была разрушена, а постепенно засыпана. Сохранившаяся бойница была выложена кирпичом, ее ширина 1,4 м, высота 0,8 м, глубина нижней платформы 0,5 м. В середине толщии стены бойница сужалось до прямоугольного отверстия 0,25 м шириной, а с противоположной стороны опять расширялась. Насколько известно, бойницы такой формы

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 306-307.

использовались для стрельбы из арбалета. Недалеко от бойницы, с внешней стороны стены, на глубине 1,5 м, был найден фрагмент контрфорса.

Рядом с крепостной стеной, на глубине 1,5 м от поверхности и на расстоянии 0,35 м от нижней платформы бойницы, была вскрыта часть мощеной дороги с двумя водосточными канавками (рис. 3). Ширина дороги 5,5 м, вскрыт участок длиной 12 м. Дорога резко сворачивала в сторону Рижских ворот и далее шла параллельно западной крепостной стене на расстоянии от нее около 20 м. Возможность датировать время действия дороги дала находка монетного клада, обнаруженного рядом с продолжением дороги, вскрытым недалеко от Тартуских ворот. Монетный клад периода польского правления состоял из 52 литовских и польских грошей, полугрошей и шиллингов свободного города Риги чеканки конца XVI в. Соответственно клад датировал начало функционирования дороги концом XVI в.

Таким образом, после Ливонской войны, в период польского правления, северная крепостная стена была частично засыпана и рядом проложена дорога, ведущая от Тартуских ворот к Рижским. Дорога действовала недолго. В конце XVII в. при строительстве земляных городских укреплений остатки стены и дорога были засыпаны. Нижняя часть крепостной стены недалеко от Тартуских ворот сохранилась очень хорошо, на высоту около 3 м.

Рядом с крепостными стенами города никаких следов застройки не было обнаружено. Находок немного, всего около 120 предметов быта и орудий труда XV–XVII вв. Мало керамики, но очень много остатков обработки железа: крица, куски железа, шлак. Найдено много свинца, тигли, шпоры, подковы, ножи, поясные пряжки, ледоходы, глиняные светильники, монеты. Из находок следует отметить жетон пилигрима XV–XVI вв. – бронзовая ракушка (рис. 4). Ракушка была атрибутом святого Якова и знаком отличия паломников, посетивших монастырь Сантьяго де Компостелло в Испании. В Латвии известна еще одна подобная находка – это ракушка с двумя отверстиями, найденная в Турайдском замке, в слое XI–XIII вв. (Graudonis, 2000, 34, tab.: 5).

Раскопки самого города проводились в его северо-западной части. На глубине полтора – двух метров найдены фрагменты шести каменных зданий XIV–XVI вв., остатки сгоревшей деревянной постройки и мастерская по обработке металла и кости.

Одной из первых, наиболее хорошо сохранившихся построек размером 12 x 8 м, было разрушенное и частично сгоревшее жилище с двумя помещениями. Каменные метровой толщины стены сохранились на высоту в 0,2–0,4 м. В заполнении постройки было много угля и пепла, обгоревшие камни, кирпич, ява. Пол – глинобитный. Помещения разделяла каменная стена, обшитая кирпичами. Во втором помещении найдены остатки разрушенной сгоревшей печи с 0,3 м слоем обгорелых горшковидных изразцов. Рядом с печью найден осколок пушечного ядра. Именно в этой части помещения было найдено особенно много угля и пепла. За дверным проемом второго помещения, в противоположном от печи углу, был найден скелет 4-х летнего ребенка, вероятно задохнувшегося при пожаре. Найденные предметы быта (нательный крестик, варган, ножи, долото, ключи) и монеты датировали постройку XV–XVI вв. (монеты – люнебургский брактеат 2-й пол. XIV в. и шиллинг рижского архиепископа Бранденбургского марграфа Вильгельма чеканки 1540-

1547 гг.). Судя по всему, здание было разрушено и сгорело во время Ливонской войны. В 10 м к югу от этой постройки найден каменный фундамент ремесленной мастерской. В заполнении постройки была интенсивно темная земля с кусками шлака и древесным углем. Найдено много костей животных: черепа, голени, рога и их обрезки. Пол постройки: 5 см толщиной утрамбованный слой темной земли с углем. В северо-западном углу постройки обнаружена концентрация костяных заготовок. Это рассыпанные на участке 1,5 x 2 м более 100 костяных заготовок (голеньи низкорослой коровы), все одной длины, часть из них уже обработана – спилены концы, обработана поверхность, есть несколько рукоятей ножей. Рядом у стены было найдено днище бочки. Вскрыты развалы трех печей, в которых среди обгорелых осколков камней, глины и кирпича было много шлака, древесного угля, пепла. Особенно много шлака было во второй печи – 89 кусков различной величины. Среди находок: сплавившиеся куски бронзы, свинца, проволока из различных металлов, куски железа, кремневые отщепы, ножи, много ржавых железных предметов, очень много рыбьей чешуи. Рядом с развалами двух печей найдены четыре ямы от столбов глубиной 0,25 м и диаметром 0,2 м, находящихся на расстоянии 1,4 и 0,7 м друг от друга. Рядом со второй печью найдена глиняная площадка толщиной 0,2 м и размерами 1 x 0,6 м. Под западной стеной первой жилой постройки были вскрыты остатки пока единственной в Валмиере деревянной постройки размерами 5 x 4 м. Сгоревшие столбы и толстые доски лежали в основном в направлении север – юг, под ними найдены обгоревшие зерна ржи, глиняное пряслице, фрагмент лубяного лукошка, а также монета чеканки конца XIV в. – Висбийский гот.

Во втором раскопе, недалеко от места Тартуских ворот, культурный слой был сильно разрушен постройками нового времени. Из 11 вскрытых построек только четыре относились к средневековью. Только на небольших участках был констатирован культурный слой средневекового города, но в большинстве случаев он был уничтожен поздней застройкой (рис. 5).

Вскрыты фрагменты мощеной улицы XVII в. Между булыжниками мостовой было найдено 9 монет чеканки XVII в. Ориентация домов свидетельствуют о том, что первоначально в XV–XVI вв. направление улиц было на северо-восток, к Тартуским воротам. Позже, в XVII–XIX вв., оно изменилось в направлении на восток, к рыночной площади. Судя по всему, в период шведского правления город был перепланирован. Наиболее хорошо сохранился фундамент одной постройки, где были найдены артефакты: керамика, изразцы и три монеты чеканки конца XIV–XV вв. (Готланд, Висби чеканки 1380/90 гг., таллиннский пфенниг чеканки 1390-1400 гг. и тартуский пфенниг «любекского типа», чеканенный после реформы 1422/26 гг. до 1500 г.).

Найдено 270 артефактов, особо следует отметить два вещевых клада: в составе первого различные орудия труда – наконечник пахотного орудия, мотыга, серп, топор, долото; в составе второго орудия ремесленника – топор, сверла, долото, проколки, различные заготовки железных предметов. Среди находок каменные жернова, тигли, точильные бруски, конские и обувные подковы, ледоходные шипы, удила, шпоры, ключи, замки, ножи, костяные рукоятки ножей, бубенчики и другие предметы.

- Bebre V.*, 2002. Arheoloģiskie pētījumi Valmieras viduslaiku pilsētā, ordeņa pilī un Sv. Sīmaņa baznīcas kapsētā // Arheologu pētījumi Latvijā 2000. un 2001. gadā. Rīga, 307. - 314.lpp.
- Berga T.*, 2006. Arheoloģiskie pētījumi Valmierā // Arheologu pētījumi Latvijā 2004. -2005. gadā. Rīga, 19. -24. lpp.
- Berga T.*, 2008. Izrakumi Valmieras viduslaiku pilsētā // Arheologu pētījumi Latvijā 2006. -2007. gadā. Rīga, 106. -115.lpp.
- LGU I. – Hermann Bruining, Nikolaus Busch. Livländische Güterkunden (aus den Jahren 1207 -1500). Riga, 1908, №252 un 619.
- Ose I.*, 2001. Latvijas viduslaiku pīļu pētniecība 18.-20. gadsimtā // Latvijas viduslaiku pīlis, II. Rīga, 248.lpp, 99.att.
- Graudonis J.*, 2003. Turaidas pils arheoloģiskā izpēte. II daļa Atradumi. Turaida, 4.tab: 5.

M. Dworaczyk

Szczecin – the oldest Pomeranian town

The early medieval history of Szczecin has always aroused controversies among scholars, particularly when considering the fact that the development of this history branch has been proportional to the still developing archaeological research. This is mainly because there exist few written records on the town's early history and even if they do, such records usually come from as late as the mid-12th century. The materials in question comprise the life of St. Otto and they describe events that occurred in the 3rd decade of the 12th century, that is, in the times of two Christianization missions of the Bishop of Bamberg, Otto (cf. Wikarjak, 1979). In these records, Szczecin is referred to as both "the oldest and the most famous Pomeranian town, the mother of all Pomeranian towns" and "the region's capital" (cf. Leciejewicz, 1995, 19). The sources then point to Szczecin's boasting of not only its very remote roots but also of its main position among the then town centres situated on the Oder estuary. Additionally, to a degree, these sources allow for the reconstruction of the town's both socio-political relations and its topographic situation. On the other hand, they remain silent on the question of Szczecin's origins and the oldest stages of its development that resulted in the town having become the first and foremost Pomeranian urban centre. Furthermore, these records provide hardly any data on Szczecin's sociotopography, and neither do they allow us to define the actual character of townspeople's activities, their social and material status, or else, of the town's material culture and living conditions. All this became possible owing to the archaeological research initiated within the Old Town area in Szczecin in the late 1940s and continuing till this day (cf. Leciejewicz et al., 1972; Szczecin...; Dworaczyk, Kowalska, Rulewicz, 2003). The results of this research have facilitated our reconstruction of both socio-economic and cultural processes that once took place in Szczecin and the town's spatial development. The analysis and comparison of the elements found in various parts of Szczecin's Old Town made possible for the above mentioned phenomena to be viewed in

both static and dynamic perspective, that is, from the time the settlement was founded till the foundation of the town on the Magdeburg law in 1243.

Szczecin developed from a small settlement that constituted the westernmost enclave of the then forming Wkrzanie tribe (Łosiński 1993, 301). The settlement is assumed to have been founded about the mid- or the late 8th century¹, on the Odra River's western bank and at the upland point where the nowadays Pomeranian Dukes' Castle is situated (cf. Łosiński, 1993, 287 pp.; 1996a, 131 n.; Cnotliwy, Łosiński, 1995, 73 pp.; Leciejewicz, 1995, 25; Dworaczek, Kowalska, Łosiński, 2002, 207 pp.). This position influenced enormously the town's later history, mainly because at it the waters of the Odra River merged, via many tributaries, with Lake Dąbie, which made possible for the wide exploitation of water environment on one hand and the development of contacts, also long-ranging, on the other. In the course of history, the position in question resulted in the creation of a local handicraft and exchange centre. Here, the economic life of not only the nearby but also of the neighbouring areas concentrated. The settlement's close relations with the agricultural-farming hinterland and its wide long-range contacts were the chief reasons for Szczecin's having become the leading Pomeranian town. The sacral ring that allegedly existed within this location since its beginning must have also influenced the process of shaping Szczecin's early history (cf. Łosiński, 2003, 69 pp.).

Originally, Szczecin was a small settlement that quickly developed to have embraced the area of about 1 ha. At first semi-dugouts dominated as a development type in Szczecin only to be superseded later on by houses with plaited walls. Szczecin's inhabitants' basic activities comprised agriculture, animal breeding and fishing. It was relatively early on – probably from the late 8th century, and definitely from the early 9th century – that the settlement's transformation into a local centre of handicraft and exchange, also long-range, began thus pushing Szczecin into the orbit of the Baltic economic zone. Good examples of these transformations are the finds of glass beads, a comb from the Franco-Frisian, or Scandinavian circle and phyllite whetstones. On the other hand, the existence of richly ornamented, strongly worn pots of Type C, variety b (the Feldberg type) suggests the activity of specialized pot-makers who could have produced the local variety of these technically perfect goods. It must have been due to the exchange in question that the social structure of the settlement's inhabitants cropped up. At this time representatives of higher social strata appear, a fact confirmed by the existence of a bronze spur with hooked fasteners (Łosiński, 1993, 287 pp.; 1996a, 132-133; Cnotliwy, Łosiński, 1995, 75).

One manifestation of the above mentioned changes was a radical settlement rebuilding that took place in the 1st decade of the 9th century (Leciejewicz, 1973, 67-69; 1995, 25-26; Łosiński, 1993, 293 pp.). At this time a close-knit, terrace-like building structure appeared that was composed of massive log-houses enclosed with plaited fences and accompanied by timber-padded streets. Thus marked out settlement plots survived in an almost unchanged shape until as late as the mid-10th century. The reorganization of the settlement's spatial planning seemed to have been connected with the construction of defense fortifications in the shape of a soil-and-timber-made embankment with which the settlement could have been surrounded at about the same time, probably in the 3rd quarter of the 9th century (Cnotliwy, 1983, 253-254).

¹ This is the latest attempt at dating the beginnings of the early medieval Szczecin that Professor W. Łosiński proposed (2008, 101 pp.). I owe this information to the courtesy of Professor Łosiński. On the question of former ways of dating the oldest settlement cf. Łosiński, 2003, 74-75.

It was then that the centre developed spatially, too. At this time a marina with the accompanying embankment settlement must have already been a fact (cf. Leciejewicz, 1995, 26), and no wonder when considering the increasing role of the long-distance exchange. A wreck of a stave boat was discovered in a ditch at the Vegetable Market, deep inside a layer of river muck (Wieczorowski, 1962, 179 pp.). The boat was construed in the 840s and it was used for at least sixty years. It was also repaired; one of these repairs took place in 903 (Filipowiak, 1996, 94)¹. Nevertheless, the last years of the boat's dendrodating performed in Denmark indicate that it was still in use in the 2nd decade of the 10th century, or even later. Inside the wreck a wooden object was found, among others, topped with a stylized animal head typical for Scandinavia, a fact that undoubtedly confirms Szczecin inhabitants' well developed contacts with this cultural circle (Łosiński, 1993,

208

295). Another fact evidencing this hypothesis is that the boat could sail not only inland waters but also the Baltic, or at least its coastal part.

The centre's urban transformations went hand in hand with the changes in its economic structure. The finds from this period reveal traces of processing of many raw materials, particularly of wood, clay, stone, horn and bone; and spinning and weaving were common (cf. Leciejewicz, 1995, 24 pp.; Łosiński, 1993, 293 pp.). Still, these were mainly domestic and handicraft activities.

However, discoveries of objects made by specialist craftsmen are not infrequent, either. Among them, the above mentioned wreck of a stave boat that suggests the boat-making to have been developed at this time is of particular importance to us. This boat's construction, in particular, the shape of its keel and the ways of connecting its plating and of sealing boards allow for considering it the oldest so far example of the Slavic vessel-making art (Filipowiak, 1994, 83 pp.). With reference to clay pots, the majority of them must have been made in specialized pot-makers' workshops (Łosiński, Rogosz, 1983, 279 pp.). Yet, the activities of individual branches of economy become the most transparent via findings of particular workshops. The glass processing workshop that produced beads from the imported raw material such as cullet is of primary importance to our divergations (Dekówna, 1980, 239 pp.). This is because these workshops' products must have been sold not only to the settlement's inhabitants but also to people from the settlements near and far vicinity. Glass beads seem to have been a currency of sorts used in the exchange between craft-and-trade-oriented settlements and their rural hinterland, a fact widely commented on these days (Łosiński, 1996a, 134-135).

The influx of foreign patterns and products resulted from the increase in trade exchange. The finds of merchant paraphernalia exemplify this well. Namely, apart from a fragment of a bronze folding scales a fragment of a horn scales has been discovered; a scales that was patterned on foreign objects of a similar type, which suggests the presence in the then Szczecin of a local merchant. Additionally, a piece of an iron bowl has been found that is similar to the so-called Silesian bowls which served as currency in the 7th – 8th century. It is probable that the discovered bowls served the same function in the 9th – the mid-10th century Szczecin. This particular find undoubtedly indicates, however, the existence of the centre in question's contacts with what is known as the southern territories of Western Slavdom. Still, at this time trade must have meant more than mere goods exchange. The finalization of various transactions began to also rest on precious metal currency, mainly Arabic coins. Even though these coins have not been found yet in the layers from this period within the centre, still, we know them from the treasures found in the Szczecin vicinity, including the oldest Niemierzyn treasure deposited after 935 (Leciejewicz, 1962, 99; Kmietowicz, 1971, 143 pp.).

Also, artifacts' set is a good illustration of the Szczecin centre functioning as an exchange centre that participated in the long-distance trade developing in the Baltic zone (cf. Łosiński, 1993, 293 pp.). This inventory includes imported objects, and they are far more numerous than in the previous period. A set of combs is represented solely by foreign specimens. One of such combs comes from Frisia or Haithabu. Additionally, whetstones made of phyllite slate occur in the inventory in a great number. The collection includes a small number of pots that must have been imported from the nearby Wolin as well. Of particular importance among other objects in the inventory in question is a long series of glass beads. Over a half of all glass discovered in the ditches situated at the Cas-

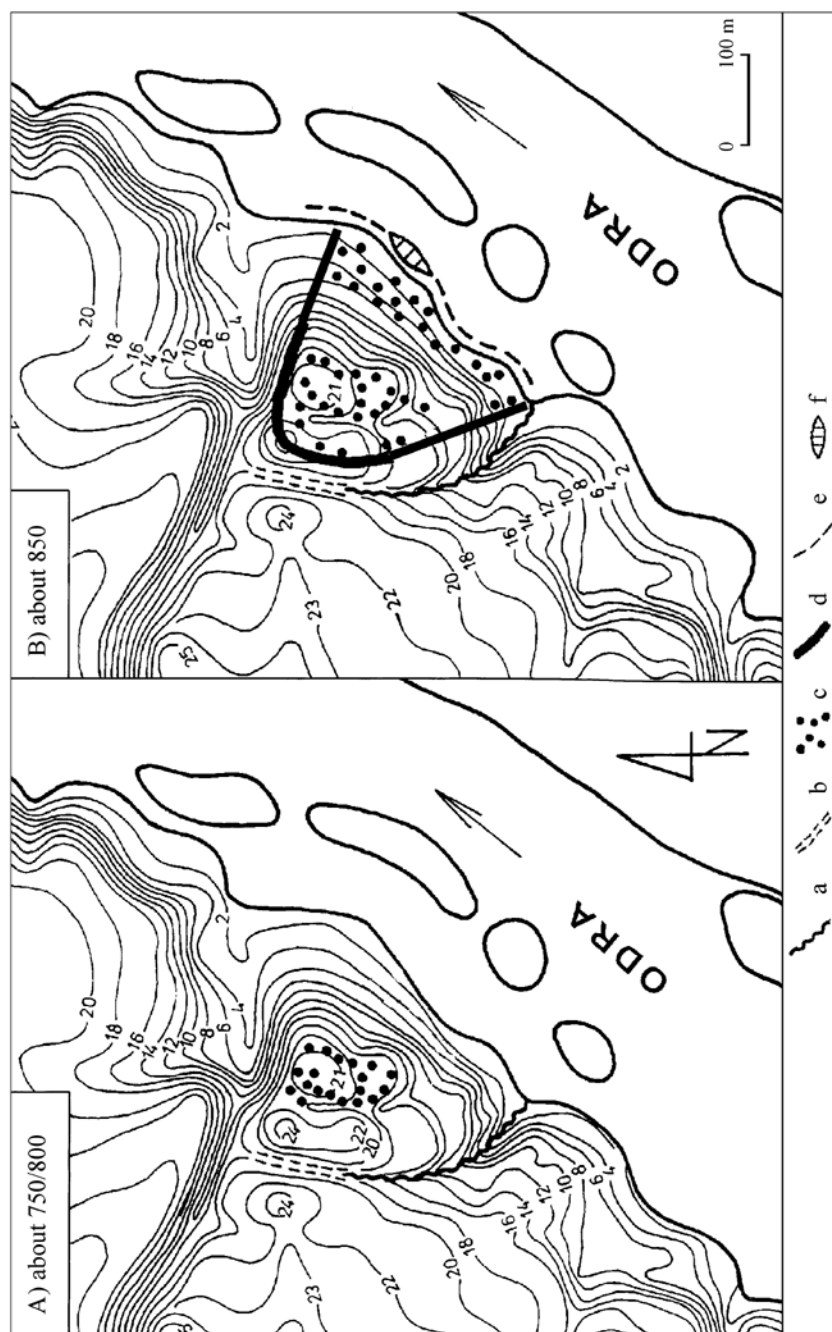

Fig. 2. Szczecin in the 2nd half of the 8th century (A) and around the middle of the 9th century (B), after Dworaczyk, Kowalska, Losiński, 2002, modified by the author. Legend: *a* – streams and rivers, *b* – moat-ditch, *c* – building structures, *d* – fortifications, *e* – line of the presumed harbour, *f* – wreck of the boat.

tle Hill comes from this period; yet, a part of this glass must be locally produced. Starting from the mid-9th century, ornaments made of semi-precious stones and amber appear. Much as this latter raw material or goods made of it must have arrived in the area in question from the nearby Baltic coast, then the place of origination of the former is impossible to determine without performing detailed petrographic analyses. They may have been imported – this concerns primarily phyllite whetstones – from the Sudetes (Skoczylas, 1990, 32 pp.) but some other place of their origin is not improbable, either. The oldest beads made of semi-precious stones might have come to West Pomerania via Scandinavia from the East (Gabriel, 1988, 195 pp.). One imported object, or perhaps an object that was made under the influence of the Nordic cultural circle is a wooden animal head found at the Castle Homesteads, in particular, in the ditch within the Vegetable Market and inside the wreck of a stave boat. Also, three swords dated for the 2nd half of the 8th century, or, mainly, for the 9th century and of Western European, most probably the Rhine River area, origin evidence Szczecin's long-distance contacts. These swords were recovered from the River Odra near the settlement in the vicinity of the Gocław district and the Łasztownia (cf. Chłopocka, Leciejewicz, Wieczorowski, 1985, 22-25).

It was in the 2nd half of the 10th century that Szczecin could boast of being a fully shaped early medieval urban agglomeration doubly structured (cf. Łosiński, 1993, 302 pp.), which structure survived, only slightly modified, till the town's foundation on the Magdeburg law. In the light of the latest discoveries (Uciechowska-Gawron, 2003) it is probable that this agglomeration was surrounded from three sides with a uniform defense system, with only its eastern segment remaining open, which facilitated the access to the river (Słowiński, 2006). Therefore, in naming town parts, it seems more proper to use the terms that mark the topographic situation of particular town districts towards one another, namely: upper for the hill district that was identified with the stronghold (cf. Leciejewicz, 1995, 19 pp.), and lower to refer to the Odra River district identified as the borough, or *suburbium* (cf. Dworaczyk, Kowalska, Rulewicz, 2003). At the time in question the town's economic centre moved from its upper to its lower part. This is suggested by the discovery in this area of the richer and more diversified finds' collection than the one obtained in the town's upper part (cf. Łosiński, 1993, 302-309). Open settlements were developing around the centre in this time, too. One of them was a settlement that directly adjoined the town's lower part's southern fortifications. In the course of rescue excavation conducted within the southern part of the nowadays Castle Homesteads were discovered layers dated for the period from the mid-10th century till the late Middle Ages (Wilgocki, 1998).

Szczecin's harmonious development was hindered about the mid-11th century. Still, the town caught up economically with the rest of the region relatively quickly, for as early in the 3rd quarter of the 11th century first symptoms were visible of Szczecin's transforming economically into a leader of Pomeranian towns. Szczecin's increased economic significance resulted from both the long-range slump and the development of the town's agricultural-farming hinterland. In the course of the entire 11th century, and despite the recession, Szczecin slowly but surely was becoming an organizer of the local exchange market. This latter factor significantly influences Szczecin's later, major position among West Pomeranian towns. This dominant position of Szczecin is reflected in the relations of the above mentioned St. Otto's biographers. In the light of these sources and the recent archaeological research results, it seems that as early as the late 11th century Szczecin was

a politically independent urban republic in which power still belonged to the institution of the gathering, yet the role of the local aristocracy was growing (cf. Cnotliwy, 1996, 153).

The centre's transformations as begun in the 3rd decade of the 11th century are visible through the results of archaeological research. Source materials clearly indicate that the town's economic life was still concentrated around its lower district. In the ditches at both the Vegetable Market and Quarter 6, after a period of log-house building that merely copied, with slight changes, the arrangement of formerly marked out settlement plots, plaited constructions seem to have appeared in the 4th decade of the 11th century (Leciejewicz et al., 1972, fig. I; Dworaczyk, Kowalska, 1998). This must have been due to the fact that the majority of timber was designated for the construction of the wooden-earthen embankment within the Odra River neighbourhood, which resulted in the closure of the town's defense system. In the 2nd decade of the 12th century this embankment, having been burnt in a fire, was rebuilt and significantly widened. It was at this time as well that frame-work constructions became common.

The town's economic boom has also been well illustrated via the excavated material. It is in this period that a numerous collection of glass beads and horn combs originates. A greater number of elements of merchant and military equipment can be found, too. Also, sources confirm the existence at the time in question of various crafts and of agriculture and farming. Fishing is still an important activity of the then Szczecin inhabitants, and sources confirm the existence of a greater number of objects related to the boat-making in the 2nd half of the 11th century as well (cf. Łosiński, 1993, 304-309).

A bigger number of finds consisting of scales and weights suggests that it was precisely in Szczecin's lower district that trade exchange took place. There was the oldest Szczecin fair in this district that was held twice a week (cf. Chłopocka, Leciejewicz, Wieczorowski, 1985, 41-42). Furthermore, a port stretched for at least 300 metres along the bed of the Odra River; the port whose size speaks volumes about the actual range of transshipments (cf. Łosiński, 1996b, 76).

At the same time transformations were occurring within the upper district, too. In this area, after the period of favouring plaited constructions, massive log-house constructions appeared in the late 11th – or the early 12th century. These processes also encompassed the marking out of a regular street and square plot. The new development structure persisted through several settlement layers. In this town district remains of workshops of such craftsmen as shoemaker and turner have been discovered. The trade activity performed simultaneously with the agricultural, farming and fishing work has also been clearly visible in the archaeological sources under consideration (cf. Łosiński, 1993, 304-309).

Unfortunately, we still are not in the possession of much information on Szczecin's suburbs. Apart from the already mentioned settlement situated on the southern side of the lower district's embankment, in the 11th – and the early 12th century there existed at least two more such settlements. One of them has been localized west of the stronghold, within the present St. Mary's Square. Another one must have been located within the area north of the St. Mary's Square, for St. Peter and Paul Church was build there in the period of St. Otto's mission. However, the activities that suburbs' inhabitants are still a mystery to us. These settlements must have functioned as subordinated to the town's two older parts. Their inhabitants may have been occupied with agriculture and animal breeding. Most probably, they were former peasants. Moreover, the territories situated farthest from

the town's centre were designed for building peasant quarters there. In the early 14th century town record there is a mention of the area between Grodzka and Podgórna Streets, and thus in the immediate vicinity of St. Mary's Square, to have been inhabited by peasants (Piskorski, 1987, 209-210). The settlements' dwellers must have also been occupied with pomiculture, gardening and hunting. In the course of time, workshops specializing in particular crafts must have begun to appear in the suburbs. It is there where we should localize the particularly dangerous for the town's safety workshops such as the smith's or the potter's (Mangelsdorf, 1990, 270). On the other hand, in the settlement at the Odra River, apart from manufacturing, fishing and trade must have developed on a greater scale.

The mentioned above in the 2nd decade of the 12th century significant widening of the embankment seem to have been connected with Pomerania's uncertain political situation. As early as the end of the 11th century Poland ventured another attempt at regaining her sovereignty over Pomerania. This action gained its momentum precisely in the 2nd decade of the 12th century and was crowned by the conquest of Szczecin at the turn of 1121 and 1122 (Labuda, 1969, 323-326). The then burnt, at least at the Odra River section, embankment was rebuilt yet moved considerably towards the Odra River (Dworaczyk, Słowiński, 1998). With reference to the end of the 1st quarter and in the 2nd quarter of the 12th century a significant widening of residential-industrial constructions has been observed, visible particularly in the ditch dug in Quarter 6 (Dworaczyk, Kowalska, Rulewicz, 2003, 32 pp.). It seems that in this period Szczecin became depopulated, most probably due to the plague of 1126 (cf. Leciejewicz, 1962, 275). The short-lived regression in the town's development was over as early as the end of the 2nd quarter of the 12th century.

Despite the recession, the time in question can be named, as many scholars have done, the "golden" period in the history of the early medieval Szczecin. The town comprised then a fully urbanized centre surrounded by embankments around which open settlements sprouted one after another (cf. Łosiński, 1996a, 140). The entire set constituted a vast urban agglomeration of several thousand inhabitants whose main part – the Odra River district – was populated by both craftsmen and fishermen and aristocracy and merchants, whereas its upper part was settled with more significant townspeople. It is also precisely where the more important town institutions such as the ducal seat, or the corner of the Three-headed god were localized (cf. Łosiński, 1993, 307).

The 1121/1122 conquest of Szczecin by Duke Bolesław Krzywousty significantly influenced the town's further lot. This is because along with the conquest not only was Christianity introduced in West Pomerania, but also the latter region was included in Poland's early feudal state structures, which resulted in the country's political transformations. Namely, the former stronghold system was superseded by a chatelaine's organization. Chatelaines' seats were situated mainly in the already existing strongholds. Furthermore, new centres were founded, a fact that effected from the new administrative division of the country. In ducal strongholds the political-administrative authorities resided. It is there that taxes and duties were collected and judicature operated. In the vicinity of these centres old strongholds and old settlements developed and new ones were created. It is there that fairs, inns and mints originated. These changes were undoubtedly a result of the politics the ruler and landowning aristocracy carried out. In the 2nd half of the 12th and the 1st half of the 13th century the changes in question effected in the reinforcement of ducal power on one hand, whereas on the other they also accelerated urbanization processes

that ended in the foundation of Pomeranian towns on the German law beginning in the 2nd quarter of the 13th century (cf. Leciejewicz, 1993, 68 pp.).

The country hinterland transformed parallel to the changes in the town. Beginning in the 1st half of the 12th century, the landowning ideal cropped up in the country that accelerated Poland's feudalization. This phenomenon was accompanied by both the increase in the farmland acreage and its aggregation in the hands of the duke and aristocracy, what consequently led to the elimination of smaller landed properties. In the 2nd half of the 12th century church latifundia were also created. Parallel to this, a far-flung settlement action was being carried out aiming at the increase in the peasant population, the population that slowly but surely began to fall into bigger and bigger feudal dependence. The agricultural progress made possible for the growth in the productivity of land cultivation, owing to which the needs of the then increasingly absorptive market could be fulfilled (cf. Chłopocka, Leciejewicz, Wieczorowski, 1985, 49-51).

Great demand for produce resulted in the country's transformation into the town's own basis for raw materials and food. Yet, a reverse phenomenon occurred, too, for in the country a demand grew for better-quality urban products. These processed eventually led to the development of economy and trade, what became particularly conspicuous in the period of the increased Baltic navigation that pertained to the Hanse Association (cf. Chłopocka, Leciejewicz, Wieczorowski, 1985, 51-52).

The political changes in West Pomerania initiated in the 1120s were accompanied, in early urban centres, by the gradual elimination of the republican system for the sake of the local ducal power. In Szczecin, this became particularly visible after 1140 when the chatelaine's office was created that was subordinated directly to the duke and via which the town was controlled on his behalf. From this moment on Szczecin remained under the rigour of ducal law (cf. Leciejewicz, 1979, 67), a fact that significantly changed the town's image and which was reflected in both its urban planning and socio-economic relations. These transformations lingered almost unchanged until the town's foundation on the Magdeburg law that Duke Barnim I carried out in the years 1237–1243.

Together with the introduction of ducal reign the above mentioned short period of recession ended, the recession whose signs were particularly visible within the Odra River district where considerable changes in urban planning took place. It was at this time that the fortifications, destroyed twice in the course of the 2nd half of the 12th century but always rebuilt, got widened. One of the fires that caused the destruction must have been an effect of the 1189 conquest of Szczecin by the Danish (cf. Łosiński, 1996a, 141).

The widening and reinforcement of the embankment spurred the changes in the development planning. The first street running around the town along its embankments was built that functioned through a dozen or so the settlement layers. Along with the fortifications, this street marked the eastern end of the Odra River district's buildings. The meridian-routed street and its accompanying perpendicular thoroughfares marked out settlement plots that were occasionally composed of residential and industrial buildings. It is precisely this new town's space organization along together with the embankments that were the reasons for the concentration of buildings. The dense, terraced buildings were also the effect of the population increase resulting from the influx to town of country inhabitants. The settlement places marked for this period (that in some parts of the Odra River district had been slightly moved in relation to the formerly marked out plots) survived, with only small modifications, until the moment of the town's foundation. Even

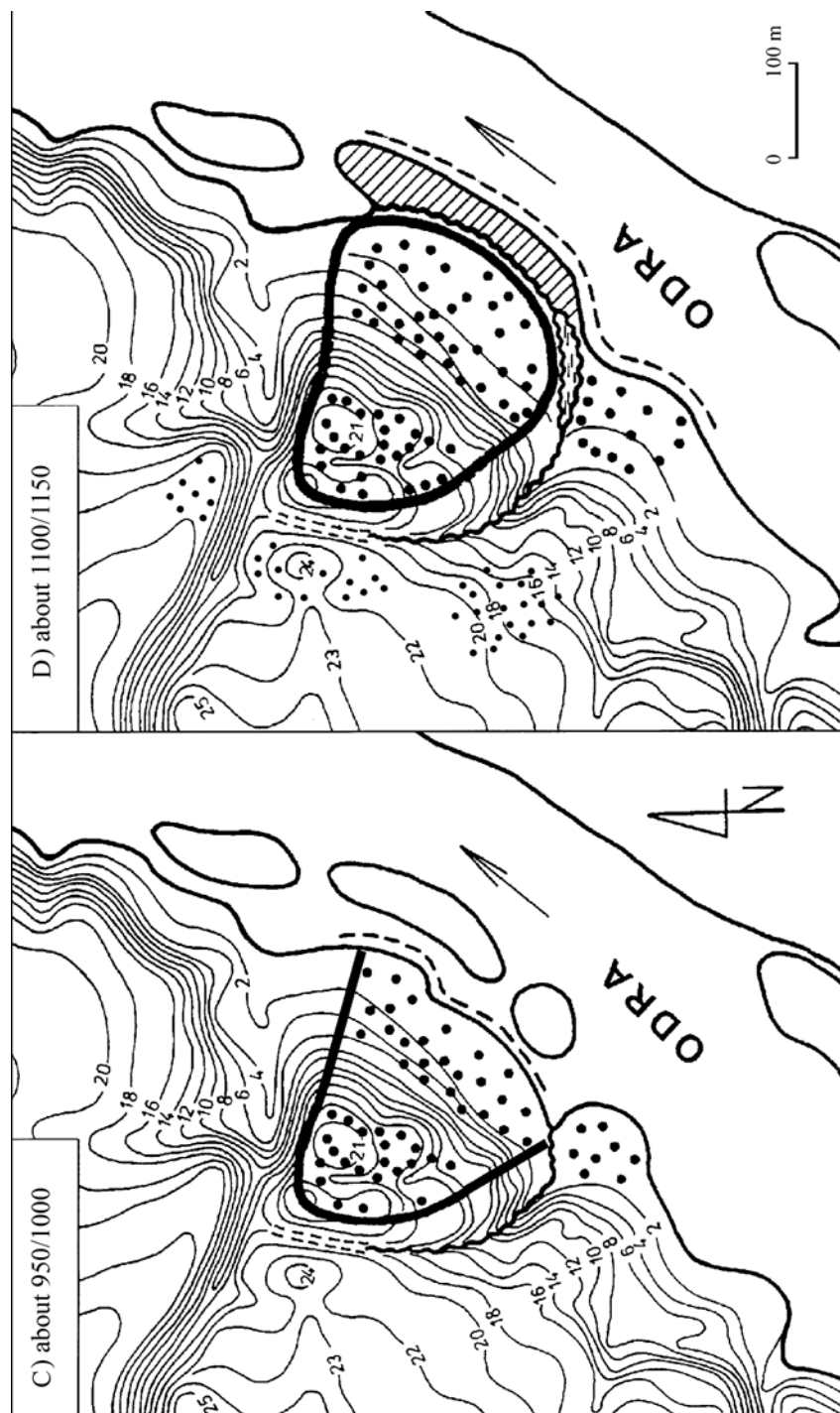

Fig. 3. Szczecin in the 2nd half of the 10th century (C) and in the 1st half of the 12th century (D), after Dworaczyk, Kowalska, Łosiński, 2002, modified by the author.

though significant changes in the town urban planning did occur, yet, they lasted for only a while after which period a formerly existing spatial solution made a comeback. Buildings were raised mainly in the log-house construction; it was only in the late 12th and the early 13th century that plaited houses prevailed, a fact that may have resulted from the destructions caused by the 1189 Danish army conquest (cf. Łosiński, 1993, 309 pp.).

In this period in question the town's economic life was concentrated in the Odra River district. The vicinity of the port and fairs created favourable conditions for the development of this part of the town, the more so that, after the introduction of the chatelaine's office, the district's upper part became mainly the seat of political-administrative institutions. The continuity of the character of the Odra River district has been well illustrated by the material excavated in the course of the latest research. Namely, the district was still populated by inhabitants of various material and consequently, social status. Furthermore, a set including numerous instances of jewellery and military and merchant items was discovered in the district in question. Fishing still played a vital role in its economic life, along with agriculture and farming. In the layers dated for both the early and the late 12th century many agricultural tools were discovered. Domestic animal breeding has been evidenced not only by a numerous set of bones, but also by the occurrence in the Odra River district of pens, coops and enclosed dens (cf. Leciejewicz, 1973, 71-72).

The development of the town's upper part took a different course at this time. As late as the 12th century the log-house constructions of the beginning of the 12th century dominated among this district's buildings. Yet, the late 12th and the early 13th century lot as regards the district's urban planning is not clear. This may be due to the changes that occurred in the district in the 2nd quarter of the 13th century, when its thorough leveling, most probably owed to the construction of Duke Barnim I's residence, took place in the years 1234-1237 (cf. Chłopocka, Leciejewicz, Wieczorowski, 1985, 56-57).

The character of this part of the town has been reflected in the excavated material. Namely, in this district remains of the cooper's, the cartwright's, the shoemaker's, the turner's and the weaver's activity have been discovered. Still, all of the mentioned crafts were less significant within the Odra River district, which situation changed in the 2nd quarter of the 13th century. From this period military objects of both Scandinavian and West European origin can be found among the discovered items (cf. Cnotliwy, 1996, 154 pp.).

A vast amount of movable material obtained from the end of the 2nd quarter of the 12th century and the early 13th century layers in both of the town's districts can suggest that in these districts production served mainly local needs, for a significant population increase guaranteed sales of goods. The discovered objects seem, however, to constitute but a part of the entirety of Szczecin's craft production. Most probably, its part was designed for sale in the country whose produce was in great demand in towns, the more so that the institution of fair developed in Szczecin and beyond at this time which provided for far more possibilities of exchanging goods than before. Moreover, in the 2nd half of the 12th century money became a common currency. All the above mentioned factors contributed to the quick development of Szczecin, which, in consequence strengthened the town's position of an indisputable leader of Pomeranian towns (cf. Leciejewicz, 1979, 70).

Szczecin's stable economic development became a magnet attracting to the town ethnically "foreign" people. The first, big wave of colonists mainly from German territo-

ries must have arrived in Szczecin as early as the mid-12th century. The colonists settled down in the town's southern part, along a trade route leading to Przeczław (Prenzlau). Since the newcomers were mostly craftsmen and merchants, than understandably their colony was localized in the town district near the fair. More affluent than Slavs, the colonists, having better possibilities of organizing both their socio-economic life and production at their disposal, quickly gained economic dominance over local people. Gradually their settlement became autonomous and the colonists established their own self-government, yet under the Duke's direct supervision. The development of the German commune resulted in the establishment of a new fair situated between the old market square and St. Jacob's Church that was founded about 1186 by one of the most distinguished German newcomers, Beringer of Bamberg. As early as 1191 this church served mainly the needs of the colonists. In the course of time, the German commune also gained their own port, situated above the present Long Bridge (cf. Chłopocka, Leciejewicz, Wieczorowski, 1985, 55 pp.).

The better organized German commune must have gained economic and social dominance in the town in the 1st quarter of the 13th century, which coincided with the hindrance of the development of the Odra River district. After the severe destructions that the Danish and Brandenburg conquests brought to the town in the late 12th century and probably in the 2nd decade of the 13th century Szczecin's economic potential weakened. Despite the occasional occurrence among the excavated material of merchant and military objects, and decorations Slavic population must have decreased in number probably as early as the end of the 1st quarter of the 13th century (cf. Łosiński, 1996a, 142). This situation must have facilitated the taking over of the town's jurisdiction by the German commune in 1237. The process was ended in 1243 with Duke Barnim I having founded Szczecin on the Magdeburg law (cf. Chłopocka, Leciejewicz, Wieczorowski, 1985, 57–58). It seems, however, that the future changes were initiated as early as the end of 1st quarter and the early 2nd quarter of the 13th century. It is then that the town's urban planning was transformed. Namely, defense fortifications were removed, at least in the Odra River segment. In place of these fortifications town walls, more eastward-bound than before, were erected. The street running around the town ceased functioning as well (cf. Dworaczyk, Kowalska, 1998).

The foundation of Szczecin on the Magdeburg law transformed the town's character. This could be visible both in the town's urban planning and in its sociotopography, but mainly in the centre's legal and political relations. At this period Szczecin was entering a new stage of its development.

BIBLIOGRAPHY

- Chłopocka H., Leciejewicz L., Wieczorowski T.*, 1985. Okres wczesnofeudalny do roku 1237 // *Dzieje Szczecina*, t. 2. Warszawa- Poznań.
- Cnotliwy E.*, 1983. Umocnienia obronne // *Szczecin*.
- Cnotliwy E.*, 1996. Szczecin u schyłku wczesnego i w późnym średniowieczu w świetle najnowszych badań archeologicznych // 50 lat archeologii polskiej na Pomorzu Zachodnim. Szczecin.
- Cnotliwy E., Łosiński W.*, 1995. Szczecin/Stettin. Vom frühstädtischen Zentrum zur Lokationsstadt // *Slavia Antiqua*, t. 36.
- Dekówna M.*, 1980. Szkło w Europie wczesnośredniowiecznej. Wrocław, Warszawa, Kraków- Gdańsk.

- Dworaczek M., Kowalska A.B., 1998. Z dziejów suburbium w Szczecinie (wyniki badań archeologicznych z lat 1992–1997) // *Sprawozdania Archeologiczne*, t. 50.
- Dworaczek M., Kowalska A.B., Łosiński W., 2002. Die Frühstadt Szczecin // *Mensch und Umwelt im Odergebiet*. Mainz am Rhein.
- Dworaczek M., Kowalska A.B., Rulewicz M., 2003. Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wschodnia część suburbium. Szczecin.
- Dworaczek M., Słowiński S., 1998. Przebieg umocnień wczesnośredniowiecznego podgrodzia w Szczecinie w świetle ostatnich badań // *Acta Archaeologica Pomoranica*, t. 1.
- Filipowiak W., 1994. Shipbuilding at the Mouth of the River Odra (Oder) // *Crossroads in Ancient Shipbuilding*, Oxbow Monograph, t. 40.
- Filipowiak W., 1996. Żywot statku wczesnośredniowiecznego // *Słowiańszczyzna w Europie wczesnośredniowiecznej*, t. 2.
- Gabriel I., 1988. Hof- und Sakralkultur sowie Gebrauchs und Handelsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigard/Oldenburger // *Oldenburg-Wolin-Staraja Ladoga-Novgorod-Kiev. Handel und Handelsverbindungen im Südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters*.
- Kmietowicz A., 1971. A Hoard of Dirhems from Szczecin-Niemierzyn // *Folia Orientalia*, t. 13.
- Kowalska A.B., Słowiński S., 2008. Szczecin. Standards of living in a medieval town // *Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum VI: Luxus and Lifestyle*. Lübeck.
- Labuda G., 1969. Dzieje polityczne (VI–XII wiek). Ekspansja państwa polskiego na Pomorze (X–XII wiek) // *Historia Pomorza*, t. 1 (1), Poznań.
- Leciejewicz L., 1962. Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Leciejewicz L., 1973. Początki Szczecina w świetle badań archeologicznych // *Przegląd Zachodniopomorski*, t. 17 (4).
- Leciejewicz L., 1979. Kupcy we wczesnośredniowiecznych miastach nadbałtyckich w świetle archeologii // *Pomorania Antiqua*, t. 8.
- Leciejewicz L., 1993. Ośrodki władzy państwowej w księstwie zachodniopomorskim w XII wieku // *Lokalne ośrodki władzy państwowej w XI–XII w. w Europie Środkowo-Wschodniej*. Wrocław.
- Leciejewicz L., 1995. Szczecin – macierz miast pomorskich. „Najstarsze miasto Pomorza” // *Szczecin na przestrzeni wieków. Historia – Kultura – Sztuka*. Szczecin.
- Leciejewicz L., Rulewicz M., Wesolowski S., Wieczorowski T., 1972. La ville de Szczecin des IXe-XIIIe siècles, „Archaeologia Urbium”, t. 2. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk.
- Łosiński W., 1993. Szczeciński ośrodek miejski w dobie przedlokacyjnej // *Archeologia Polski*, t. 38 (2).
- Łosiński W., 1996a. Próba nowego spojrzenia na dzieje wczesnośredniowiecznego Szczecina // *50 lat archeologii polskiej na Pomorzu Zachodnim*. Szczecin.
- Łosiński W., 1996b. W sprawie lokalizacji portu wczesnośredniowiecznego Szczecina // *Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej*. Wrocław.
- Łosiński W., 2003. Początki wczesnośredniowiecznego Szczecina // *Res et Fontes*. Szczecin.
- Łosiński W., 2008. Pomorze Zachodnie we wczesnym średniowieczu. *Studia archeologiczne*. Poznań.
- Łosiński W., Rogosz R., 1983. Garncarstwo // *Szczecin...*
- Mangelsdorf G., 1990. Töpfer und Töpferhandwerk an der mecklenburgisch-vorpommerschen Ostseeküste im Spiegel historischer und archäologischer Quellen des späten Mittelalters // *Zeitschrift für Archäologie*, t. 24.
- Piskorski J.M., 1987. Miasta księstwa szczecińskiego do połowy XIV wieku. Warszawa, Poznań.
- Skoczylas J., 1990. Użytkowanie surowców skalnych we wczesnym średniowieczu w północno-zachodniej Polsce. Poznań.
- Słowiński S., 2006. Kilka uwag na temat wczesnośredniowiecznych obwałowań Szczecina // *Świat Słowian wczesnego średniowiecza*. Szczecin-Wrocław.
- Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórze Zamkowe, ed. E. Cnotliwy, L. Leciejewicz, W. Łosiński. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Lódź, 1983.
- Uciechowska-Gawron A., 2003. Obwałowania wczesnośredniowiecznego podgrodzia w Szczecinie w badaniach Pracowni Archeologicznej Zamku Książąt Pomorskich // *XIII Sesja Pomorzoznawcza*, t. 2. Gdańsk.
- Wieczorowski T., 1962. Najnowsze odkrycia archeologiczne na podgrodziu słowiańskim w Szczecinie // *Szczecin*, t. 6.
- Wikarjak J., 1979. Pomorze Zachodnie w żywotach Ottona. Warszawa.
- Wilgocki E., 1998. Problem lokalizacji osady kolonistów niemieckich w świetle ostatnich badań archeologicznych szczecińskiego Podzamcza // *Acta Archaeologica Pomoranica*, t. 1.

РЕЗЮМЕ

Дворачик М. Щецин – древнейший город Померании.

Щецин развился из небольшого поселения, которое являлось самым западным форпостом племени укран. Поселение, как предполагается, было основано в середине или конце VIII в., на западном берегу р. Одры на возвышенном месте, где ныне расположен Замок Померанских Герцогов. Щецин быстро развивался и охватил площадь около 1 га. Первоначально доминировали полуземлянки, замененные позже домами с плетневыми стенами. Основными видами деятельности жителей были земледелие, животноводство и рыболовство. Вероятно, с конца VIII – начала IX в. поселение превратилось в местный центр ремесла и обмена, в том числе дальнего, что включило Щецин в орбиту Балтийской экономической зоны.

Во 2-й пол. X в. Щецин уже был полностью сформированным раннесредневековым городским центром с двухчастной структурой, которая сохранилась в незначительно измененном виде до установления в городе Магдебургского права. Гармоничное развитие Щецина было задержано в середине XI в., однако город быстро сравнялся в развитии с остальной частью региона, и в начале 3-й четверти XI в. появились первые признаки его экономического лидерства среди городов Померании.

Завоевание Щецина герцогом Болеславом Кривоустым в 1121/1122 гг. значительно повлияло на дальнейшую судьбу города. В результате завоевания в Западной Померании было введено христианство, а также эта земля была включена в раннефеодальные государственные структуры Польши, что привело к политическим трансформациям, вызванным политикой правителя и землевладельческой аристократии. Во 2-й пол. XII и 1-й пол. XIII в. рассматриваемые изменения привели, с одной стороны, к укреплению герцогской власти, а с другой – ускорили процессы урбанизации, завершившиеся утверждением в городах Померании Германского права со второй четверти XIII в.

A.B. Kowalska

On the Studies on the Development of the Early Medieval Baltic Towns. The Example of Szczecin

Urban planning and architecture of the early medieval Slavic centres constitute a frequently discussed topic in the research on the history of the region. With regard to this topic the issues of development planning of the early towns, e.g. ramparts, infrastructure and the organization of the basic spatial units such as settlement parcels, also referred to as farmsteads are considered, as well as buildings within them, the techniques of erecting buildings and their mutual spatial relations included. This article intends to discuss the above mentioned questions in the context of Szczecin – one of the most important West Pomeranian towns in the north-western Poland situated at the River Oder estuary that in

the 12th century was known as the “mother of all Pomeranian towns” (fig. 1). The results of the former archaeological research demonstrated that from the 12th century at least a hereditary residential plot including closely-knit residential buildings and farmhouses could have functioned in Szczecin. The aim of this article is to trace the changes that occurred in the development in the building spatial planning in the course of a several hundred years of the early medieval town’s history, and to understand the rules governing this process.

When trying to reconstruct the appearance of early medieval West Pomeranian towns mentions dispersed in narrative sources demonstrate as very precious. Of particular interest to us are the records by biographers of Bishop Otto from Bamberg: the Monk from Prieflingen (from the years 1140-1146), Ebo (from the years 1151-1159) and Herbord (from the years 1158/9). *Gesta Danorum* chronicles by Saxo Grammaticus (from the end of 12th or the beginning of 13th century) and chronicles by Gall the Anonimous (from ca 1113). These historical sources inform about the times when Szczecin was a fully-fledged, multipartite early urban centre. The chroniclers and hagiographers concentrated in their accounts of West Pomeranian towns primarily on the extraordinary architectural elements existing in them that stood out in the West Pomeranian landscape such as: ramparts, bridges, magnificent houses of distinguished Szczecin burghers, sacral objects and the towns’ unusual environmental conditions that contributed to their possessing outstanding appearances or defense qualities (see Kiersnowski, 1953). The same narrative sources remain silent, however, on the topic of the living conditions of ordinary Pomeranian. The reconstruction of these conditions is one of the tasks of archaeology (Łosiński, 1993; 1996a; 1996b; Dworaczyk, Kowalska, Łosiński, 2002; Kowalska A.B., Dworaczek M., Rulewicz M., 2003; Kowalska, Łosiński, 2004; Wilgocki, 2004).

According to the majority of researchers, the oldest settlement that gave rise to a multipartite centre of early urban qualities was established about the mid-8th century (Łosiński, 2003, 75) on the high edge of the River Oder Valley; the hill that today is referred to as the Castle Hill (fig. 2A in the article by M. Dworaczyk). Owing to the favourable development of this settlement that resulted from the auspicious development of its trade contacts with trade settlement on both sides of the Baltic Sea, as early as the mid-9th

Fig. 1. The localization of Szczecin.

century an early urban structure could be formed there characterized by a wooden-earthen embankment surrounding a U-shaped, regular framework buildings of residential and industrial nature. In the early 10th century the settlement spread onto the areas situated at the hill's foot that today are referred to as the Castle Homesteads (*La ville de Szczecin...*). The archaeological ditches in which the materials have been found that I am discussing below were localized in these two parts of the early medieval settlement complex: on the hill and at its foot. The results of archaeological research carried out in the town's eastern part next to the River Oder allowed for the sorting out of 12 stages of the development in this area of the early medieval agglomeration (Kowalska, 2003). A different kind of development and its planning within settlement parcels – the smallest units of spatial organization – have been taken into consideration.

The changes in the buildings' spatial organization occurred owing to political and economic factors. As a result of the favourable development of the oldest settlement on the hill – that was an effect, in turn, of the favourable development of the settlement inhabitants' trade contacts with other trade settlement on both sides of the Baltic Sea – it was as early as the first half of the 9th century that the early urban structure cropped up in Szczecin; the structure whose characteristic element was a U-shaped, wooden-earthen rampart surrounding the close-knit, regular log-houses (Łosiński, 1993, 293; 2003, 75). Settlement parcels were divided from one another by fences, communication was possible due to the existence of log-padded streets. It was only from the east that the settlement was protected by a 10-metre high slope beneath which the River Oder estuary was situated. In this part of the settlement humble houses were located that resembled the initial, oldest stage of the settlement's existence in the period of erecting the fortifications. When forming general remarks about the then Szczecin buildings, one can say that they fulfilled the "construction standards" of the early urban Baltic centres. Still, trades, so characteristic for the other centres of the time in question such as Wolin are lacking in Szczecin.

It is for the early 10th century, or, as the latest research shows, that the expansion of development has been dated, which, in turn, also entails the settlement's extension towards flood areas beneath the hill. Due to the range of excavations we cannot explicitly define the moment in which the so far dispersed settlement assumed the organized form of buildings being accompanied by a web of streets and pavements and thus marking districts (quarters?) further subdivided into settlement parcels. Nevertheless it was in the early 10th century that the Szczecin centre comprised two basic, equal parts: the stronghold uphill (the "traditional" district) and the borough situated on the flood territories (the "new" or the "River Oder" district) (Kowalska, Łosiński, 2004, 81 ff.). In each of these districts certain differences in the development of the spatial organization of buildings can be spotted. The most stable element of the early urban infrastructure was the street discovered in the uphill district's eastern part; the street that must have facilitated the communication between the stronghold and the River Oder district. The stronghold's buildings were reorganized relatively frequently. At times wattle and log-houses appeared (fig. 2; 3). The web of streets and pavements changed. From the early 11th century, and only in the central part of town there existed a log-house in which traces of glass- and then iron production have been found. Much as the glass production workshop constituted a part of the buildings sequence, the smithy was situated within an empty square (Dekówna, 1980, 199 ff.).

After the initial period of spontaneous adaptation of the space so that it fitted the purpose of constructing residential and industrial buildings, a new street leading to the river along the eastern-western axis was marked out in the new River Oder district about the mid-10th century. This street constituted an axis of the close-knit log-buildings localized within the stable, repeating settlement levels. Anthropogenic processes, by causing the constant hardening of the Oder estuary and the gradual ground lifting must have influenced this significantly. On the other hand, it seems that the marking out of the wide street and permanent settlement plots could have been planned.

The town's territorial development effected from both the economic boom and the consequent growth of Szczecin population. In the beginning of the 11th century the buildings extended towards the areas directly at the River Oder, so far occupied by the river shallows that made difficult for accessing the river's main current. The pace of changes in the building structure was initially dictated mainly by environmental conditions. Erected on the boggy ground, heavy log-houses dropped and leaned towards the Oder relatively quickly. Nevertheless it must be noted that in the entire district log-buildings located within visibly marked out settlement parcels dominated. The territorial growth did not concern, however, the old district where within an empty square occupying the hill's central part a smithy continued functioning, and the buildings' structure was irregular. One recurring element there was merely the traditional street leading towards the river. This way of spatial organization lingered till the end of the 11th century (Kowalska, 2003).

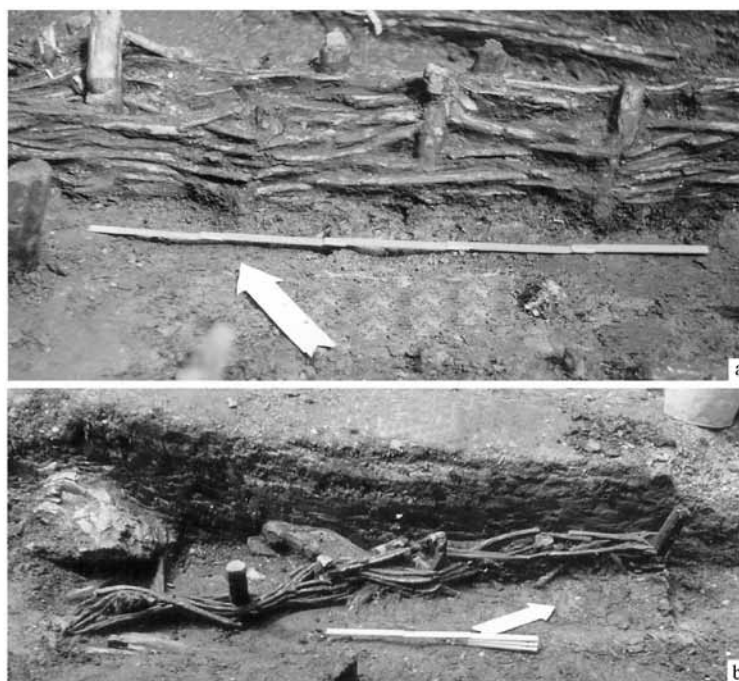

Fig. 2. Fragments of wattle houses. Photo by T. Wiciorowski and M. Dworaczyk.

Despite the signs of recession that was seen, for example, both in a significant “thinning out” of the buildings structure in the River Oder centre and in the liquidation of the buildings in the river belt it seems that it was precisely the “new” district that became the economic centre of the entire urban complex in question. In the end of 11th century the regression was overcome, the dense log-buildings recurred and the river district was re-

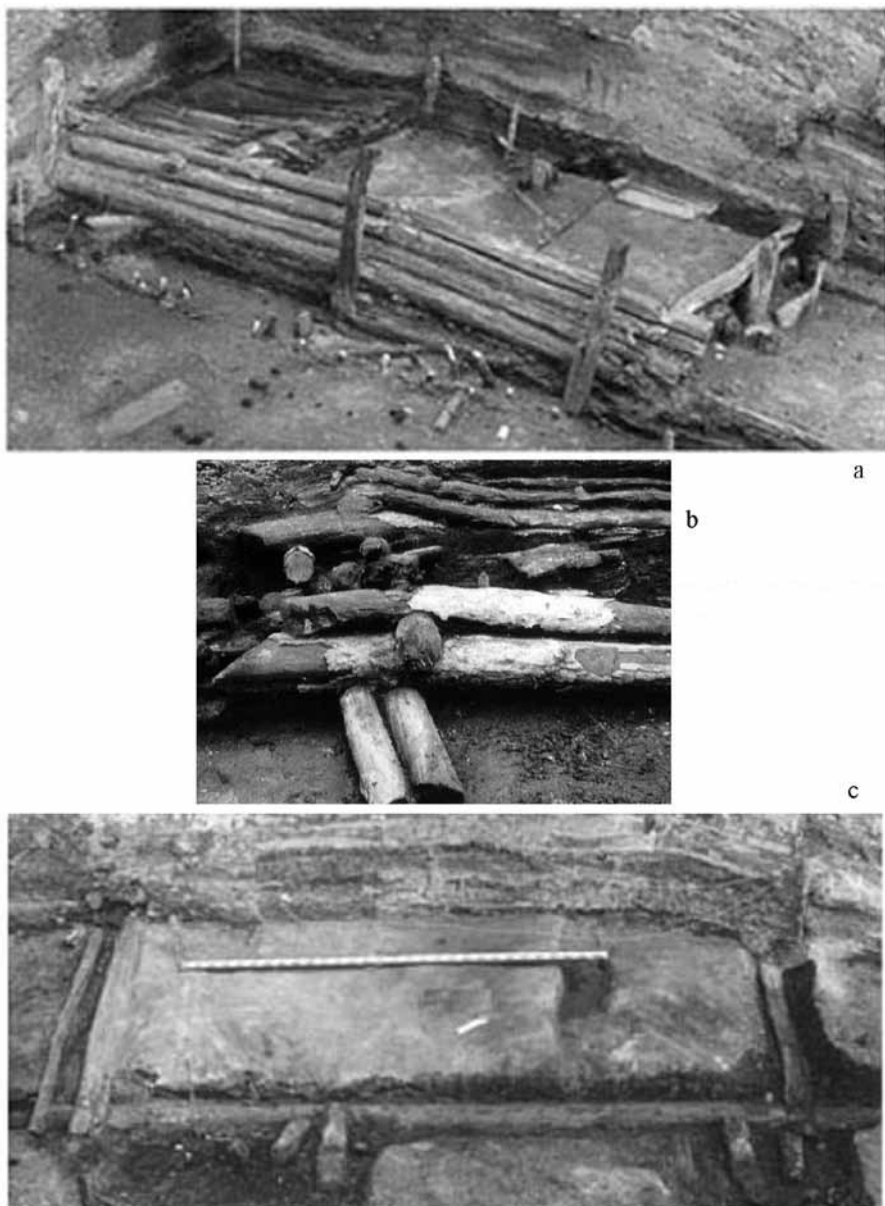

Fig. 3. Fragments of log-houses and examples of floors inside them. Photo by T. Wiczorowski.

settled (Chłopocka, Leciejewicz, Wieczorowski, 1985, 22 ff.; Spors, 1988, 61 ff.). One tangible element confirming the planned character of the space was the log-padded levee erected along the bank of the River Oder. Such changes did not occur, however, at the hill, in the “old” Szczecin district. The irregular wattle buildings still prevailed there (Kowalska, 2003).

In the late 11th century the River Oder district was surrounded by the wooden-earthen rampart, also from the riverside (Dworaczyk, Słowiński, 1998, 279 ff.; Kowalska A.B., Dworaczek M., Rulewicz M., 2003). The buildings lingered as and where they used to, yet, the wattle house construction dominated. In the subsequent settlement layers the buildings were erected close to one another, in the same places and oftentimes within the same plane as before (Chłopocka, Leciejewicz, Wieczorowski, 1985, 22-59; Filipowiak, 1989, 353-354; Dworaczyk, Kowalska, 1998a, 93, Table 1; Dworaczyk, Słowiński, 1998, 282, Table 1; Uciechowska-Gawron, 2003, Fig. 1; Słowiński, 2006).

On the other hand, the uphill district did not change, with a visible transformations in the quality and planning of the buildings. The solid framework constructions reappeared and constituted a wide three-joisted street oriented along the east-west axis. There exist suggestions that this street led to the hill’s highest point where the Three-headed idol’s corner directed towards the River Oder district was situated. It is significant that only there log-houses occurred. This is because the hill’s central part was occupied by wattle buildings distributed along the streets of smaller, probably merely local significance. However, we do not have any plausible data at our disposal confirming the fact of the division of the hill’s residential space into settlement parcels.

The wooden-earthen rampart surrounding the River Oder district was mended and rebuilt several times at least (Dworaczyk, Słowiński, 1998, 279-280, Fig. 1). On every stage of rebuilding these fortifications changes occurred in the building structure and planning both in the River Oder district and uphill. The change in the development of the buildings situated in the hill’s centre is particularly interesting to us for, with it, the tradition of locating log-houses along the main (the east-west ax) streets was preserved, yet its line was moved towards the hill’s centre where the former densely located wattle huts used to be erected. In the River Oder zone of this district dense log constructions appeared, too.

The above discussed building development lingered until the time of the conquest of Szczecin by King Bolesław Krzywousty. This conquest entailed the partial reorganization of the former spatial structures and the change of the quality of the buildings. The depopulation processes that occurred at this time were not without meaning for the town’s overall appearance. Even though log-houses were built within the lower district, yet the streets lacked the wooden padding so characteristic for the former periods. Also, the buildings in the River Oder district, the least advantageous from the point of view of settlement conditions, disappeared again. In the early medieval town’s upper, “traditional” district only the log-buildings that stood next to the pagan shrine were liquidated in the place where St. Adalbert Church was erected after Szczecin’s Christianization.

From the about mid 12th century Szczecin slowly but surely was entering a new development stage, one that was linked to the reinforcement of ducal power in town (Piskorski, 1987, 35; Spors, 1991, 10 ff.; Białecki, 1992, 27 ff.). From a centre of the urban republic type Szczecin was transformed into a strong economic and administrative centre of the West Pomeranian duchy. In the late 12th and the early 13th century the town became

a theatre of wars with the Danish, Saxon and Brandenburgian (Ślaski, 1969, 65 ff.; Chłopocka, Leciejewicz, Wieczorowski, 1985, 20; Piskorski, Wachowiak, Włodarczyk, 1993, 19–20; Bialecki, 1992, 46 ff.). Traces of these conquests are visible in the archaeological material in the form of levels of the burnt and subsequent phases of reconstructing houses. One characteristic element of the building spatial planning in the River Oder district was a kind of the ring road that stretched along the rampart from the side of the town. In the particular researched layers the street's wooden surface lied on two or three joists; at times even its padding was given up for the sake of the hardened passage. The buildings were mostly wattle cabins superseded in the periods of economic boom by log-houses. Occasionally the buildings in the riverside area were moved towards the district's centre where in turn a new street could be found that was oriented along the east-west ax and which allegedly survived until the end of the functioning of the early medieval town. Together with the change of the street's localization, also the situation of the settlement parcels within which mainly log-houses were places changed. According to the researchers, all of these changes can be connected with the reinforcement in Szczecin of ducal power. So far not a trace of the ducal seat has been found in the course of archaeological works. The researchers are of an opinion though that the seat in question must have been localized uphill in the northern part (see Cnotliwy, 1992, 9 ff.). Archaeological methods failed also with regard to the confirmation of the existence of German settlers' commune's settlement that, according to the sources has its separate fortifications that contacted directly the fortifications of the Slavic River Oder district (Labuda, 1952, 569–570; Wachowiak, 1955, Fig. 1; Filipowiak, 1999, Fig. 8:4; Wilgocki, 1998, 299–300).

The early 13th century liquidation of the River Oder district's fortifications at the riverside signified more profound changes in Szczecin's spatial planning; the changes marking the decadence of the early medieval town. These changes concerned both of Szczecin's districts, with the "traditional" district hiding only a trace of an alleged street and the remnants of some indefinite wooden constructions. In the River Oder district the usually log-buildings were erected in the place of the former rampart street, whereas in the town's central part the web of the streets and the plan of settlement plots with, mainly, framework houses remained unchanged till the mid-13th century. This final stage of the town's development is characterized by the appearance of foreign elements of the log construction within the typically Slavic wattle constructions. Important changes occur in the town's spatial planning. In the mid-13th century in the central part of the River Oder district a fair (the Fish Fair that later on became the Vegetable Market) had been marked out, whereas in the traditional district a set of hearths and stoves was found that the researches relate to the period of the construction of ducal seat. The foundation laws in their Magdeburg variety that officially ended the functioning of the town as the early medieval unit were instituted in the years 1237–1243.

BIBLIOGRAPHY

- Bialecki T., 1992. *Historia Szczecina. Zarys dziejów miasta od czasów najdawniejszych do 1980 r.* Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Chłopocka H., Leciejewicz L., Wieczorowski T., 1985. *Okres wczesnofeudalny do roku 1237 // Dzieje Szczecina. Wiek X – 1805, t. 2, wyd. 2.* Warszawa-Poznań.

- Cnotliwy E., 1992. Początki i rozwój średniowiecznej siedziby książęcej w Szczecinie // Zamek książęcy w Szczecinie. Szczecin.
- Dekówna M., 1980. Szkło w Europie wczesnośredniowiecznej. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Dworaczek M., Kowalska A.B., 1994. Badania archeologiczne na Podzamczu w Szczecinie w latach 1992–1994 (kwartał VI, wykop główny) // Materiały Zachodniopomorskie, t. 40.
- Dworaczek M., Kowalska A.B., 1998a. Z dziejów suburbium w Szczecinie (wyniki badań archeologicznych z lat 1992–1997) // Sprawozdania Archeologiczne, t. 50.
- Dworaczek M., Kowalska A.B., 1998b. Próba podsumowania wyników ostatnich badań nad dziejami wczesnośredniowiecznego Szczecina // Acta Archeologica Pomoranica, t. 1.
- Dworaczek M., Kowalska A.B., Łosiński W., 2002. Die Frühstadt Szczecin // Forschungen zu Mensch und Umwelt im Odergebiet in ur- und frühgeschichtlicher Zeit. Römisch-Germanische Forschungen 60, Mainz am Rhein.
- Dworaczek M., Słowiński S., 1998. Przebieg umocnień wczesnośredniowiecznego podgrodzia w Szczecinie w świetle ostatnich badań // Acta Archaeologica Pomoranica, t. 1.
- Filipowiak W., 1989. Die Hafen und der Schiffbau an der Odermündung im 9. – 12. Jahrhundert // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa, t. 5. Göttingen.
- Filipowiak W., 1999. Wolin und Szczecin – Hafen und Topographie der Mittelalterlichen Stadt // Maritime Topography and the Medieval Town. Copenhagen.
- Kiersnowski R., 1953. Budownictwo zachodnio-pomorskie wieku XII w świetle źródeł pisanych // Wiadomości Archeologiczne, t. 19, z. 2–4.
- Kowalska A.B., 2003. Zabudowa mieszkalno-gospodarcza // Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wschodnia część suburbium. Szczecin.
- Kowalska A.B., Dworaczek M., Rulewicz M., 2003. Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wschodnia część suburbium. Szczecin.
- Kowalska A.B., Łosiński W., 2004. Szczecin: origins and the history of the early medieval town // Polish Lands at the turn of the first and the second Millennium. Warszawa.
- La ville de Szczecin des IXe–XIIIe siècles, Archaeologia Urbium, t. 2, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972.
- Labuda G., 1952. Problematyka badań wczesnodziejowych Szczecina // Przegląd Zachodni 8.
- Łosiński W., 1993. Szczeciński ośrodek miejski w dobie przedlokacyjnej // Archeologia Polski, t. 38.
- Łosiński W., 1996a. Próba nowego spojrzenia na dzieje wczesnośredniowiecznego Szczecina // 50 lat archeologii polskiej na Pomorzu Zachodnim. Szczecin.
- Łosiński W., 1996b. W sprawie lokalizacji portu wczesnośredniowiecznego Szczecina // Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej, t. 2.
- Łosiński W., 2003. Początki wczesnośredniowiecznego Szczecina // Res et fontes. Szczecin.
- Piskorski J.M., 1987. Miasta księstwa szczecińskiego do połowy XIV wieku. Warszawa-Poznań.
- Piskorski J. M., Wachowiak B., Włodarczyk E., 1993. Szczecin. Zarys historii. Poznań.
- Słowiński S., 2006. Kilka uwag na temat wczesnośredniowiecznych obwałowań Szczecina // Świat Słowian wczesnego średniowiecza. Szczecin-Wrocław.
- Spors J., 1991. Organizacja kasztelańska na Pomorzu Zachodnim w XII–XIII wieku. Słupsk.
- Ślaski K., 1969. Słowianie Zachodni na Bałtyku w VII–XIII wieku. Gdańsk.
- Uciechowska-Gawron A., 2003. Obwałowania wczesnośredniowiecznego podgrodzia w Szczecinie w badaniach Pracowni Archeologicznej Zamku Książąt Pomorskich // XIII Sesja Pomorzoznawcza. Gdańsk.
- Wilgocki E., 1998. Problem lokalizacji osady kolonistów niemieckich w świetle ostatnich badań archeologicznych szczecińskiego Podzamcza // Acta Archaeologica Pomoranica, t. 1.
- Wilgocki E., 2004. Zmiany w zabudowie wczesnośredniowiecznego Szczecina w świetle badań Pracowni Archeologicznej Zamku Książąt Pomorskich w Szczecinie // Archeologia et historia Urbana. Elbląg.

РЕЗЮМЕ

Ковальска А. Б. Изучение развития раннесредневековых городов Балтики на примере Щецина.

Городская планировка и архитектура раннесредневековых славянских центров составляют часто обсуждаемую тему в исследованиях. В статье эти проблемы

рассматриваются на примере Щецина – одного из важнейших городов Западной Померании (северо-западная Польша), расположенного в устье р. Одер. Древнейшее поселение, положившее начало центру с многообразными раннегородскими функциями, возникло в середине VIII в. на высоком берегу долины Одера (ныне Замковый Холм). В начале X в. поселение распространилось к подножию Холма, известному ныне как Предместье Замка. Изменения в пространственной организации застройки произошли вследствие политических и экономических факторов. В результате благоприятного развития старейшего поселения на Холме в первой половине IX в. в Щецине сформировалась раннегородская структура, характерным элементом которой был дерево-земляной вал, окружавший плотную регулярную застройку из срубных домов, которые со временем сменяли более раннюю хаотичную застройку с преобладанием плетневой конструкции стен домов. В начале X в. Щецинский центр включал две основные, равные части: возвышенная цитадель («старый» город) и кварталы, расположенные на пойменной территории («новый» или район «Реки Одера»). В каждом из этих районов могут быть определены различия в характере застройки. В начале XI в. постройки заняли прибрежные земли, до тех пор бывшие речной отмелью. В конце XI в. район Реки Одера был окружен дерево-земляным валом, в том числе со стороны реки. Он был перестроен несколько раз. На каждой стадии перестройки этих укреплений происходили изменения в планировке как района Реки Одера, так и цитадели. Около середины XII в. Щецин медленно, но верно входил в новую стадию развития, связанную с укреплением герцогской власти в городе. Из центра типа городской республики Щецин был преобразован в сильный экономический и административный центр Западно-Померанского герцогства. Ликвидация укреплений со стороны реки в начале XIII в. ознаменовало более глубокие изменения в планировке Щецина, отмечающие упадок раннесредневекового города. Установление Магдебургского права в 1237-1243 гг. официально закрепило окончание этого периода.

А.Н. Кирпичников

Что представляет собой и что содержит музей-заповедник в Старой Ладоге

Старая Ладога – небольшое село Волховского района Ленинградской области – расположена в 125 км к востоку от Санкт-Петербурга и в 12 км от устья р. Волхов. Здесь сконцентрировано необычайное множество (около 160) памятников истории и культуры России (Кирпичников, 2005, с. 64-78). Все они находятся в ведении или под наблюдением Государственного учреждения культуры федерального значения «Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника» (далее – музей-заповедник), созданного в 1984 г. распоряжением Совета Министров РСФСР № 999-р от 25.07.84 г., подтвержденного решением Лен-облисполкома № 392 от 16.09.85.

Музей-заповедник был учрежден по инициативе Староладожской археологической экспедиции на базе Староладожского краеведческого музея, образованного в 1971 г. Правительственное решение самым положительным образом сказалось на сбережении памятников Старой Ладogi. Они обрели повышенную заботу, под особую охрану была взята территория, отведенная музею-заповеднику, размером 190 га, была предотвращена самовольная застройка, повысилась **ответственность** работы сотрудников музея, создались благоприятные условия для развития обновленного учреждения, планомерный характер приняли археологические раскопки. Новый статус музея способствовал углублению научной, хранительской и просветительной работы. В значительной мере было предотвращено разрушение памятников, на новом уровне развернулась экспозиционная и реставрационная деятельность. Музей-заповедник занял значительную часть живущего села, но повседневные интересы жителей не были нарушены.

Историко-культурное наследие Старой Ладogi принадлежит к фундаментальным ценностям русской и международной истории и культуры и представлено более чем 130 памятниками, из них 67 – архитектуры, 59 – археологии, 9 – природного ландшафта (выявление исторических объектов не закончено). Здесь сохранилась первоначальная поселенческая планировка, восходящая к X–XII вв., и исторический природный ландшафт. Наличие культурного слоя (площадью не менее 16 га) с хорошо сохранившимися остатками построек и разноэтничными по происхождению находками VIII–XVII вв. ставит Старую Ладogu на одно из первых мест среди средневековых европейских городов.

Археологические изыскания Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН открыли новые продуктивные возможности для осмысления феномена Старой Ладogi. В истории России этому городу, особенно в первые века его истории, принадлежит основополагающая роль в создании русской государственности, русской городской цивилизации, в налаживании торговых транспортных международных связей народов Европы и Азии, в защите северных границ Руси.

Время основания города Ладogi (так этот населенный пункт назывался до 1704 г.) – не позже 753 г. Эта рекордная по давности для древнерусских городов дата создания города установлена в результате дендрохронологического анализа спилов постройки, обнаруженной археологическим путем. Ни один город России и Балтийской Европы не имеет столь точной и определенной по своей давности даты возникновения.

В создании Ладogi сыграли свою роль разнообразные факторы, такие, как торговая необходимость (не позже VIII в. активизируется торговля по Великому Волжскому пути, а веком позже – по пути «из варяг в греки»), растущая ремесленная активность, укоренение сначала местного, а затем и международного рынков, покупки и сбыт товаров, выгодное транспортно-географическое местоположение.

Основателями города в низовьях Волхова явились славяне, а именно кривичи и словене новгородские, к ним присоединились скандинавы и финны.

Ладoga за восемь веков до основания Санкт-Петербурга обеспечила выход славян – русских к Балтийскому морю, а через Балто-Волжский и Балто-Днепровский пути – к Каспийскому и Черному морям. В создании Ладogi воплотилась «Балтийская идея» славян получить доступ к свободным связям с Западной

Европой, Скандинавией, западнославянским Поморьем. В первые века русской истории Ладога коренным образом повлияла на процессы экономической и культурной интеграции народов Евразии, на развитие мировой торговли и судоходства. Обмен товарами, технологиями и другими достижениями поднялся до мировой необходимости, что оказало стимулирующее влияние на развитие всей европейской цивилизации.

Ладога оказалась своеобразными «серебряными воротами» Европы. Через нее на Запад стала поступать основная масса международной валюты того времени, каковой были серебряные исламские монеты – дирхемы. Это способствовало невиданному обогащению целых стран и народов Старого Света, что ускорило международное развитие экономики, культуры и техники.

Ладога демонстрирует актуальную в наши дни модель межэтнического мира и сотрудничества народов Запада и Востока. В эпоху раннего средневековья в Ладоге встречались и гармонично жили славяне, финны, скандинавы, фризы, арабы, булгары, западные славяне и представители других народов Запада и Востока.

Имеются исторические основания считать Ладогу во 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX в. одним из центров, если не главным, союза славянских и финских племен – предшественника раннего Русского государства. Возможно, что еще до 839 г. Ладога была центром Русского каганата – раннегосударственного образования в северной части Восточной Европы. В 862 г. согласно наиболее достоверной версии летописного «Сказания о призвании варягов» федерация славянских и финских племен в составе словен, кривичей, мери, веси и чуди пригласила к себе в качестве правителя знатного скандинава (или полускандинава, полуславянина) Рюрика с братьями. Ладога тогда стала резиденцией правителя, стольным городом, т. е. столицей складывающейся в Восточной Европе державы Рюриковичей. В дальнейшем столица была перенесена в Предновгород (Рюриково городище), а затем в 882 г. в Киев. В этом ряду Ладога оказалась первой.

С 862 г. по середину XII в. Ладога входила в состав великокняжеского домена. В 1-й пол. XI в. она – дополнительно центр автономного варяго-русского княжества. Со 2-й пол. XII до конца XV в. это город Новгородской земли, а с конца XV до конца XVII в. – крепость Московского государства.

Культурный слой Старой Ладоги, особо доступный в зоне т.н. Земляного городища, оказался исключительно богатым изделиями местного и привозного ремесла. Археологи открыли целый ряд ранее неизвестных памятников, включая крепостные, жилые и производственные сооружения. Некоторые из них имеют общеевропейское значение. Начиная с 1972 г. (начало работ Староладожской археологической экспедиции) музею-заповеднику сдано в обработанном виде свыше 30000 индивидуальных находок из разнообразных материалов). Обнаружено около 100 остатков жилых, производственных и хозяйственных построек, что позволило в новом свете представить домостроительство, включавшее возведение изб, домов пятистенков, особых купеческих гостевых больших домов и других сооружений. В этих домах не только жили, но и работали ремесленники-универсалы, изготавливавшие стеклянные, янтарные, бронзовые или латунные, костяные, железные, деревянные вещи. Вся эта продукция предназначалась как для внутреннего потребления, так и на продажу и обмен на местном и внегородском рынках. В VIII–XI вв.

жители Ладоги в основном свободные, самодостаточные, социально уравненные люди, что, конечно, не исключало существования знати и военной элиты.

Памятники Старой Ладоги группируются в определенные комплексы, вытянутые в меридиональном направлении, следуя течению осевой реки Волхов. Эти памятники разновременны, но обладают исключительными архитектурными и художественными достоинствами.

В центре Старой Ладоги на мысу, образованном Волховом и Ладожкой, высятся крепость XVI в. В ее основании открыты еще две каменные крепости, соответственно IX и XII вв. Эти последние – одни из наиболее ранних на Руси, выполненных в камне. Удалось установить, что укрепление начала XII в. имело высоту не менее 8,5 м, т. е. сохранилось почти на полную высоту. Эта твердыня имела торговую арку (единственную известную в сооружениях Древней Руси), позволявшую поднимать грузы и воду непосредственно с уровня Волхова. Упомянутая крепость предвосхитила распространение каменных твердынь на Руси, начавшееся столетием позже, и вплоть до конца XV в. обеспечивала надежную защиту северных рубежей страны. В XVI в. на месте крепости 1113-1114 гг. возводится новая, приспособленная к огнестрельному бою. В ее устройстве проявились признаки итальянской оборонительной архитектуры эпохи Возрождения, выразившиеся, например, в практической равновеликости по высоте стен и башен. К каменной крепости с юга примыкает Земляное городище. Это сооружение было опознано и датировано 1584-1585 гг. в качестве новаторской для своего времени бастионной фортификации. Таким образом, ныне в Старой Ладоге сформировался своеобразный музей фортификаций, каждая из которых стала особым этапом в истории военно-инженерного дела. Земляное городище ныне – неиссякаемый источник богатейших археологических находок.

В центре каменной крепости высятся деревянная церковь св. Дмитрия Солунского и каменная церковь св. Георгия XII в. с фресками мирового художественного достоинства, выполненными русскими и греческими мастерами. Церковь св. Георгия входит в число шести построенных в Ладоге в основном в третьей четверти XII в. храмов: крестово-купольных, четырехстолпных, трехапсидных. Они сооружены в короткий срок, видимо, по одному градостроительному плану. Для своего времени авральность строительства и высокая художественность этих церковных сооружений были беспрецедентными. По своим типологическим и конструктивным признакам ладожские церкви считают нововведением в русской архитектуре середины XII в. Из шести храмов в той или иной степени сохранились три. Ладожские церкви, самые северные по своему местоположению, – незаурядные творения архитектуры эпохи Киевской Руси. Часть из них были приходскими (оформляли собой концы-районы), часть – монастырскими. Все храмы были богато украшены фресками и четко определяли топографию города, будучи его градостроительными доминантами. Заказчиками этих сооружений могли быть князья и представители церковной и посадской элиты.

Севернее каменной крепости располагается ансамбль Успенского монастыря с полностью сохранившимся Успенским собором и частями его фресковой росписи. Еще севернее находится храм св. Иоанна Предтечи 1695 г., восходящий к постройке XIII в.

Северную панораму памятников Ладоги занимает урочище «Сопки» с 15-метровой (первоначально) по высоте могилой, приписываемой князю Олегу Вещему, похороненному то ли в Ладоге, то ли в Киеве. Сопка Вещего Олега обладает особой притягательностью и энергетикой. С нее открывается неотразимый, чарующий вид на Старую Ладогу. Здесь, по словам Н. К. Рериха, у человека создается историческое настроение, он как бы переносится в легендарные времена и видит картину-сказку, воскрешающую природное и градостроительное великолепие древнего мира.

К югу от каменной крепости, а также ее Земляного городища располагается Никольский монастырь с центральным храмом XII–XIII вв. – Никольским собором. Рядом с ним – церковь св. Иоанна Златоуста, построенная по проекту А.М. Горностаева в 1868-1872 гг. и сочетающая в своей архитектуре, что большая редкость, черты романской базилики и православного храма. Ныне в этом храме выставлена принесенная из г. Барж (Италия) частица мощей св. угодника Николая.

Монастырь примыкает к нагорью «Победище», где, по преданию, ладожане победили своих врагов. По кромке Победища располагались цепочкой сопки, с одной из которых Екатерина Великая в конце XVIII в. созерцала историческую Ладогу.

Ладожские сопки – захоронения первых поколений горожан, при всей их величине и высоте содержат лишь небогатые захоронения по обряду трупосожжения. Загробные приношения скромны – бусы, оплавленная бронза, гребни – и свидетельствуют о демократической социальной усредненности ладожского общества в IX–X вв. Погребения в сопках, оставленные деятельными горожанами, напоминают о своеобразии вольного города мастеров, ремесленников и торговцев, заложивших устои городской цивилизации и свободу коммерческой деятельности. Языческие сопки соседствовали с православными храмами и не разрушались. Это важное свидетельство вековой религиозной терпимости русского народа.

Отметим, что в Ладоге сохранилось немало разных построек Нового времени: дома, амбары, колокольни, ограды. Они гармонично дополнили сооружения Средневековья.

На примере Ладоги и ее памятников мы видим, как более тысячи лет тому назад стараниями ее жителей и населявших это место пришельцев создавалась единая Европа без охраняемых границ и национальных предрассудков, с интернациональной во многом техникой и культурой, с общими путями передвижения и единой валютой. Эта модель развития общества поучительна и в наши дни.

Открытия в Старой Ладоге получили у нас и за рубежом достойную огласку, и не случайно на празднование 1250-летнего юбилея Ладоги – Старой Ладоги – приехал Президент Российской Федерации В.В. Путин. В 2004 г. Президент еще раз посетил Старую Ладогу как гость Староладожской археологической экспедиции. В Кремле заинтересовались корнями Отечества и тем, что происходило в Северной Руси, коли Киев ныне находится в другом государстве. Интерес Президента был удовлетворен. Старая Ладога, а точнее – город Ладога, действительно знаменует собой начало политического государственного устройства исторической России. Археология, история и культура это подтверждают.

Кирпичников А.Н., 2005. Исторические рекорды Старой Ладogi // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. СПб.

А.В. Курбатов

Рабочая одежда и обувь средневековых горожан

Введение. Необычайно широкое использование изделий из кожи в быту, повседневных занятиях и ремесле у средневековых русских горожан получает все более широкое подтверждение по мере накопления и обработки новых археологических коллекций. Сегодня мы можем говорить не просто о конкретных видах изделий, но и различать варианты изделий по их конкретному использованию.

До настоящего времени в работах отечественных историков понятие «рабочая одежда и обувь» как дефиниция материальной культуры не нашла своего самостоятельного развития. При описаниях одежды (как комплекта одеяний вообще) или костюмов (деталей одежды, намеренно сочетаемых в комплекте полного одеяния), как правило, рассматриваются носимые в конкретное время и в определенном обществе формы одежд, подразумевая их повседневное ношение. Отдельно выделяются теплые (зимние) формы одежды, а также одежды, надеваемые по случаю – парадные, праздничные, ритуальные (погребальные, свадебные). При этом, общественные нормы ношения одежды, прослеживаемые в многочисленных этнографических заметках и описаниях с XVIII в. и позднее, нередко переносятся на более раннее время. Это видно из той необычайно широкой временной «амбразуры», в которой дается характеристика одежды и норм её ношения. Например, в работе М.Г. Рабиновича (Рабинович, 1988, с. 199 и сл.) традиции в одеждах рассматриваются в русском городе на всем исторически прослеживаемом диапазоне – с X по XVIII–XIX вв.

В упомянутой работе отмечается очень важная черта быта XVI–XVII вв. – бережное отношение к одежде и её сохранению, на что указывают многие статьи Домостроя (Рабинович, 1988, с. 201). В городской семье различалась одежда рабочая, повседневная и праздничная. Домострой предписывал и хозяевам и даже слугам в богатом доме иметь не менее трех *перемен* платья: *ветианое* (старое) – для работы, чистое всedневное – надевать перед хозяином и лучшее – «в праздник и при добрых людях» (Домострой, 1994, гл. 26, с. 34). Сама трудоемкость домашней выделки тканей и пошива одежды была, надо полагать, основной побудительной причиной для её сбережения. Это предположение можно распространить на все периоды русского средневековья, так же как и на XVIII–XIX вв., что дает основания для поиска археологических соответствий понятиям рабочая одежда или *ветианое платье* в археологических коллекциях. В настоящей работе мы остановимся только на изделиях из кожи, иногда в сочетаниях с растительным сырьем, находимые в археологиче-

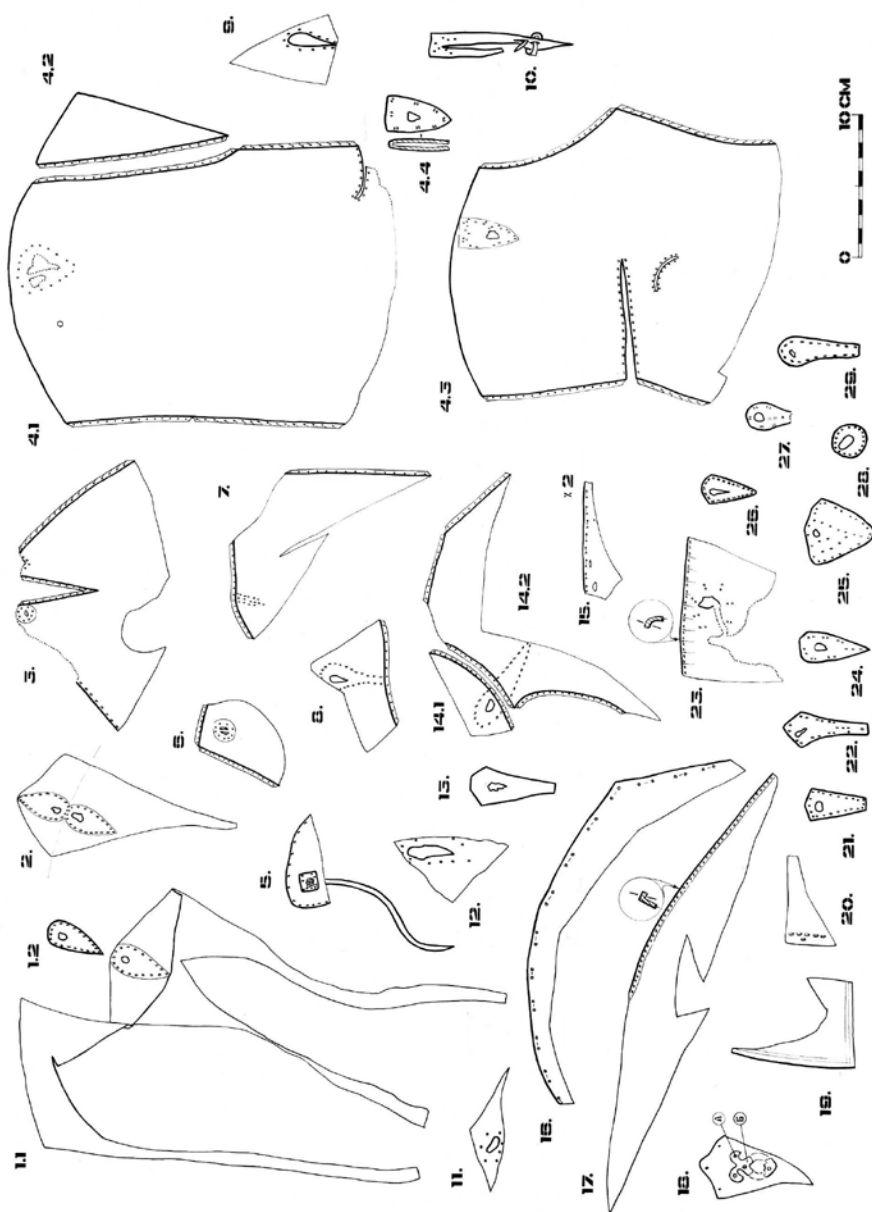

Рис. 1. Тверской кремль, 1993-1997. Завязки с усиительными накладками на деталях разного назначения; детали неопределенных изделий.

ских раскопках, которые можно наиболее определенно считать предназначенными для разного рода работ.

Прежде всего, объяснения существовавшего разделения одежды по занятиям дают письменные документы. Рабочую одежду можно разделять на две группы, находящие отражение в письменных источниках – рабочую вообще, предназначенную для «грязных» работ и специализированную – для одевания при определенных видах хозяйственной или ремесленной деятельности, а также на промыслах. Археологические же материалы дают визуальное и конструктивное деление изделий, но не объясняют их назначения. В настоящее время мы можем провести самостоятельный анализ форм рабочей одежды и обуви по письменным и археологическим источникам, различая три вида рабочих одеяний – обувь, рукавицы и фартуки.

Письменные источники. Основная масса источников для изучения средневековых одеяний относится к XVI–XVII вв. Еще больше данных обнаруживают письменные документы XVIII–XIX вв. И большое число упоминаний одежды и обуви для конкретных занятий отмечают этнографические коллекции и полевые сборы конца XIX–XX вв. При использовании данного рода исторической информации необходимо учитывать, что из контекста не всегда можно понять, являются ли различные названия изделий указанием на своеобразие их конструкции и пошива, или здесь имеет место региональное словоупотребление. Очень осторожно следует подходить и к реконструкции формы предметов XVI–XVII в. по описаниям одноименных вещей более позднего времени. В некоторой степени уточнить содержание ранних названий вещей помогают изобразительные и археологические материалы.

Обувь рабочая. Из древнейших наименований обуви, которую можно было бы считать «рабочей», до нас дошли названия поршни, лапти и постолы. В целом, все эти наименования отражают близкие по конструкции формы низкой обуви, покрывающей ступню, но не закрывающей лодыжку. При этом надо помнить, что названия обуви в древности могли относиться к иной по материалу и способу изготовления обуви, чем это известно из позднейших этнографических источников.

Название *поршни* встречается в летописной записи, относящейся к 1074 г., но сама запись, по времени составления дошедшего до нас источника, относится только к XVI в.: «Егда же приспеаше зима и мрази лютыи, стояше въ порхшньныхъ въ протоптанныхъ». С этого времени мы имеем много письменных вариантов названия этой обуви (СлРЯ XI–XVII вв. 17, с. 145). При этом материал и техника изготовления могли быть различными в разных местностях и в различное время. Предполагается ее изготовление в раннее время из одного куска кожи, сгибаемого по ноге и фиксируемого завязками. В позднейшее время данное название относится к широкому кругу обувных форм из кожи и растительного сырья (СРНГ, 30, с. 116–118).

То же самое относится и к другому названию обуви – *постолы*. Это название отмечено в одном из списков уже цитированной записи в летописях, и также может быть объективно датировано только XVI в. Но в отличие от названия *поршни* это название можно считать древним славянским, поскольку оно известно во многих славянских языках. Более того, М. Фасмер сближает происхождение названия с древнеиндийским *padatāle* – «подошвы башмаков». С другой стороны, название с

большим основанием могло быть заимствовано из тюркских языков (Фасмер, 1996, III, с. 341-342). Так же как и *порины*, название *постолы* в позднейшее время (в новое и новейшее) связывается с широким спектром различной низкой обуви – кожаной, матерчатой или сплетенной из веревок (СРГС, 3 с.180; СРНГ, 30, с. 232). Последнее сближает её с такими названиями обувных форм, как *плетежки*, *плетенки* (СРНГ, 27, с. 120-121; СРГС, 3, с. 250-251), а также *тюни*, *чуни* (Фасмер, 1996, IV, с. 383; НОС, 12, с. 68).

Археологические находки плетеных из бересты *лаптей* не встречаются в археологических комплексах ранее XVI в. Но из древнерусских комплексов происходят низкие обувные модели, плетенные из кожаных ремней, которые и могли называться лаптями (Левашева, 1959). Такого мнения придерживался и Д.К. Зеленин (Зеленин, 1982, с. 135-136). Остается археологически неподтвержденным и древнерусское название *лыченица*, понимаемый как «лапоть, плетенный из лыка», отмеченное в «Слове» Даниила Заточника. Этот памятник известен по спискам XVII в., восходящим к редакциям XII и XIII вв. Кроме того, имеется запись в Степенной книге 1560 г.: «Во вся бо дньи жизни сея хожаше (Касиянь Босыи) обувень просто въ сандалеицо лычно», – включенная в Никоновскую летопись (Вахрос, 1959, с. 126). В любом случае, названия *лапоть* и *лыченица* встречаются в контекстах, позволяющих видеть в приводимых названиях рабочую обувь, преимущественно употребляемую при сельскохозяйственных работах (Курбатов, 2001, с. 230-231; Громов, 1977, с. 202, 205).

Группа названий позволяет выделять сапоги и сапоги с обрезанными голенищами в качестве повседневной обуви для работ во дворе, на огороде и в других случаях – *бахилы*, *боты*, *скрешни* и *ступни*. Слово *бахилы* встречается в документах с XVII в., где употребляется, по мнению И.С. Вахроса, в значении «высокие мягкие сапоги вроде чулок, подвязываемые выше колен, жесткая обувь с голенищем». Раннее употребление связано с обозначением солдатской обуви – *въ бахилкахъ въ салдатскихъ* (1674 г.), но известно и как имя собственное «[1646] лавка ... Федки Бахилова» (Вахрос, 1959, с. 63-64). Словарь Академии Российской конца XVIII в. определяет *бахилы* как «род крестьянской обуви, делаемой наподобие котов; но и передки у них бывают короче и подвязываются ремнями, как лапти» (СлРЯ XVIII, в. 1, с. 152). В XIX в. на Русском Севере так называли «рабочие сапоги, обычно без ранта и каблуков, с круглыми носками и высокими голенищами». В Верхнем Поволжье и Предуралье это «большие мужские сапоги – коты, с пришитыми или привязанными голенищами». Могли быть и с обрезанными голенищами. Их общая особенность – простота пошива, большая ширина и просторность для ноги при одевании. Варианты использования – для хождения в грязное время вообще, для полевых работ, для работ на реке, на рыбной ловле и звериных морских промыслах (СРНГ, 2, с. 156; Подвысоцкий, 1885, с. 5; ПОС, 1, с. 133; Куликовский, 1898, с. 3; НОС, 1, с. 39). По позднейшим этнографическим материалам бахилами считали преимущественно кожаные сапоги домашнего изготовления с длинным голенищем или любую рабочую простую обувь, а также род низкой обуви и женских туфель, скорее всего, также предназначенных для работы во дворе, огороде (АОС, 1, с. 130-132; СРНГ, 2, с. 153).

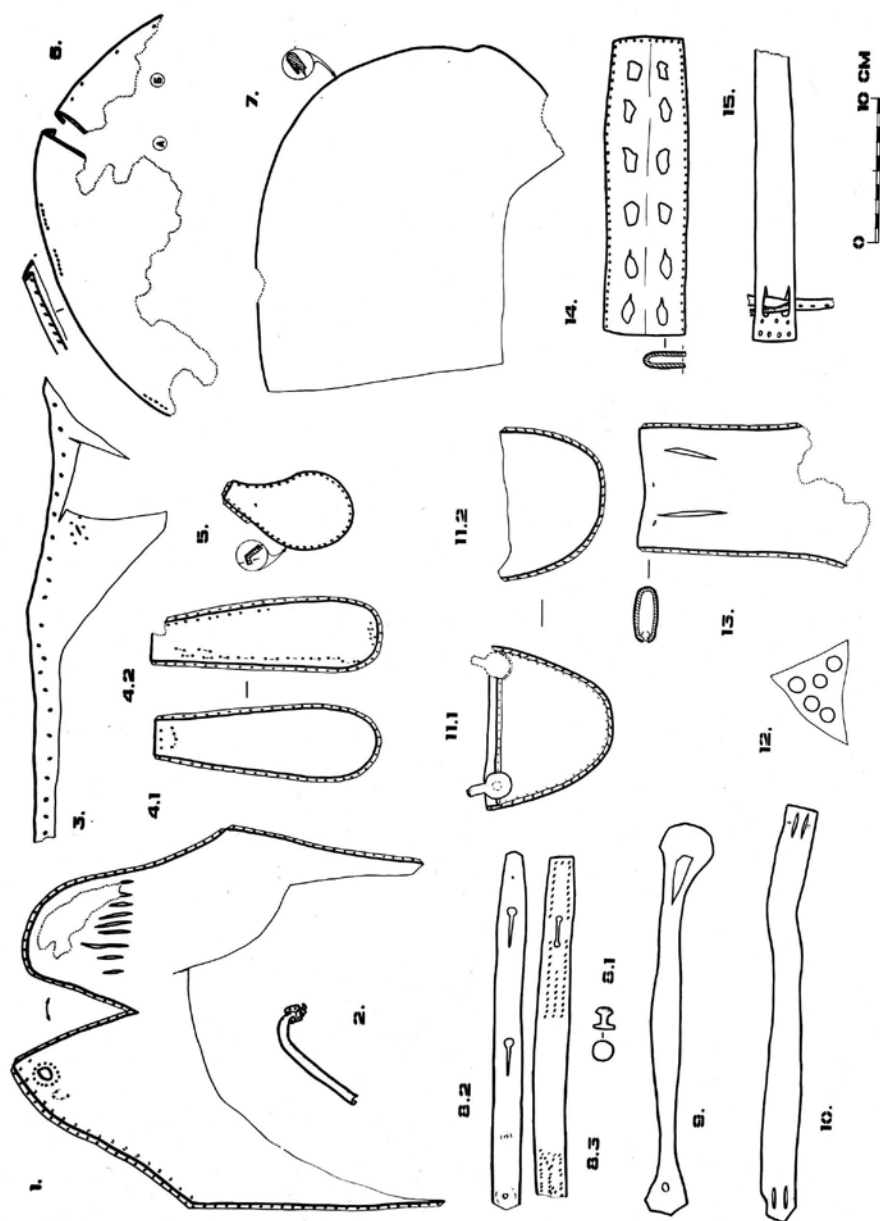

Рис. 2. Тверской кремль, 1993–1997. Детали разного назначения.

Название *боты* определялись в XVIII в. как «род кожаной крестьянской обуви» (СлРЯ XVIII, в. 2, с. 117). Записи XIX–XX вв. дают широкий спектр значений *бот* как повседневной обуви – сапоги, мужские полусапожки, ботинки, галоши, туфли, лапти (СРНГ, 3, с. 139). Ранее XVIII в. это название, вероятно, также относится к повседневной обуви, хотя количество упоминаний очень мало. Известна расшифровка слова *бот* как «пол. сапога» в Алфавите XVII в., а также сообщение о покупке «[1693] ... к темь ботамъ ... гвоздья» (СлРЯ XI–XVII вв. 1, с. 303; 19, с. 93). В Радзивилловской летописи под 1074 г. имеется известная фраза: «Егда же приспешше зима и мрази лютии, и стояше (Исакии – А.К.) въ утлых ботех яко примерзнути ногама къ камени и не двигняшес(я) ногама; донде же отпояху утреннюю». Но сам список по времени написания (т.е. переписывания с более ранних списков) датируется XV в. (Вахрос, 1959, с. 70). В свете того, что для XV–XVI в. упоминаний *бот* в хозяйственных документах нет, то написание самой фразы тоже может быть отнесено к более позднему времени.

Название *скрешни* для XIX–XX в. определялось как «сапоги с отрезанными голенищами, босовики» (Даль, IV, с. 208; Вахрос, 1959, с. 169; СРНГ, 38, с. 135). Самое раннее их упоминание, по-видимому единственное для XVI–XVII вв., найдено в приходно-расходной книге Корнильева Комельского монастыря за 1577 г.: «Курбатку Гридину сну Бирюлину служить во вся дни, ... а доживет до рож[е]ства Хрства ино ему додати полпята ж алтна да скрешни» (СлРЯ XI–XVII вв., 25, с. 21). Близкими к *скрешням* были *ступни* – «короткие кожаные сапоги». Слово встречается в деловых документах со второй половины XVI в.: «[1563] Ступни – дал семь денег, две окончины – алтын». Из разговорной речи псковичей начала XVII в. мы знаем и о существовании особых мастеров – ступников (СлРЯ XI–XVII вв., 28, с. 221). Кроме названных, к повседневной и рабочей обуви следует относить *ходаки*, встречаемое в челобитной грамоте XVII в.: «И он им ходаки двои и чюлки купил и понес было, и стрелцы ево згребли и учали спрашивать, кому ходаки и чюлки купил» (СлРЯ XI–XVII вв., 23, с. 238).

Обувь рыбаков и моряков. В письменных источниках мало прямых указаний на бытование специальной обуви для отдельных занятий и они относятся только к XVI–XVII вв., когда регламент хозяйственной деятельности повсеместно записывали. В приходно-расходных книгах, под разными названиями, отмечена обувь для рыбаков (СлРЯ XI–XVII вв., 14, с. 278; 22, с. 271). Чаще других встречается название *долгари*, сохранявшееся долгое время (СлРЯ XI–XVII вв., 4, с. 296; СПЛ XV–XVII в., 1, с. 167, 182; СРНГ, 8, с. 105). К рыболовецкой обуви иногда относят и *пришитки* – сапоги с высокими голенищами: «[1592] Дано от шитья от троих сапогов от пришитков от ловецких гривна» (СлРЯ XI–XVII вв., 20, с. 85). Также известны *баламутные сапоги*., название которых происходит от название рыболовной снасти, невода – *баламут* и *ловчие сапоги* (СлРЯ XI–XVII вв., 1, с. 67; 7, с. 116; 8, с. 97, 265, 269). В XIX в. самыми известными среди специальных рыболовецких сапог в северо – западных областях были *осташи* – продукция мастеров города Осташкова. Это высокие (в аршин высотой) выворотные, непромокаемые, сапоги без гвоздей (СРНГ, 24, с. 61–62). Известные со 2-й пол. XVII в. на Севере России широкие рыбацкие сапоги называли *хайлы*: «[1684] Мережа редкая ... ветха

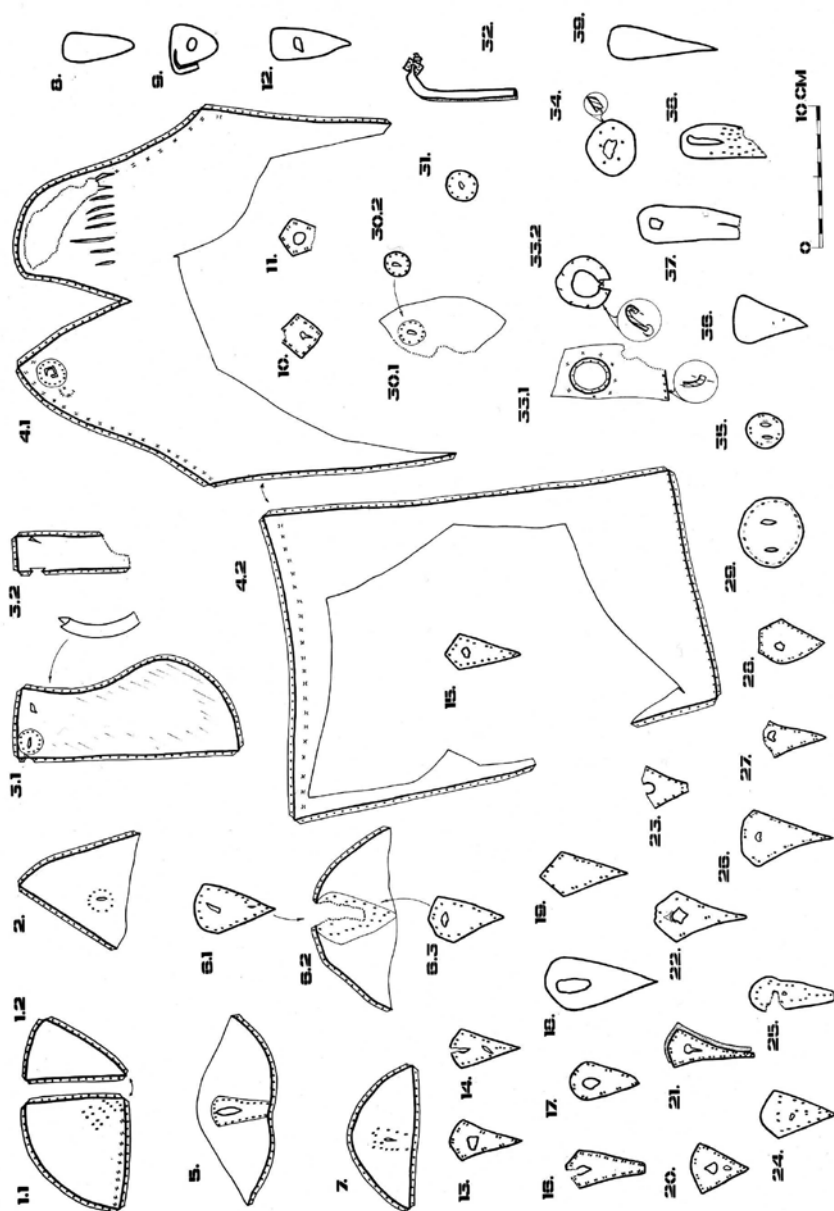

Рис. 3. Тверской кремль, 1993-1997. Завязки, усиленные накладки и обшивки на предметах разного назначения.

жь; 8 хайль кожаных ловецких, одиннадцатеры водяницы ветхи жь» (СлРЯ XI–XVII вв., 2, с. 260). Возможно, подобную обувь в регионе Северной Двины в XVII в. называли «уляди с голинищами рыболовецкие» (СлРЯ XI–XVII вв. 22, с. 271), а во 2-й пол. XIX–XX вв. – *батары* (СРНГ, 2, с. 141).

Рукавицы – это общее название детали одежды, закрывающей руки и пальцы. Рукавицы впервые упомянуты в смоленской грамоте 1229 г. В документах разного времени называются несколько видов рукавиц, различных по материалу и манере изготовления – *вареги*, *верхницы*, *голицы* и *перчатые (перстатые)*. В крое основное отличие существует между рукавицами и перчатками-рукавицами *перстатыми*. По материалу различались рукавицы: кожаные (дубленные и замшевые – мятинные), меховые (собольи, оленьи, барановые, волчьи, лисьи), матерчатые (холщовые, атласные, бархатные), а по назначению известны: *рукавки* – рукавицы для ношения ловчего сокола (СлРЯ XI–XVII вв., 22, с. 244–245), *водяницы* – кожаные рыбацкие рукавицы (СПЛ XV–XVII в., 1, с. 93), голицы «для рыбной ловли», рукавицы для работы при засолке рыбы – *солильные*, рукавицы охотничьи, разделяемые на три вида по толщине, рукавицы – *верхницы надолонки* для работы на скотном дворе (СлРЯ XI–XVII вв., 5, с. 156; 10, с. 75; 18, с. 12). Также, часто упоминаются рукавицы – *дельницы*, *деяницы* – специальные вязаные рукавицы-варежки, предназначенные, видимо, для всякой ручной физической работы. В текстах они порой отделяются от других рукавиц: «[1651] Вкладная в полтретя рубли двои рукавицы з деяницами цена восьми алтын» (СлРЯ XI–XVII вв., 4, с. 210, 240–241).

В письменных источниках с XVI вв. одно из значений слова *голица* – это кожаная рукавица без подкладки. Их также называли *голянками* и *голянишными рукавицами*, что заставляет по-иному понимать специальность *голяничника*, отмечаемую в Новгородских писцовых и лавочных книгах XVI в.: «[1592] Куплены шестеры рукавицы голинишные» (СлРЯ XI–XVII вв. 4, с. 61, 71). В холодный период кожаные голицы надевали поверх вязаных рукавиц-варег: «Привозят на продажу... также голицы черныя юфтяныя, которыя носят на варигах» (СлРЯ XVIII в., 5, с. 152). Голицы можно назвать универсальной частью одежды – для защиты рук от натирания при различных действиях.

Кожаные фартуки были незаменимы в ряде производств и хозяйственных занятиях средневековых горожан и сельских жителей. На это указывают многочисленные упоминания фартуков в письменных документах. Средневековый «завод» – т.е. весь комплекс оборудования и снаряжения разных средневековых ремесел (СлРЯ XI–XVII вв., 5, с. 153) включал и рабочий фартук. Из документов эпохи Московского государства мы узнаем, что в XVII в. и позднее кожаный передник или фартук называли *завес(-а)*, *завеска*: «[1678] Кормщиком и рядовым ... дано ... на завесы кожа мячинная белая большая» (СлРЯ XI–XVII вв., 5, с. 145). Их использовали рыбаки, мясники, кузнецы, сапожники, кожевники и представители иных профессий. *Завесы* различали и по назначению, и по месту изготовления, например, «3 завеса ярославских» (СПС XV–XVII в., 1, с. 210).

Среди аналогичных рабочих одеяний называются *каптуръ*, *передовик* – передник для рыбаков (СлРЯ XI–XVII вв., 7, с. 67; 14, с. 238) и *запон (запона)*. Последний, видимо, представлял собой кожаный или холщовый фартук с рукавами и

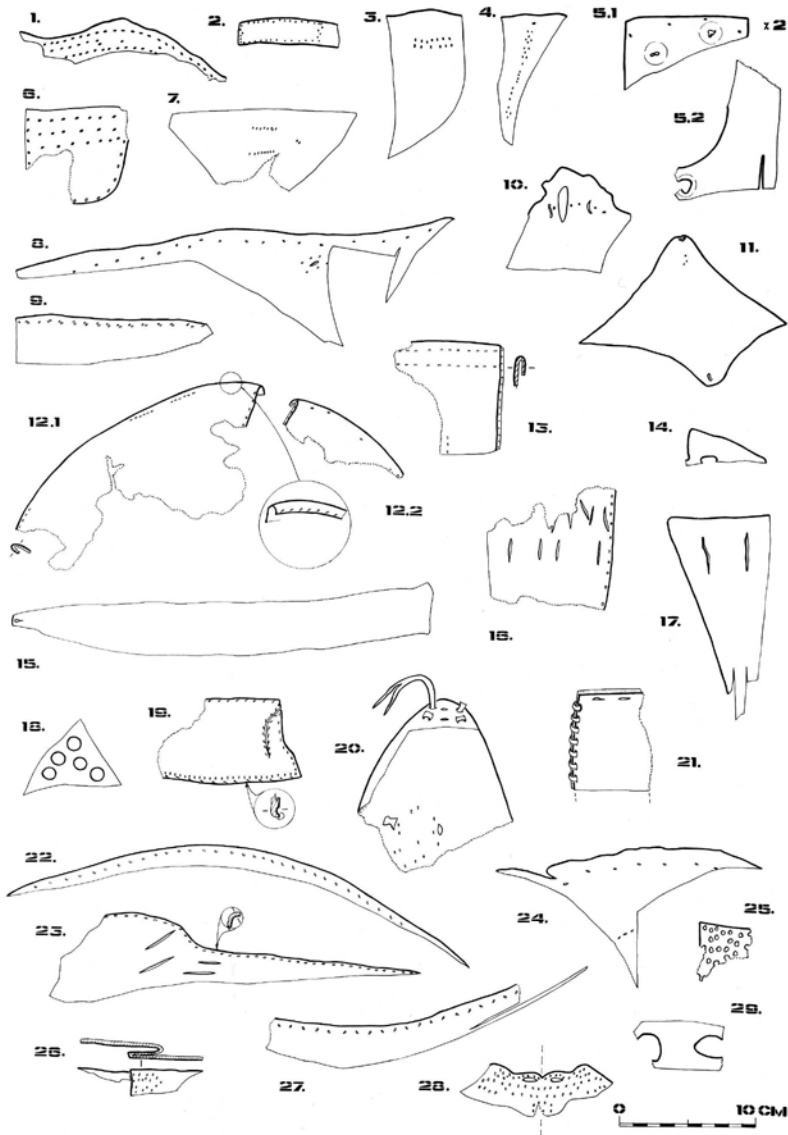

Рис. 4. Тверской кремль, 1993-1997. Фрагменты и обрезки неопределенных изделий.

вырезом для головы: «[1646] Роспись кужгорским всяким снаstem рудокопнаго горнаго дела... 2 запонишка ветхих кожаных диловатых, заслонъ железной пешнои» (СлРЯ XI–XVII вв., 5, с. 275). Это название сохраняется и в XIX – начале XX вв. (СРНГ, 10, с. 342-343).

Еще одно название легче устанавливается в ретроспективе. В конце XIX в. в Архангельской губернии широко использовался *перепряд* – кожаный фартук рыбаков, который делался из целой кожи и опоясывал тело кругом (Куликовский, 1898,

с. 80; СРНГ, 26, с. 200). Для XVI–XVII вв. документы не содержат такого названия, но известно название *перепряди*, которое можно считать названием фартука во множественном числе: «[1600] Того ж(е) дни куплено у Фетки у Наумова две кожи на перепряди» (СлРЯ XI–XVII вв., 14, с. 282).

Изобразительные материалы показывают некоторые варианты рабочей обуви и фартуков. Например, в Житии Сергия, этот святой чудотворец показан в лаптях в сцене пахоты, а в сцене «Труды Сергия» монахи изображены в низкой обуви, не закрывающей лодыжку (Арциховский, 1944, с. 187, 189, рис. 50, 51).

Многие позднесредневековые изображения ремесленников разных специальностей в странах Западной и Восточной Европы показывают, что в своей работе мастера могли использовать разные формы передников (фартуков). Такие одеяния, в частности, присутствуют у кожевников и обувщиков. Длинные погрудные фартуки с завязками на плечах отчетливо видны, например, на фигуре раскройщика кожи в Кракове, рисованной в 1505 г., а также на немецкой гравюре XVI в., показывающей деятельность трех человек в обувной мастерской, которая была одновременно и торговой лавкой. Фартук, закрывающий грудь изображен и на рисунке варшавского сапожника 1799 г. С другой стороны, короткий поясной фартук показан на фигуре краковского кожевника, рисованной в 1505 г. По-видимому, такие же поясные завесы были одеты на кожевниках в Гродно, изображенных на гравюре 1568 г. в момент скобления кож на реке, хотя в последнем случае остается непонятной изображенная стадия работы, которая могла быть мездрением шкур или обезволашиванием их (Turnau, 1983, № 18, 24, 38, 111, 112). Погрудный и поясной фартуки надежды и на фигурах обувщиков, вытканых на знамени цеха сапожников в одном из городов Белоруссии и относимом к XVII–XIX вв. (Археологія Беларусі. Т. 4. 2001, мал. 249).

С другой стороны, известны рисунки сапожников за раскройкой обуви в *Mindel Housebook* (Нюрнберг) XV в., где мастера одеты в какое-то длинное нераздельное одеяние, типа рясы, с отвернутым широким воротником. Но особого фартука на них не было (Grew & de Neergaard, 1988, fig. 71). Можно ли считать изображенное одеяние специальным (тогда оно сравнимо с фартуками беломорских рыбаков по описаниям конца XIX в. – см. выше), или же это обычная одежда, что означает, что мастера работали столь аккуратно, что им не требовался фартук.

Археологические материалы. В археологических коллекциях кожаные изделия представлены деталями обуви, которые дают возможность выделения рабочих форм, а также различными деталями рукавиц и фрагментами фартуков. В коллекции из раскопок Тверского кремля в 1993–1997 гг., в слоях и комплексах последней четверти XIII – первой четверти XIV вв., встречена простая по конструкции мягкая обувь, без декора, что позволяет видеть в ней обувь для повседневного хождения и работ. Такие «рабочие туфли» выделены и в других городах – в Торопце, Полоцке, Берестье, Новгороде, Пскове, Старой Руссе. Их конструкцию можно считать исключительно древнерусской, неизвестной в других регионах Европы. Встречены ранний и поздний варианты «рабочих туфель». Ранний вариант обуви изучен в комплексе кожаных предметов с Рюрикова Городища, датируемых концом XI – 1-й пол. XII в., или более узко – первой четвертью XII в. Полная модель представ-

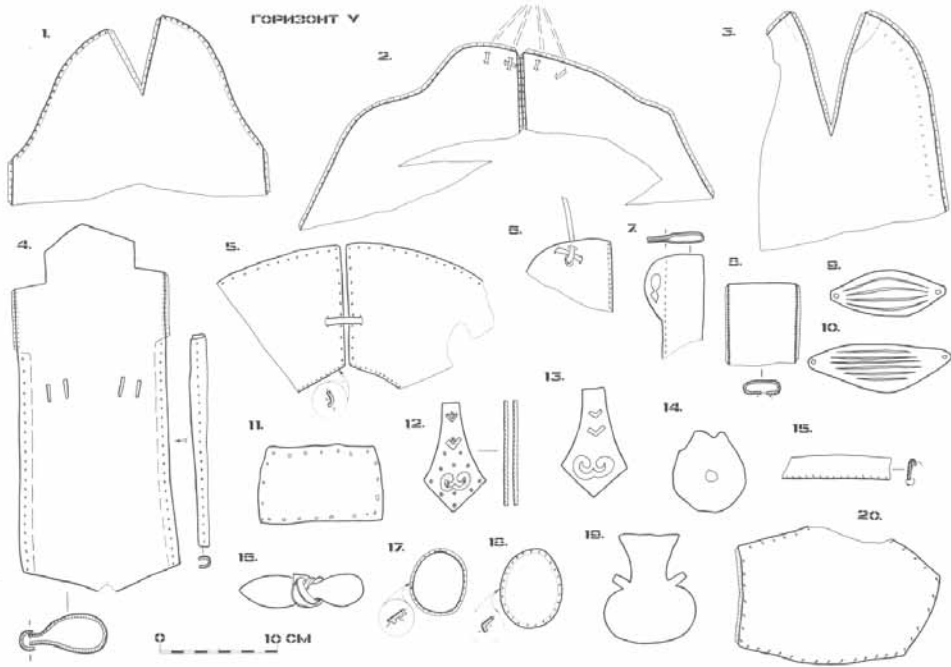

Рис. 5. Тверской кремль, 1985. Детали различных изделий, горизонт 5.

ляет цельнокроеную форму низкой мягкой обуви, где основной шов лежал на продольной оси подошвы. Обувь скроена из очень тонкой (0,8-1,0 мм) кожи МРС и дополнительно уплотнена 6-ю внутренними деталями и прокладками. Верхний край основной детали был загнут внутрь и подшит к внутренним деталям (Курбатов, 2007, с. 94, рис. 13: 1). Близкая по конструкции пара туфель найдена и в Старой Руссе в слоях 2-й пол. XI–XII вв. (Антропова, Торопова, 2001, с. 245, 255).

Поздний вариант, наряду с ранним, встречен в материалах первой половины XII в. с Рюрикова городища. В раскопе 2004 г. он представлен шестью деталями, причем четыре из них являются парными, т.е. относятся к двум моделям, сохранившимся полностью. Но здесь показательное полное отсутствие обрезков деталей такой обуви, которые обычно в других городах составляют значительный процент от всех находок. Например, в Твери в последней четверти XIII – 1-й пол. XIV вв., “домашние туфли” были едва ли не самой популярной и общедоступной обувью (Курбатов, 2004, с. 48, рис. 43: 5, табл. 12).

Конструктивно поздний вариант состоит из 2-х основных деталей (передней и задней) и кожаной прокладки в подошвенный шов. Форма передней детали напоминает головку сапога, но её ширина значительно больше длины, а боковые обрезы имеют тупой угол на стыке с передним обрезом – около 125 градусов. Характерная стертость по краю головки говорит, что деталь является одновременно и верхом и подошвой, т.к. сложенный вдвое передний обрез сшивается на месте подошвы. Для герметизации нижнего соединения служит уплотнительная кожаная прокладка, представляющая узкую полоску кожи, шириной 10-12 мм, сложенную вдвое мереей

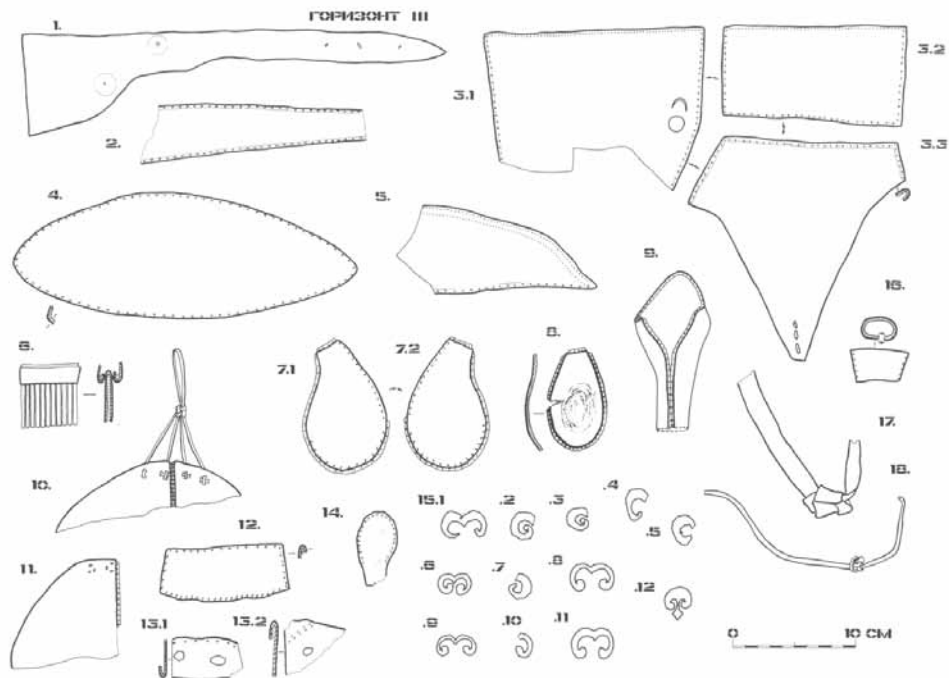

Рис. 6. Тверской кремль, 1985. Детали различных изделий, горизонт 3.

наружу. Задник также напоминает однотипную деталь сапога, но отличается большей высотой и характерной стертостью краев на “подошве”. В слое, как правило, встречаются не целые модели, а только обрезки деталей с подошвенной зоны со следами сильного износа. Это объясняется своеобразием “домашних туфель”, не имеющих отдельно кроеной подошвы. Истирание подошвенной зоны приводило к тому, что широкий “верх” вырезался для повторного использования, а в отходы попадали узкие обрезки “подошвы” и прокладка в шов. Выделению обрезков такой обуви способствуют стабильные и выразительные черты конструктивного своеобразия, например, складки на передней и задней деталях по краю “подошвенного” шва. Оригинален и способ починки изношенных туфель, при котором стертый участок “подошвы” заменяется полуовальной вшивной заплатой.

Модели “домашних туфель” можно сопоставлять с изображениями простейших по пошиву форм обуви монахов, узнаваемых на рисунках из Жития Сергия Радонежского (Житие, 1853).

В коллекции конца XV – 1-й пол. XVI вв. из Ивангородской крепости кроме поршней и сапог встречены детали обуви, позволяющие реконструировать своего рода рабочие башмаки, перешиваемые из старых сапог (Курбатов, 1991, с. 73; рис. 1, с. 5). Голенища сношенных сапог обрезались, а на подошвы ставились заплатки. В головках и задниках делались прорезы, сквозь которые продевались ободы, закреплявшие обувь на ноге. Подобное же использование старых сапог просле-

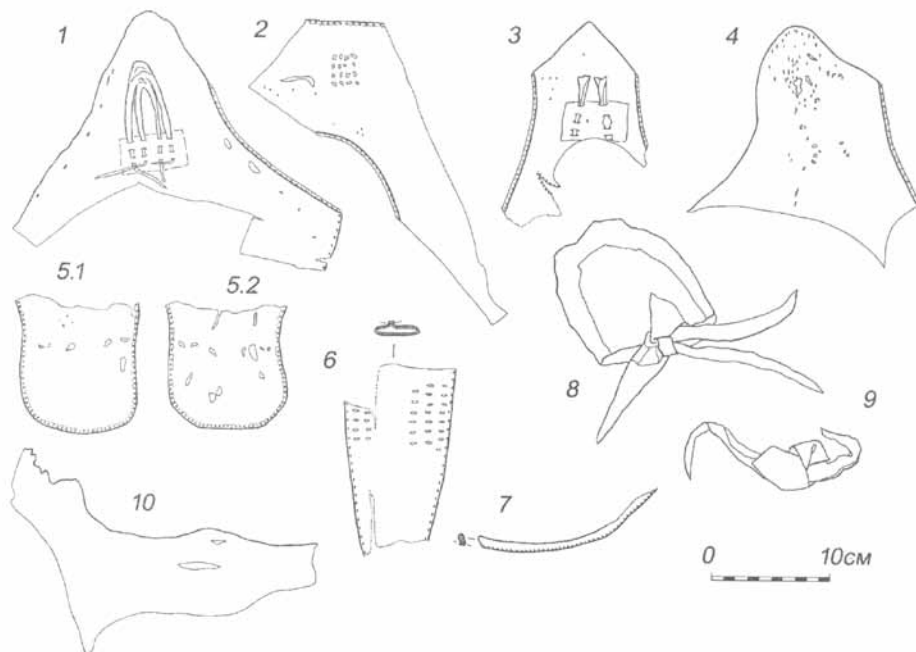

Рис. 7. Псков, ул. Ленина, 1988-1989 гг., раскоп XIV. Различные кожаные изделия: 1-4 – обрезки фартуков, 5 – кошелёк, 6 – чехол для ножа, 7 – обшивка края изделия?, 8 – петля с узлом, 9 – узел на обрезке кожи, 10 – обрезок с края кожного листа.

живается и в других городах. Раз количество поршней и в Ивангороде, и слоях этого времени в других городах относительно невелико, а мягкие туфли отсутствуют, и такие обрезанные сапоги – *опорки* могли служить повседневной и рабочей обувью, называемой в разных местах *ступнями*, *скрешнями*, *ботами*. В связи с этими находками надо упомянуть и выделение в Пскове мастерской сапожника, который специализировался на ремонте и перешиве обуви в конце XV–XVI вв. (Курбатов, Харлашов, 2004, с. 150, 151).

Данные археологии о плетеной обуви не слишком представительны, учитывая широко масштабные раскопки в городах с хорошей сохранностью органических материалов. Во многих городах Руси лыковые лапти не были найдены. Это относится к древнейшим горизонтам Старой Ладogi VIII–X вв., синхронным упоминанию *лапотников* в ПВЛ, к средневековому Полоцку, Минску, Берестью и другим городам. Рассмотрение этого вопроса показало, что берестяная обувь появляется только в слоях и комплексах с XVI в. (Курбатов, 2001, с. 230). Эти выводы заставляют осторожно подходить к оценке находок в слоях древнерусского времени, сделанных в последние годы в Новгороде, Старой Руссе и других местах (Гайдуков, 1992, с. 110; Торопова и др. 2005, с. 52).

Описания и изображения фартуков в источниках XVI–XVIII вв. позволяют условно предполагать 4 конструкции. По ним можно составить представление о вариантах обрезков, которые могут быть выделены в археологических коллекциях. Первые три вида конструкций следуют из изобразительных источников XVI–

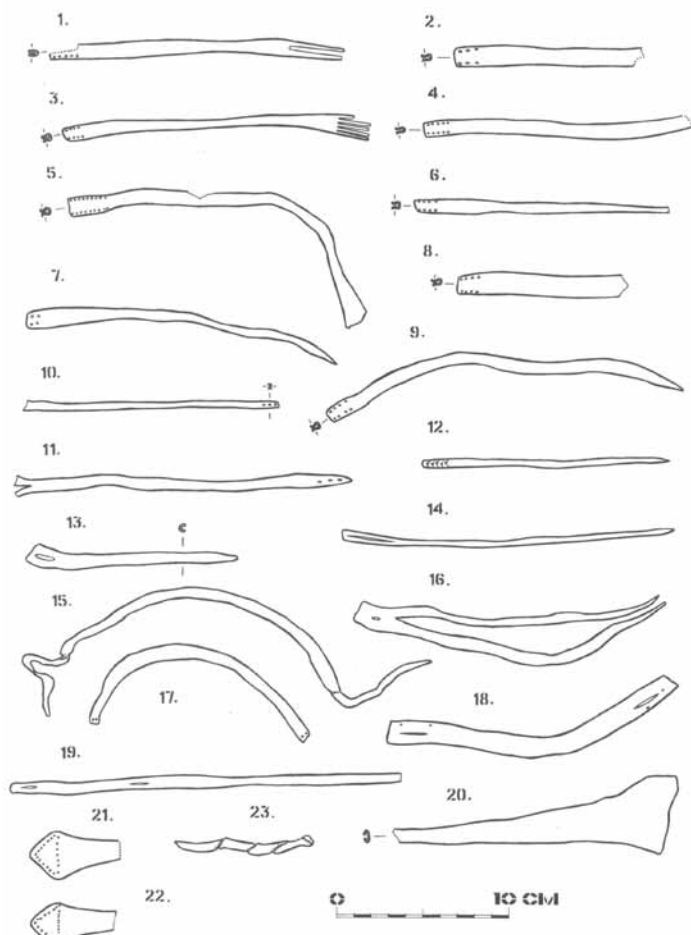

Рис. 8. Псков, 2007. Раскопы Петровские VIII и IX. Завязки различного назначения.

XVIII вв., а 4-й вариант определяется по описаниям конца XIX в. Прямоугольный пласт кожи, закрывающий нижнюю часть туловища (от пояса) и верхнюю часть ног до колен (бедра). Верхний край – горизонтальный. От верхних углов отходят два кожаных ремешка – завязки, связываемые узлом на спине. Концы завязок могут быть пришиты на лицевой стороне, или на изнаночной. Прямоугольный пласт кожи с зауженной и скругленной верхней стороной, закрывающей грудь. Завязки, обернутые на поясе, расположены в средней части фартука. Кроме того, надо предполагать завязки на верхнем крае зауженного выступа, закрывающего грудь – т.н. грудинка (СРНГ, 7, с. 160). Прямоугольный пласт кожи, закрывающий грудь и бедра, с широкими выступами по верхним углам, достигающими до плеч. На этих выступах, имеющих вид скругленного язычка, закреплены петли – завязки. Через петли, вероятно, протягивался широкий ремень, накидываемый на шею мастера. Вторым вариантом может быть соединение через петли с другой половиной фартука, закрывавшей спину. В любом случае завязки располагаются на середине длины, обертыва-

ются по поясу и завязываются на спине или в другой части туловища. Вариацией 4-й конструкции можно считать большой пласт кожи с вырезанным посередине отверстием для головы и завязками (поясом) на уровне талии.

Признаками для отнесения к фартукам может быть большая форма изделия (при вероятной реконструкции), наличие завязок или следов от них, а также, что не менее важно, качество кожевенного материала. На такие изделия должна использоваться относительно толстая и стойкая к разрыву кожа КРС (крупного рогатого скота). Кроме того, фартуки должны быть подвержены истиранию поверхности, её закаливанию, повреждению ножами и другими инструментами. В случаях использования при металлообработке, на фартуках могут быть следы попадания раскаленных капель металла – *прожиг*, заваривание и растрескивание поверхности. Все это может служить основанием для поиска подходящих обрезков фартуков в крупных собраниях археологического кожевенного материала.

В археологическом материале эти изделия выделены только в последние годы (Курбатов, 2008а), первоначально в материалах из раскопок Тверского кремля в 1993-1997 гг. Они происходят преимущественно из комплексов и слоев последней четверти XIII – первой четверти XIV вв. Фартуками можно считать фрагменты однотипных изделий – обрезки края изделий вытянутой, округлой формы с усилительными накладками, в которых имеются отверстия для продергивания кожаных ремешков с узлами на концах (рис. 1; 2: 1; 3: 1-7; 4: 20). Концы ремешков могли также продергиваться сквозь пару прорезов, образуя петлю и крепиться узлами и без усилительных накладок (Курбатов 2004, рис. 131: 24; 132: 1-7; 135; 137: 20). Такие предметы, также в виде обрезков верхней части, со следами кожаных завязок, были найдены в южной части Тверского кремля в раскопе 1985 г. (рис. 5: 1-3, 6; 6: 10-11), в слоях XIV–XV вв. (Курбатов, 2006а, рис. 2: 10-11; 13: 1-3, 6).

К кожаному предмету с поврежденной поверхностью, условно, можно отнести обрезок размерами более 22 x 20 см, на котором не сохранилось швов, но кроенного из жесткой кожи КРС толщиной 2,2-2,5 см (рис. 2: 7), с затертой и потрепанной мереей (Курбатов, 2004, рис. 123: 7).

Среди других городов, где встречены подобные однотипные предметы, сегодня можно назвать только Псков и Новгород. В псковских материалах привлекает внимание коллекция из раскопа XIV на ул. Ленина. Здесь в слоях XIV–XV вв. присутствуют 4 обрезка от углов крупных кожаных деталей, на которых сохраняются скопления многочисленных шивных отверстий возле углов (рис. 7: 1-4). Края первоначально кроенных деталей несут следы подшивания – тачные и выворотные швы. На двух деталях сохраняются в первоначальном положении пришитые дополнительные прямоугольные куски кожи. Они сшиты кожаными ремешками, образующими петлю длиной 5-6 см, вытянутую в сторону верхнего угла изделия? (Курбатов, 2006б, с. 107-108; рис. 16: 1-4).

Также предположительно, фрагменты фартуков можно выделить среди крупных обрезков со швами и ремешков-завязок в собрании кожаных изделий Петровского VIII и IX раскопов 2007 г. в Пскове, преимущественно связанных с комплексом мастерской рукавника рубежа XV–XVI в. (рис. 8). В настоящее время эта

коллекция введена в научный оборот только частично (Курбатов, 2008б, с. 210 и сл., рис. 6).

Крупный обрезок фартука с «лямками» и широкой частью «полотна» завеса найден в Новгороде, хотя здесь он назван голенищем сапога (Rybina, 2001: 211, Abb. 11: 5).

Наблюдения и выводы. Таким образом, сегодня мы можем отметить постепенное накопление конкретных археологических данных, свидетельствующих о круге повседневных занятий древних жителей и особенностях их бытового поведения. В этом отношении особенно велико значение массового археологического материала, способов его полевой фиксации и камеральной обработки.

ЛИТЕРАТУРА

- Антропова Я.В., Торопова Е.В., 2001. Средневековая кожаная обувь Старой Руссы: первые результаты исследований // ННЗ. Вып. 15. С. 245-257.
- Архангельский областной словарь. Вып. 1. М., 1980.
- Археалогія Беларусі. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. Мінск. 2001.
- Арциховский А.В., 1944. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: МГУ.
- Вахрос И.С., 1959. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи. Хельсинки.
- Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Громов Г.Г., 1977. Русская одежда // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М. С. 202-216.
- Даль В., 1881-1882. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. СПб.-М. Домострой. Серия: Литературные памятники. СПб.: Наука. 1994.
- Житие Преподобного и Богоносного Отца нашего Сергия Радонежского и всея России Чудотворца. 1853. Троице-Сергиева Лавра.
- Зеленин Д.К., 1982. Терминология лапотного дела // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Сборник МАЭ. Т. XXXVIII. Л. С. 135-144.
- Куликовский Г.И., 1898. Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.
- Курбатов А.В., 1991а. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980-1986 гг.) // КСИА. Вып. 205. М. С. 71-77.
- Курбатов А.В., 2001. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // ТАС. Вып. 4, т. II. Тверь. С. 225-233.
- Курбатов А.В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993-1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с., 153 илл.
- Курбатов А.В., 2006а. Археология и палеоэтнография средневековой Твери (по материалам кожевенного ремесла) // Древняя Тверь. Материалы научной конференции. Тверь. С. 42-72.
- Курбатов А.В., 2006б. Кожаные предметы из раскопов IVA и XIV на ул. Ленина // АИППЗ. Материалы LI научного семинара. Псков. С. 87-112.
- Курбатов А.В., 2007. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы МНК 4-7 октября 2005 г. Великий Новгород, Россия: Дмитрий Буланин. СПб. С. 89-133.
- Курбатов А.В., 2008а. Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России // Stratum+, № 5. 2006-2007. Сборник памяти В.В. и М.В. Седовых. 2008. Кишинев – СПб. С. 284-310.
- Курбатов А.В., 2008б. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН, № 3. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 210-233.
- Курбатов А.В., Харлашов Б.Н., 2004. Кожевенное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. // АИППЗ. Материалы 50 научного семинара. Псков. С. 137-153.
- Левашева В.П., 1959. Изделия из дерева, луба и бересты // Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ. Вып. 33. М. С. 61-93.

Новгородский областной словарь. Вып. 1, 12.

Подвысоцкий А.О., 1885. Словарь областного Архангельского наречия. СПб.

Псковский областной словарь. Л. Вып. 1 (1967).

Рабинович М.Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (1975), 2 (1975), 4 (1977), 5 (1978), 7 (1980), 8 (1981), 10 (1983), 14 (1988), 17 (1991), 18 (1992), 20 (1995), 22 (1995), 23 (1996), 25 (2000), 28 (2008). М: Наука.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1(1984), 2(1985), 5(1989). Л./СПб.

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1. СПб., 2003.

Словарь русских говоров Сибири. Вып. 3 (2002). Новосибирск.

Словарь русских народных говоров. Вып. 2 (2-е изд. 2002), 3 (2-е изд. 2002), 7 (2-е изд. 2002), 8 (1972), 10 (1974), 24 (1989), 26 (1991), 27 (1992), 30 (1996), 38 (2004). Л./СПб.: Наука.

Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Доброва О.П., Мясникова С.В., 2005. Итоги археологических исследований на Пятницком раскопе в Старой Руссе в 2004 г. // ННЗ. Вып. 19. Великий Новгород. С. 48-53.

Фасмер М., 1996. Этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. СПб.

Grew F. & de Neergaard M., 1988. Shoes and pattens // Medieval finds from excavation in London: 2. London.

Rybina E. A., 2001. Die Funde als Spiegel des Lebens Alltag im mittelalterlichen Novgorod // Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Band. 1. Wachholtz. S. 211-215.

Turnau I., 1983. Polskie skornictwo. Ossolineum. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Lódź.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Е.А. Яковлева. Археология в Пскове в 2008 году

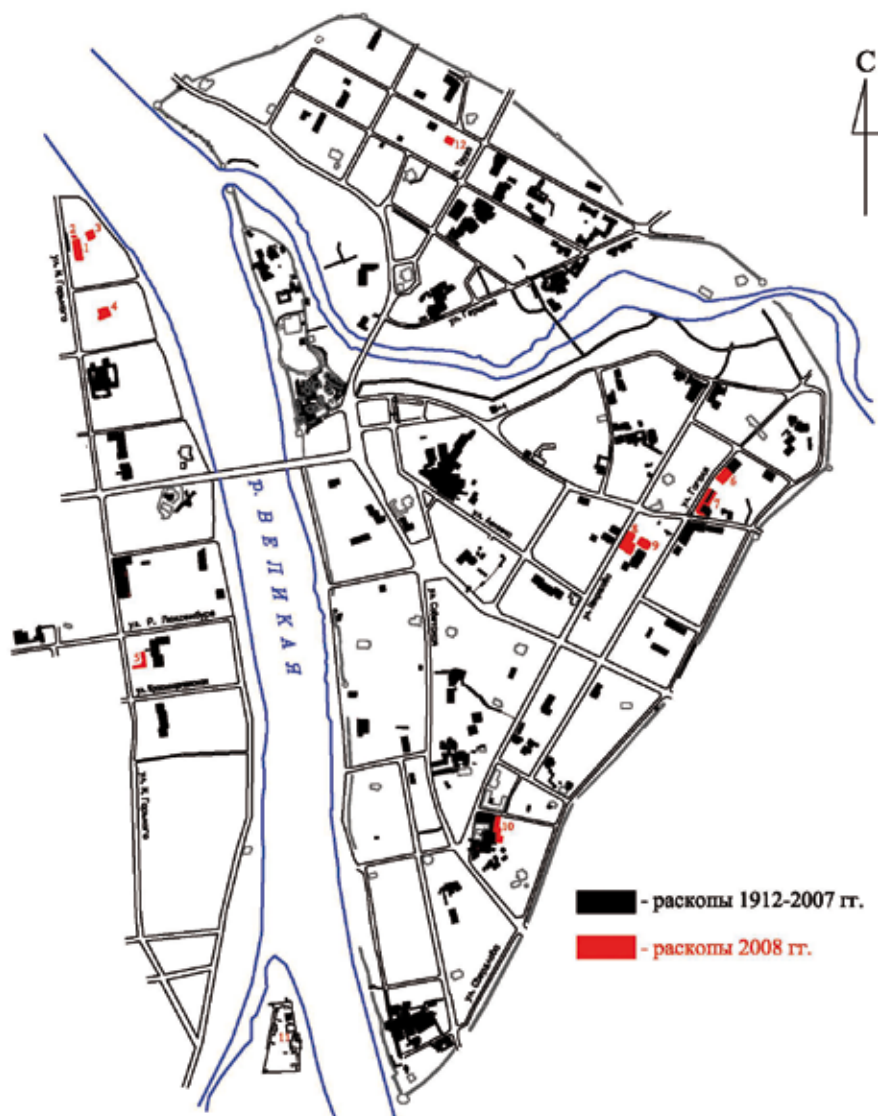

Рис. 1. Схема расположения раскопов 2008 г. в Пскове: 1 – Ольгинский V, 2 – Ольгинский VI, 3 – Ольгинский VII, 4 – Ольгинский VIII, 5 – Изборский XII, 6 – Петровский VI, 7 – Петровские VIII–IX, 8 – Новоторговские VI–VII, 9 – Новоторговский VIII, 10 – Подзноевский XII, 11 – Мирожский монастырь, 12 – Образский.

Рис. 2. Петровский VI раскоп. Деревянный магистральный коллектор XVIII в.
Фото Т.Ю. Закуриной.

Рис. 3. Петровские VIII–IX раскопы. Общий вид с севера. Фото Е.В. Салминой.

Рис. 4. Новоторговский VII раскоп. Общий вид центральной части. Вид с Ю.
Фото А.В. Яковлева.

Рис. 5. Подзноевский XII раскоп. Общий вид на уровне завершения работ. Вид с С.
Фото Т.Е. Ершовой.

Рис. 6. Подзноевский XII раскоп. Камерное погребение №VI. Железные оковки несохранившихся деревянных сундука и ведра. Фото Т.Е. Ершовой.

Рис. 7. Ольгинский V раскоп. Кельи Ильинского монастыря. Вид с В. Фото Е.В. Салминой.

Рис. 8. Изборский XII раскоп. Фрагменты посуды XII–XIII вв. Фото С.В. Степанова.

Рис. 9. Мирожский монастырь. Шурф у центральной апсиды Спасо-Преображенского собора. Вид с В. Фото Т.Ю. Закуриной.

Рис. 10. Образский раскоп. Женское погребение с украшениями. Фото А.В. Михайлова.

Рис. 11. Залахтовский археологический комплекс. Место проведения раскопок 2008 г. Фото А.В. Михайлова.

Рис. 12. Мальской монастырь. Раскоп 3. Вид с 3. Фото Е.А. Яковлевой.

Рис. 13. Изборская крепость. Шурф у башни Рябиновки. Фото Т.Ю. Закуриной.

Рис. 14. Подземные помещения, открывшиеся в провале у дома на ул. К. Либкнехта, 8а. Фото Е.А. Яковлевой.

Рис. 15. 55-е заседание семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» им. академика В.В. Седова.

Рис. 16. Выставка «Находки и открытия — 2008» в Приказной палате Псковского кремля.
Фото Р.Г. Подгорной.

Т.Е. Ершова. Погребение 6 псковского камерного некрополя и привеска со знаком Рюриковичей

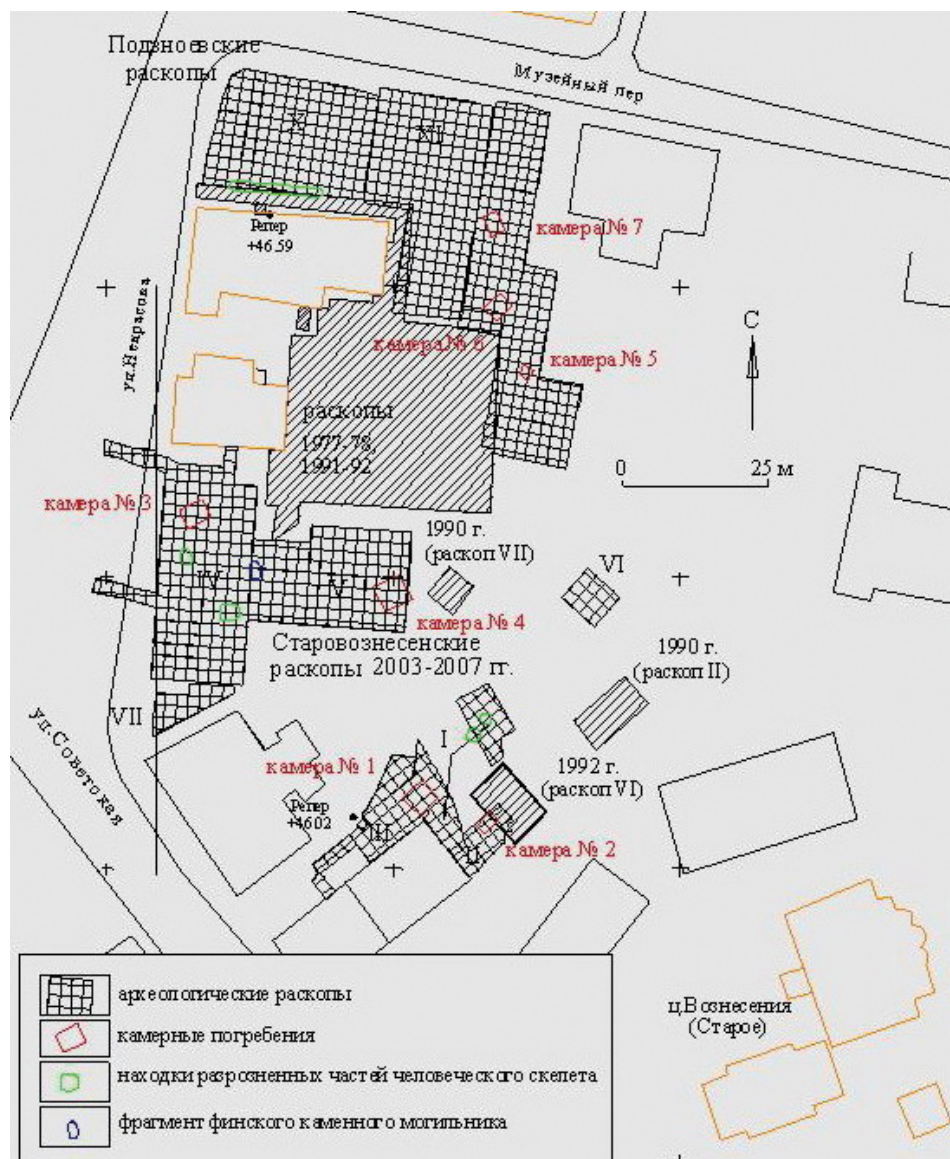

Рис. 1. Схема расположения камерных погребений.

Рис. 2. Конструкция камеры со срубом и расположением находок.

Рис. 3. Доска с красочным слоем.

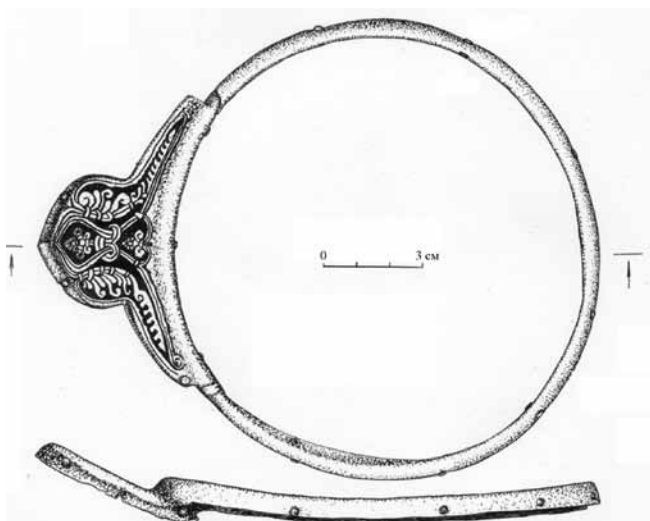

Рис. 4. Серебряная ручка ковша, украшенная растительным орнаментом выполненным в технике черни.

Рис. 5. Крест серебряный нательный.

Рис. 6. Подвеска со знаком Рюриковичей, найденная в погребении.

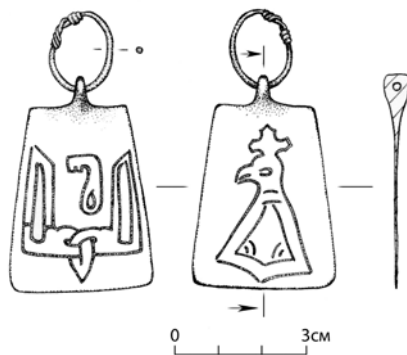

Рис. 7. Лицевая сторона серебряной привески с изображением двузуба и оборотная сторона серебряной привески с изображением птицы.

С.А. Салмин, Е.В. Салмина, Т.Ф. Прибурова.
Находка каменного изваяния на Завеличье в Пскове
(предварительная публикация)

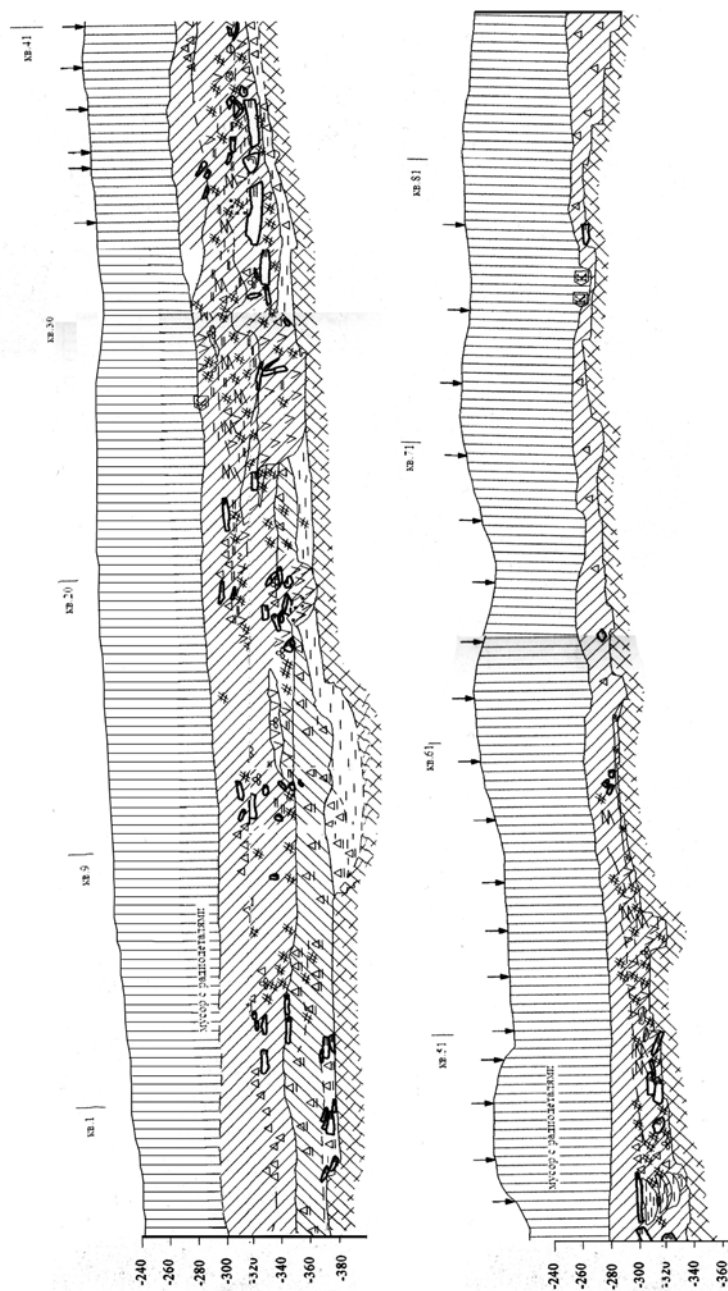

Рис. 1. Разрез напастовый в восточном профиле Ольгинского V раскопа.

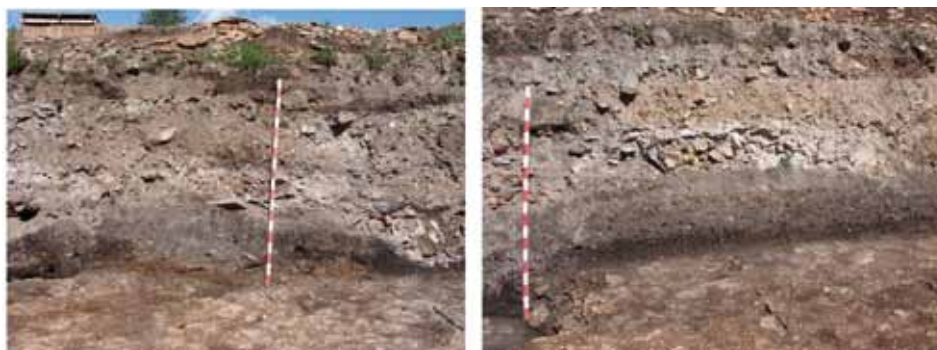

Рис. 2. Восточный профиль Ольгинского VI раскопа.

Рис. 3. Находки из предматериковых отложений на Ольгинском VI раскопе: *a, e* – фибулы; *b, c, d* – бусины; *f* – подвеска из клыка животного; *g* – ложечка; *h, i* – булавки; *a, e, g, h, i* – бронза; *b, c, d* – паста; *f* – кость.

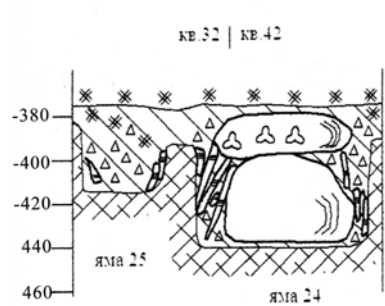

Рис. 4. Разрез ямы 24 и прилегающих отложений.

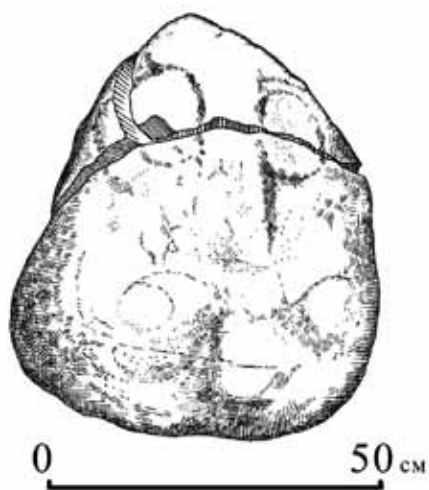

Рис. 5. Каменное изваяние из ямы 24.

**Т.Ю. Закурина. Петровский VI раскоп
(археологические данные по благоустройству
и планировке квартала в юго-восточной части
Окольного города в XVIII–XX вв.)**

Рис. 1. Схема совмещения объектов планов 1740, 1857, 1930 гг. и Петровского VI раскопа.

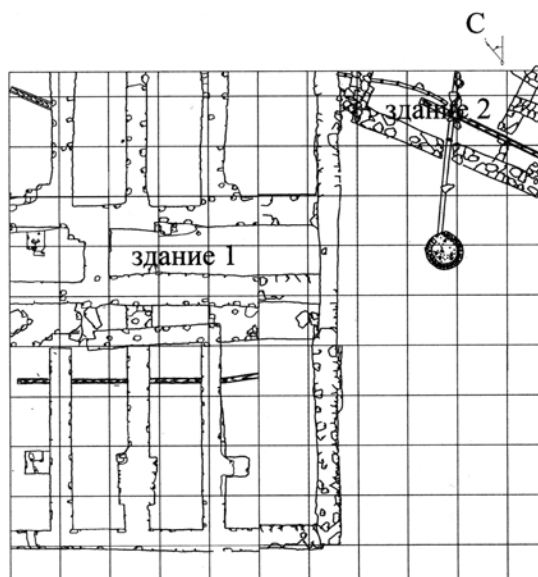

Рис. 2. Фундаменты зданий XIX–XX вв. в северной части раскопа.

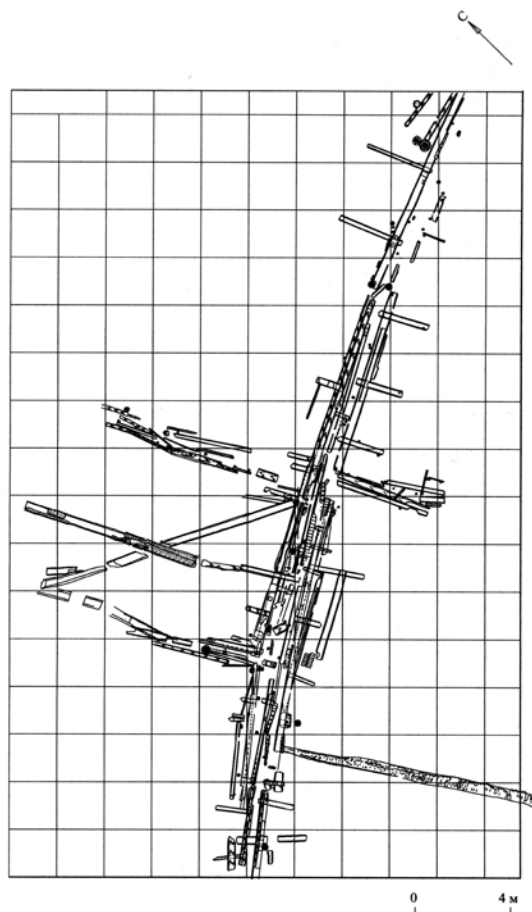

Рис. 3. Водоотводное сооружение.

Рис. 4. Водоотводное сооружение. Вид с юго-запада.

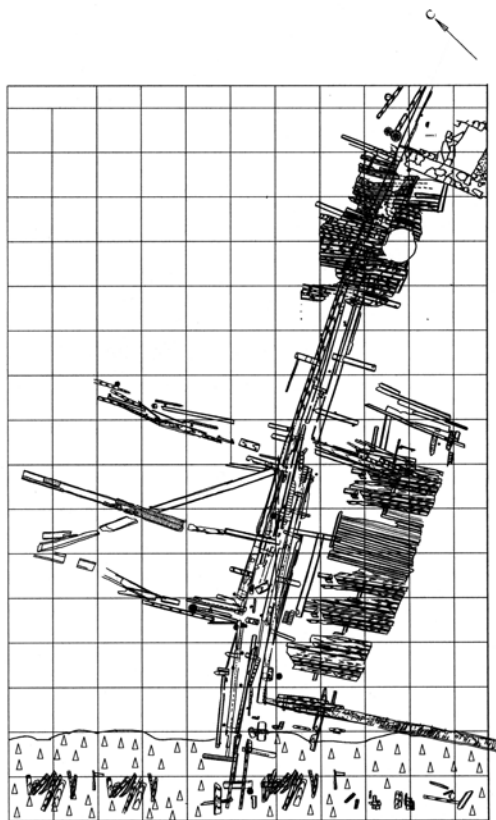

Рис. 5. Водоотводное сооружение, уличная мостовая, замощение площади.

Рис. 6. Уличная мостовая. Вид с северо-востока.

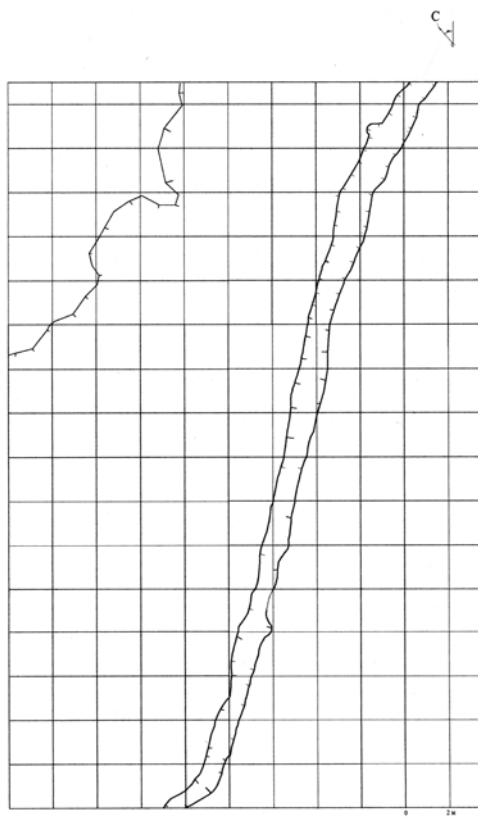

Рис. 7. Русло ручья.

Рис. 8. Русло ручья. Вид с юго-востока.

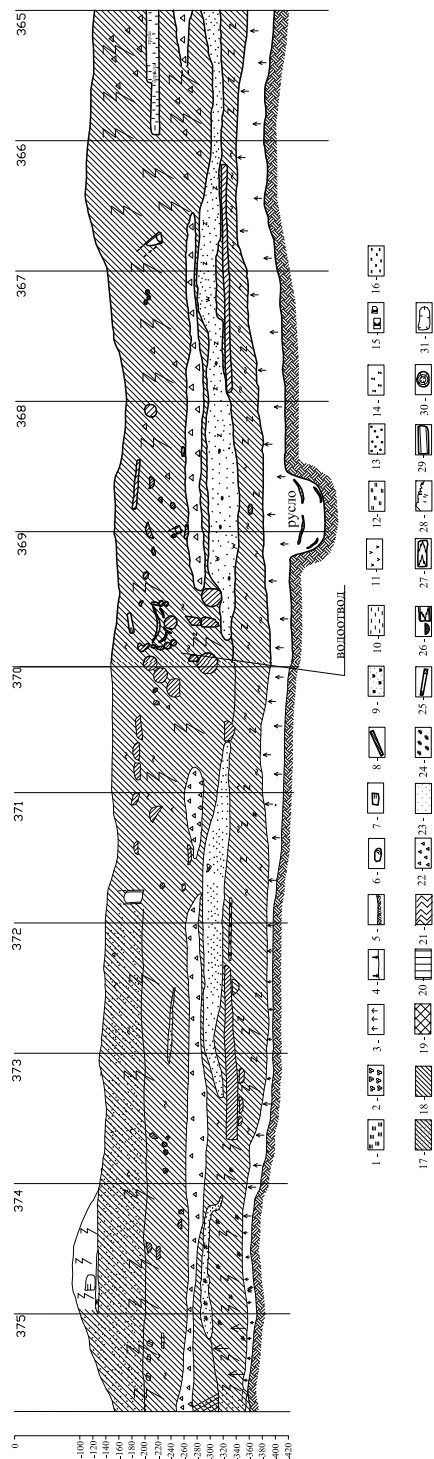

Рис. 9. Профиль кожной стенки раскопа. Водоотвод, русло ручья: 1 – прокаленная глина, 2 – шлак железный, природные ферриты, 3 – погребенный дерн в разрезе, 4 – уровень дерна, 5 – материк, 6 – валун, 7 – известняк, 8 – доска на ребре, 9 – гумусированный песок, 10 – глина, 11 – зола, 12 – обожженная глина, 13 – известковый раствор, 14 – щепа, 15 – кирпич, 16 – древесный тлен, 17 – серо-коричневый слой, 18 – темно-серый слой, 19 – черный слой, 20 – перекоп, 21 – перемешанный слой, 22 – щебень, 23 – песок, 24 – уголь, 25 – доска на торце, 26 – плаха, 27 – доска, 28 – береста, 29 – бревно, 30 – столб, 31 – яма.

**Е.В. Салмина. Работы на Петровских VIII–IX раскопах
в 2007–2008 гг.**

Рис. 1. Схема расположения Петровских раскопов.

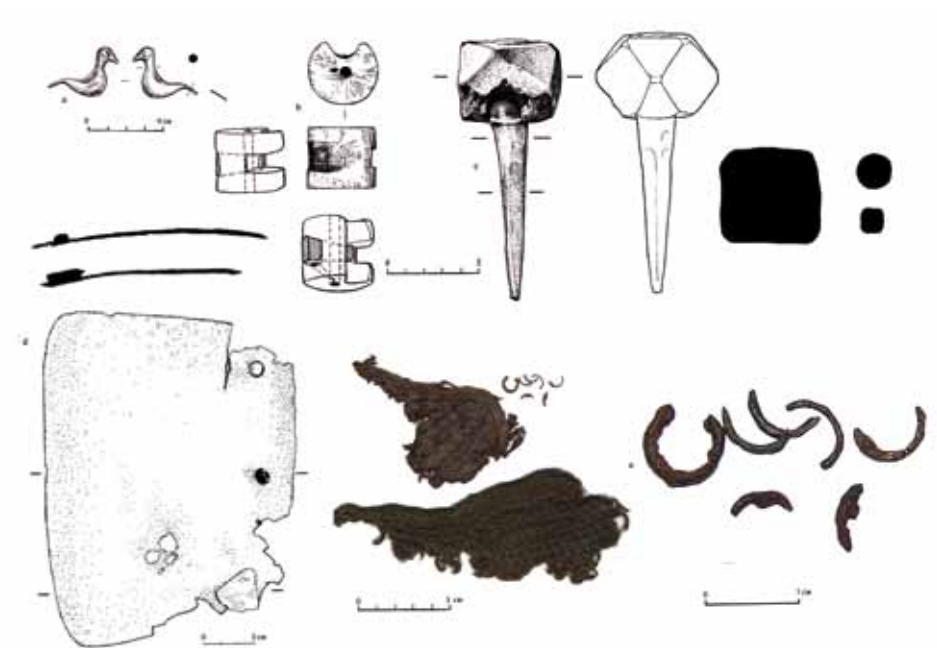

Рис. 2. Находки из отложений, предшествующих периоду регулярной застройки: *a* – птичка-украшение ручки сосуда, *b* – «орешек» арбалета, *c* – булава, *d* – пластина бригады, *e* – кольчужные кольца и фрагменты поддоспешной одежды; *a* – бронза, *b* – рог, *c* – *d* – железо, *e* – шерсть, железо.

Рис. 3. Постройка последней четверти XVI в., уч. Е, Петровский IX раскоп. Вид с востока.

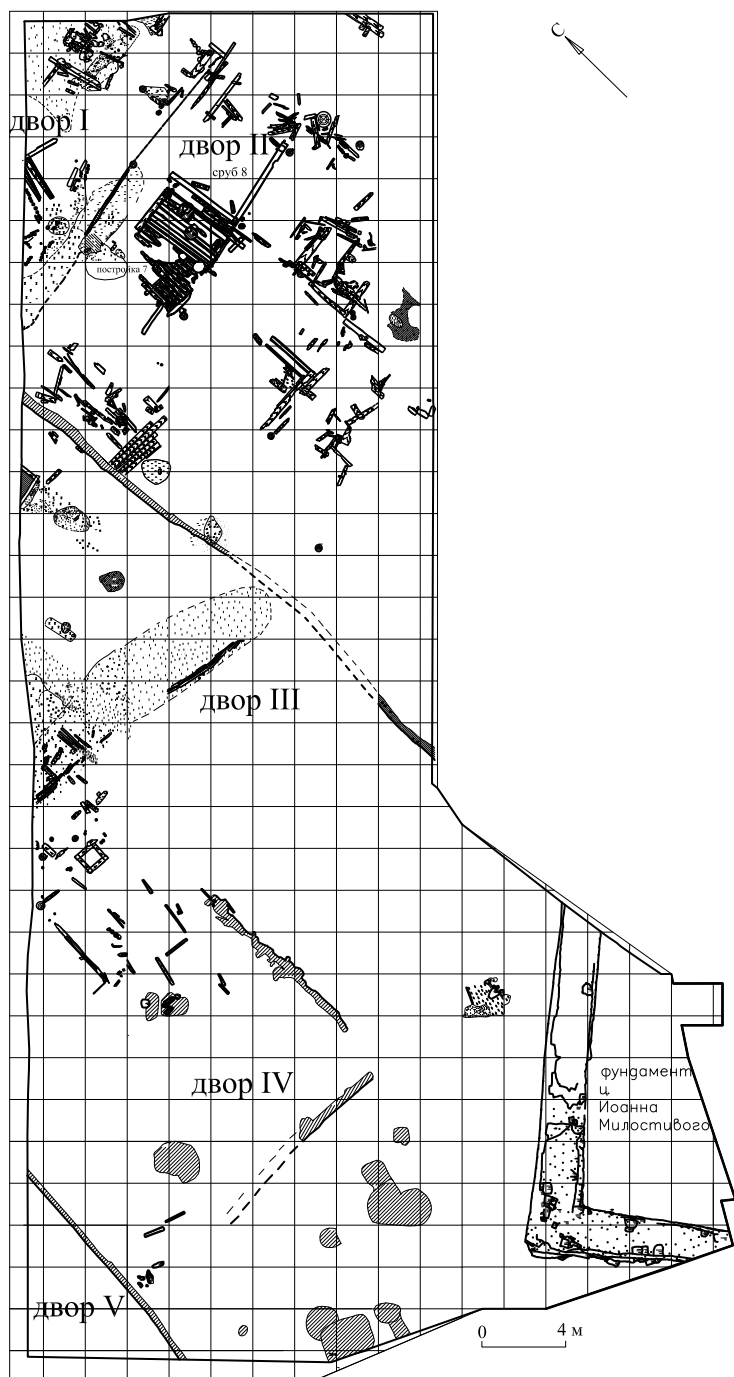

Рис. 4. Горизонт застройки 2-й четверти – середины XVII в. Петровские VIII и IX раскопы.

Рис. 5. Срубные постройки 2-й четверти – середины XVII в. в северной части Петровского IX раскопа.
Вид с востока.

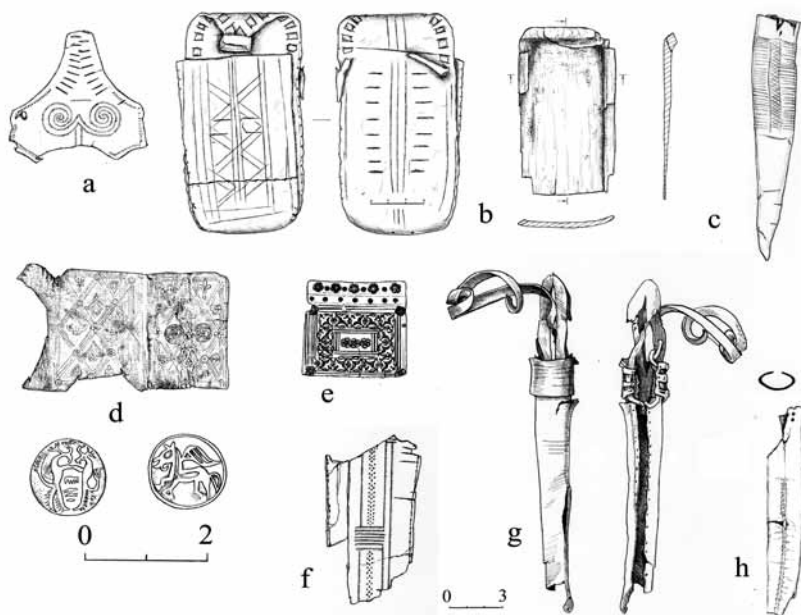

Рис. 6. Изделия из кожи и дерева: *a* – декоративная деталь, *b* – цера в футляре; *c, f, g, h* – ножны; *d, e* – футляры; *a* – кожа, железо; *b* – кожа, дерево; *c-h* – кожа.

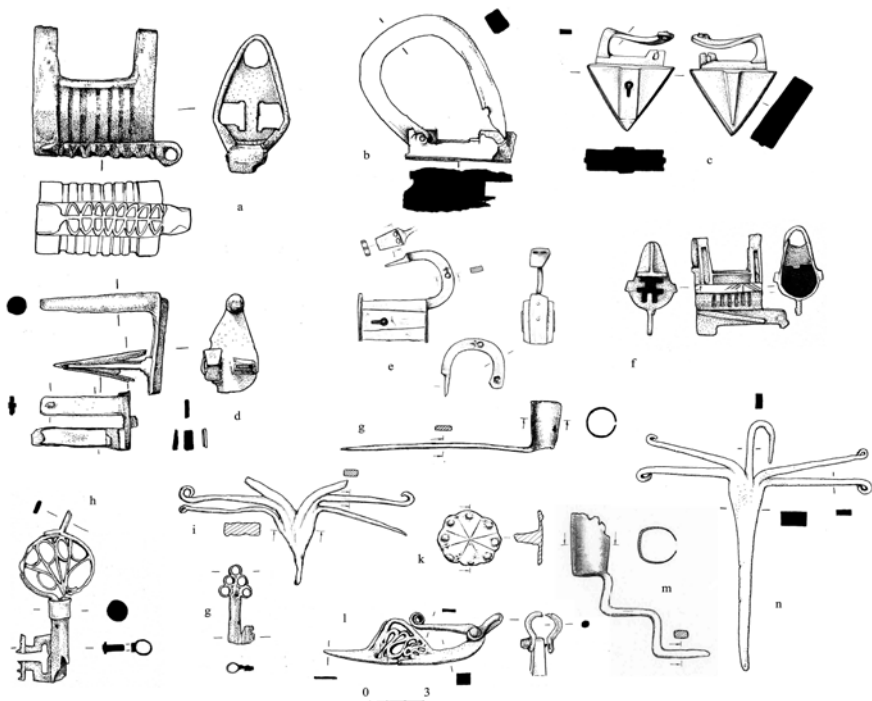

Рис. 7. Изделия из металла: *a, b, c, d, e, f* – замки; *g, m* – подсвечники; *h, g* – ключи; *i, n* – светцы; *k* – декоративная заклепка; *l* – кресало; *a, c, d, e, f, g, h, l* – железо, бронза; *b, i, m, n* – железо; *k* – железо, лужение.

Рис. 9. Сруб 5 в северной части раскопа Петровский IX. Вид с востока.

Рис. 8. Горизонт застройки 1660-1680 гг. – конец XVIII в.

Рис. 10. Настил в юго-западной части Петровского VIII раскопа. Вид с северо-запада.

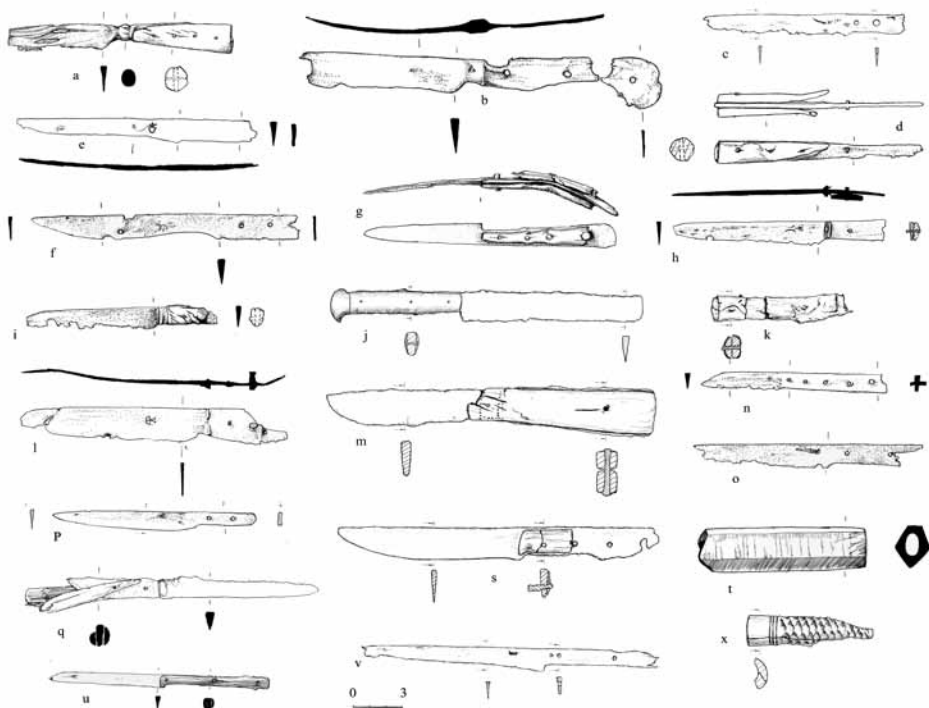

Рис. 11. Ножи и рукояти ножей: *a, d, g, i, q, s* – железо, дерево; *b, c, e, f, l, n, o, p, v* – железо; *h, k, t, u* – железо, цв. металл, дерево; *j* – железо, кость; *t, x* – кость.

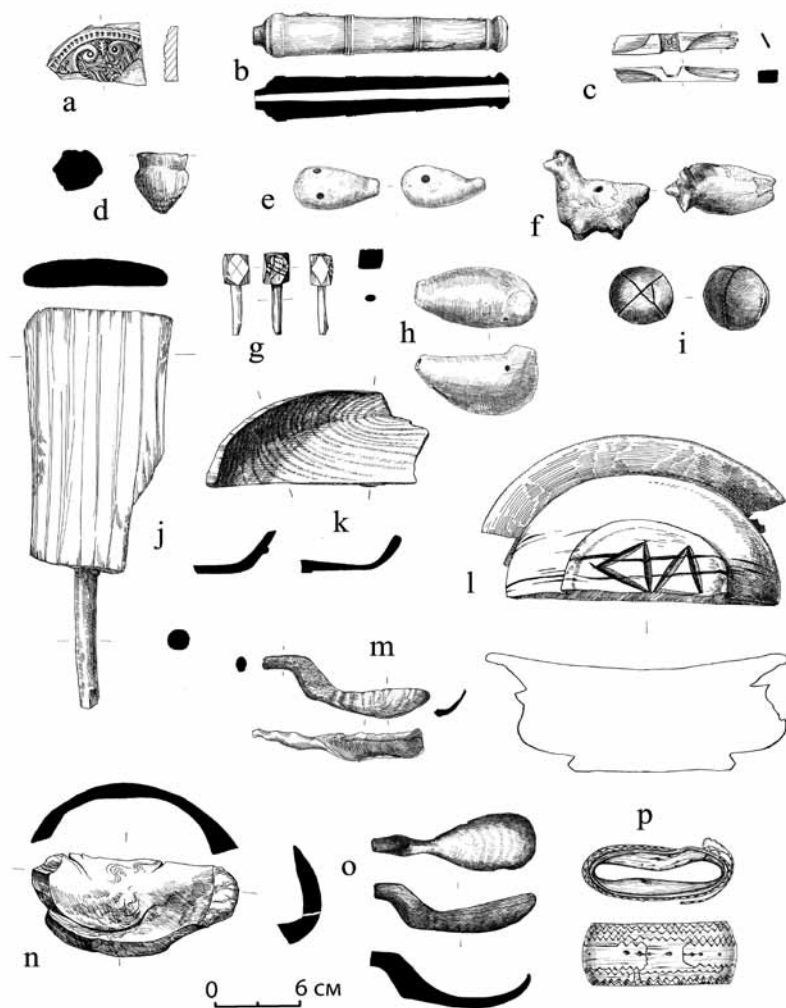

Рис. 12. Игрушки и утварь: *a* – сосуда западноевропейского фрагмент; *b* – игрушечная пушечка; *c* – вертушка; *d* – волчок; *e, f, h* – свистульки; *g* – изделие декоративное; *i* – мячик; *j* – лопасть игрушечной прятки (?); *k* – чаша; *l* – миса; *m, o* – ложки; *n* – заготовка ковши; *p* – декоративная деталь туеса; *a, e, f, h* – керамика; *b, c, d, g, j, k, l, m, n, o* – дерево; *i* – кожа; конский волос; *p* – береста.

Рис. 13. Сруб 1 в центральной части Петровского IX раскопа: вид с юго-востока.

**С.В. Степанов. Керамический комплекс XI–XII вв.
из Изборского XII раскопа
(проблемы хронологии и датировок)**

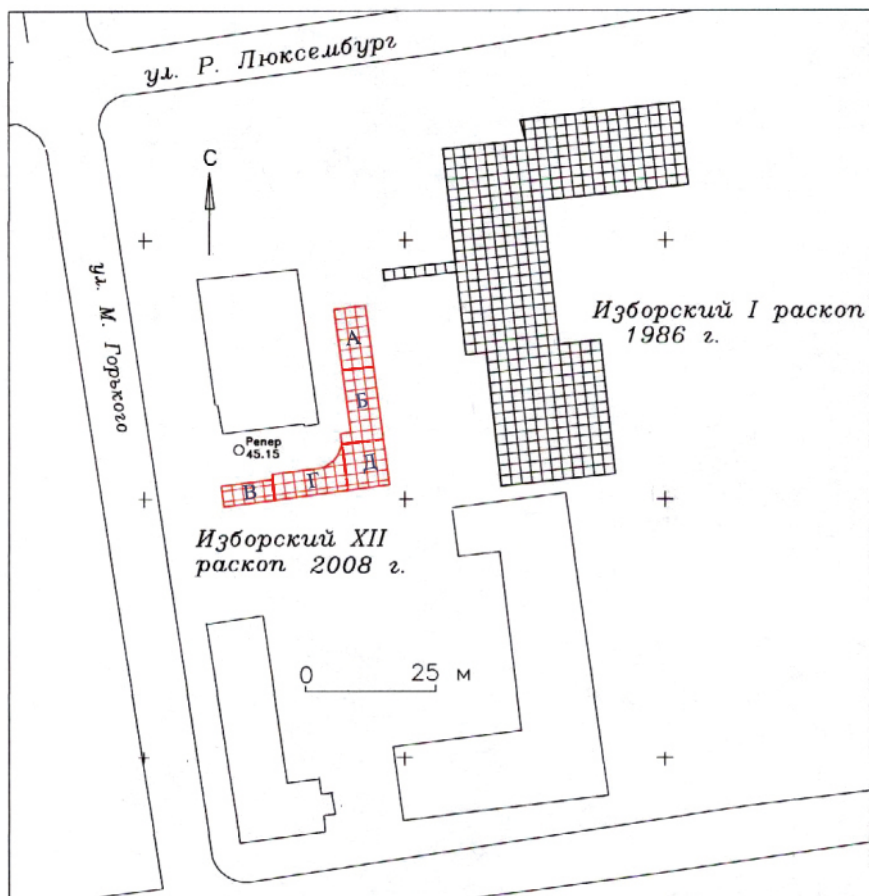

Рис. 1. Ситуационный план Изборского XII раскопа с обозначением участков раскопа.

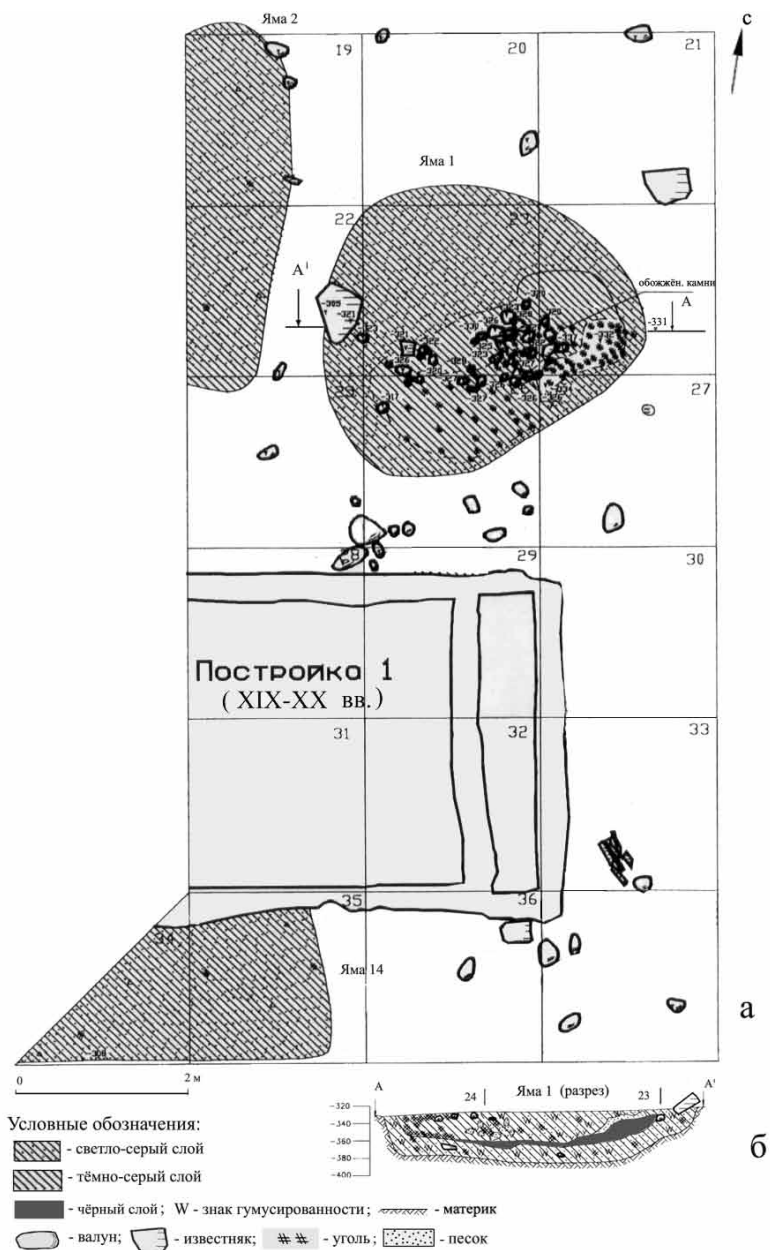

Рис. 2. Чертёж участка Б: а – комплекса ям XI–XII вв.; б – разрез ямы 1 по линии 3В (А–А').

Рис. 3. Ямы 1, 2 после выборки слоя заполнения. Вид с ССЗ.

Рис. 4. Скопления валунных камней севернее площадки нахождения ям 1, 2, 14. Вид с С.

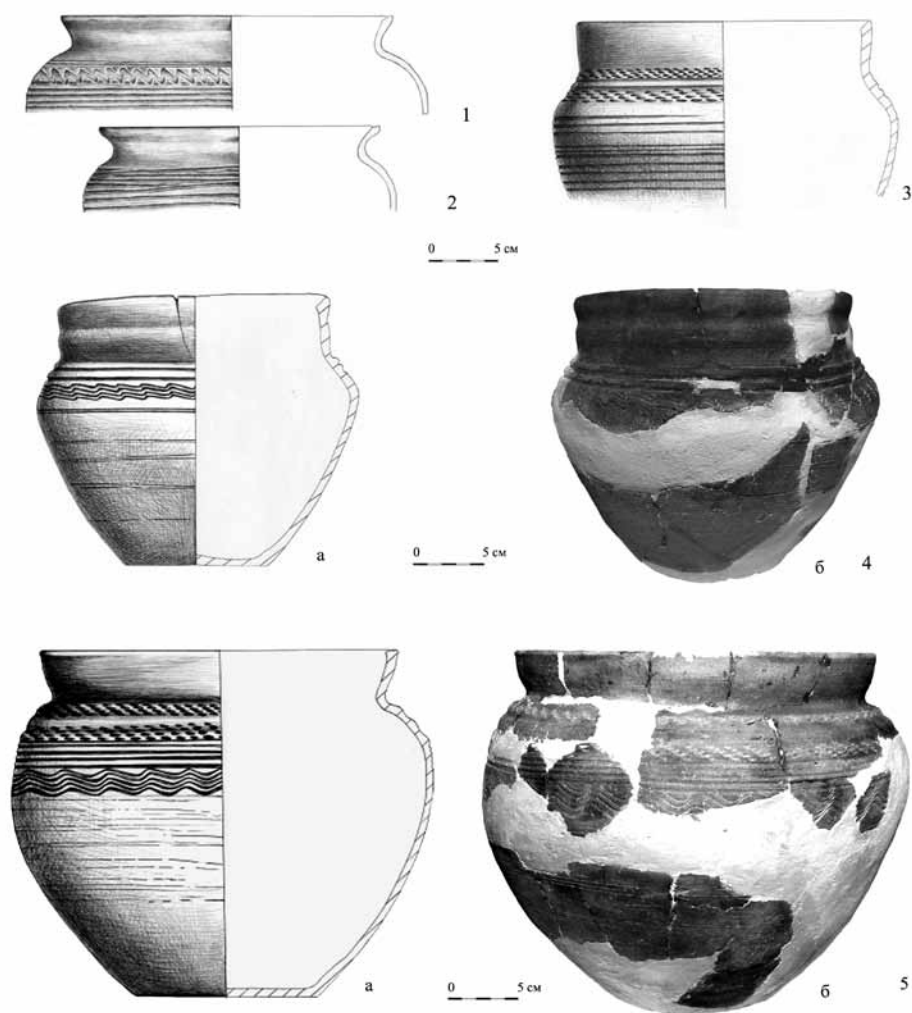

Рис. 5. Формы керамики из заполнения ямы 1 : 1-3, 4а, 5а – прорисовка; 4 б, 5 б – фото (реконструкция форм выполнена А.Е. Королёвым и С.В. Степановым).

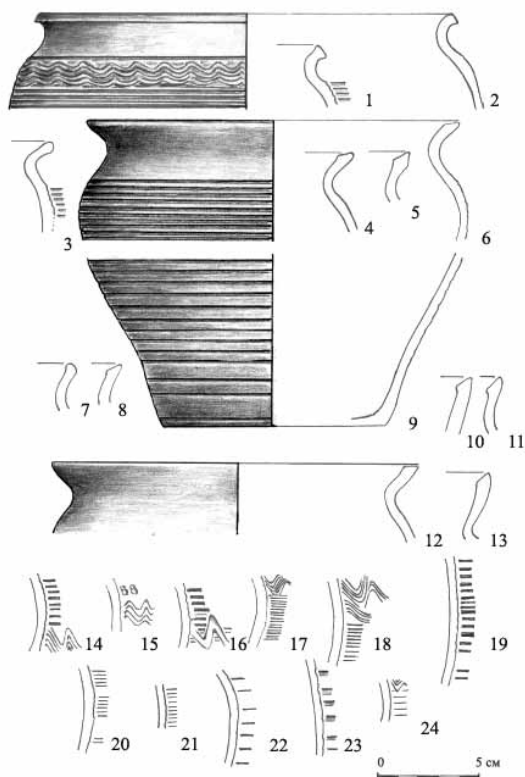

Рис. 6. Керамика из заполнения ямы 1 (1-13 – венчики, 14-24 – орнаментированные стенки).

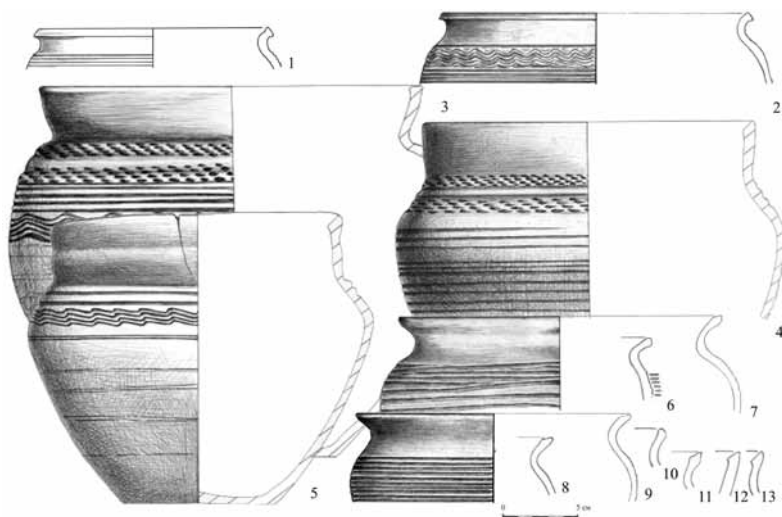

Рис. 7. Сводная таблица основных форм керамики из заполнения ямы 1.

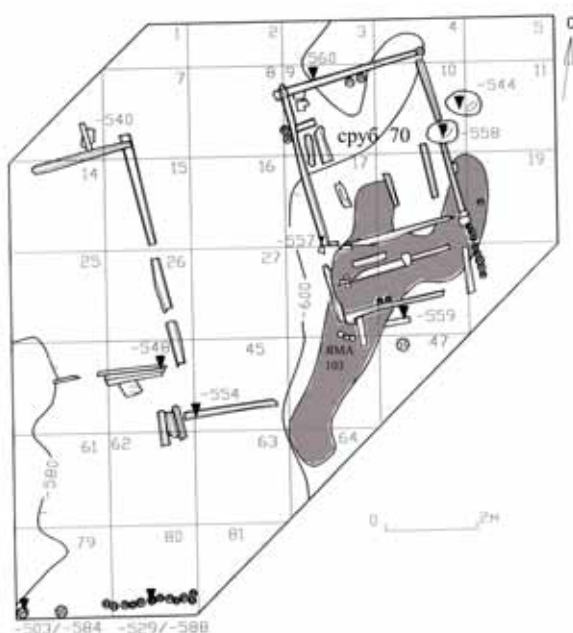

Рис. 8. План нижнего яруса застройки, перекрывающего материковую яму 103 с обозначением горизонталей рельефа материка (сечение горизонталей 0,2 м). Раскоп X, 1990 г. (чертёжные участки А, Б).

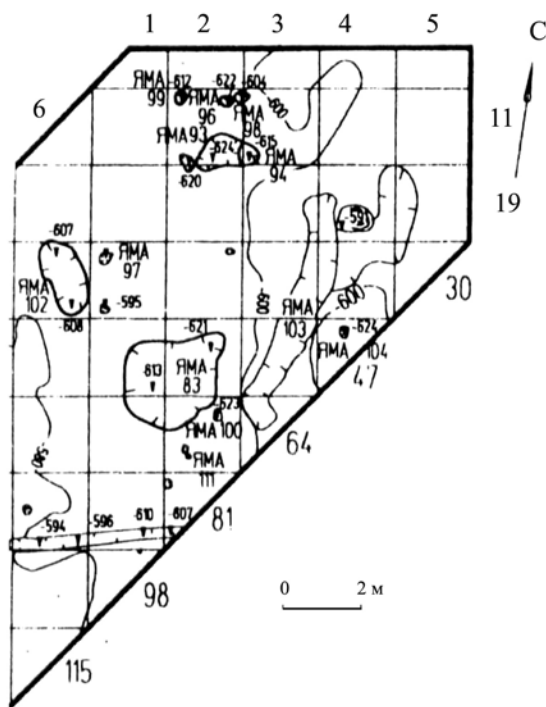

Рис. 9. План расположения материковых ям. Раскоп X, 1990 г. (участки А, Б).

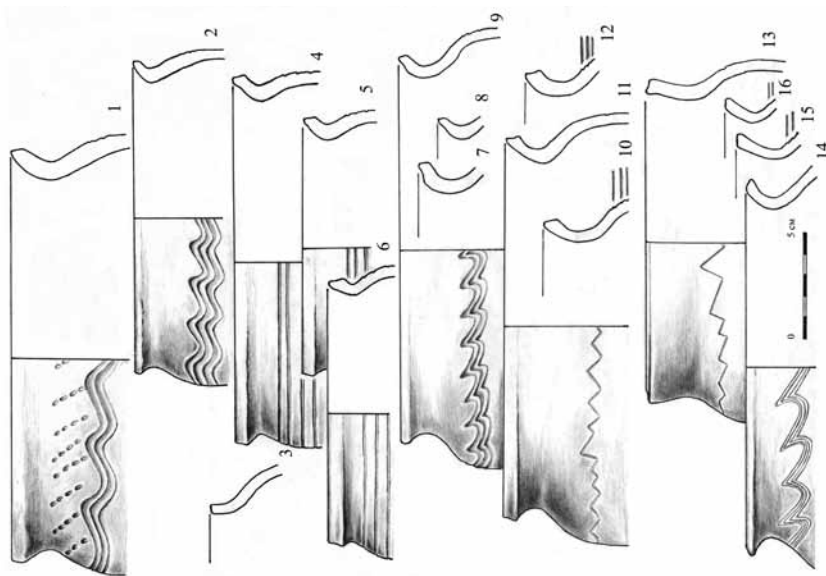

Рис. 10. Раскоп X на ул. Ленина 1990 г. (участки А, Б). Керамический набор 1 группы из заполнения ямы 103 (1 – лентная керамика, 2 – раннекруговая керамика, 3-16 – гончарная керамика).

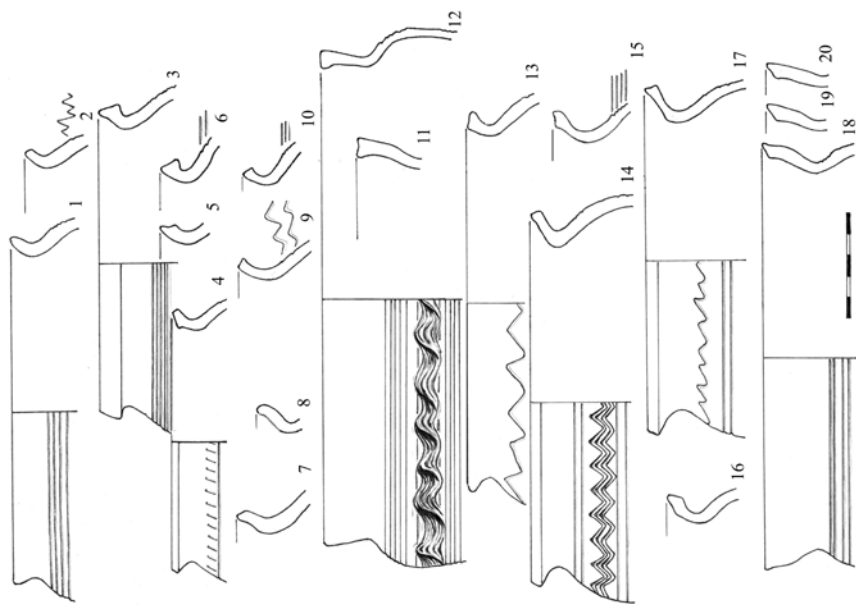

Рис. 11. Раскоп X на ул. Ленина 1990 г. (участки А, Б). Керамический набор 2 группы из отложенный слоя доярского времени (1-20 – круговая керамика).

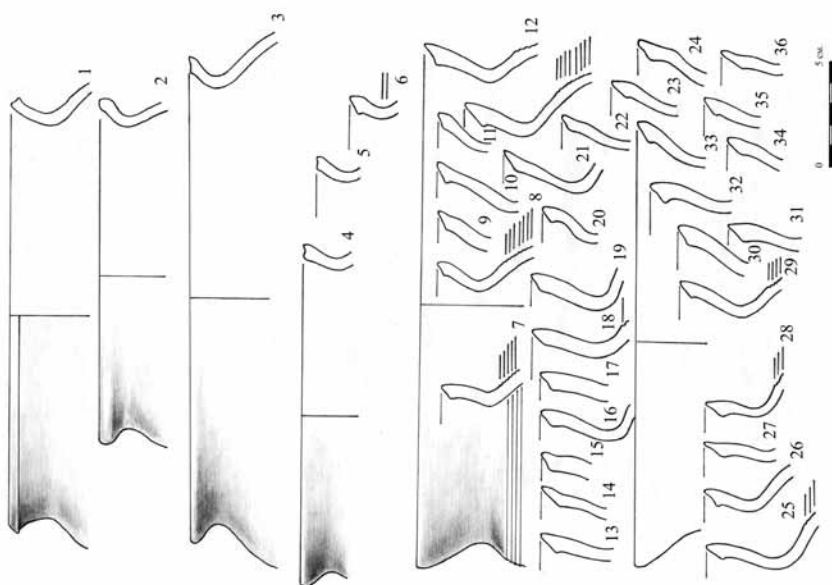
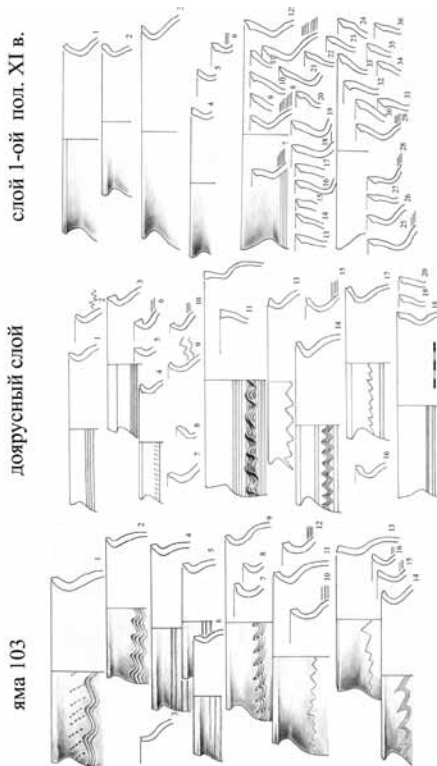

Рис. 12. Раскоп Х на ул. Ленина 1990 г. (участки А, Б). Керамический набор 3 группы из отложений слоя времени функционирования нижнего яруса застройки (1-36 – круговая керамика).

РАСКОП Х

ИЗБОРСКИЙ XII РАСКОП. Яма 1

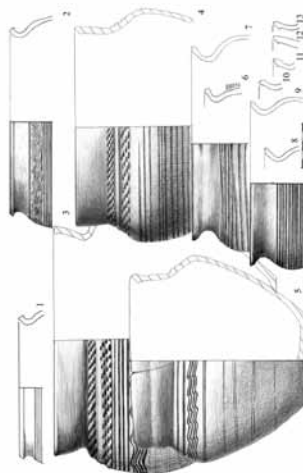

Рис. 13. Сводная таблица сопоставления выделенных групп керамики раскопа Х и керамического комплекса Изборского XII раскопа.

Г.С. Гофман, Б.Н. Харлашов. Об отопительном устройстве Трапезной церкви Мальского монастыря

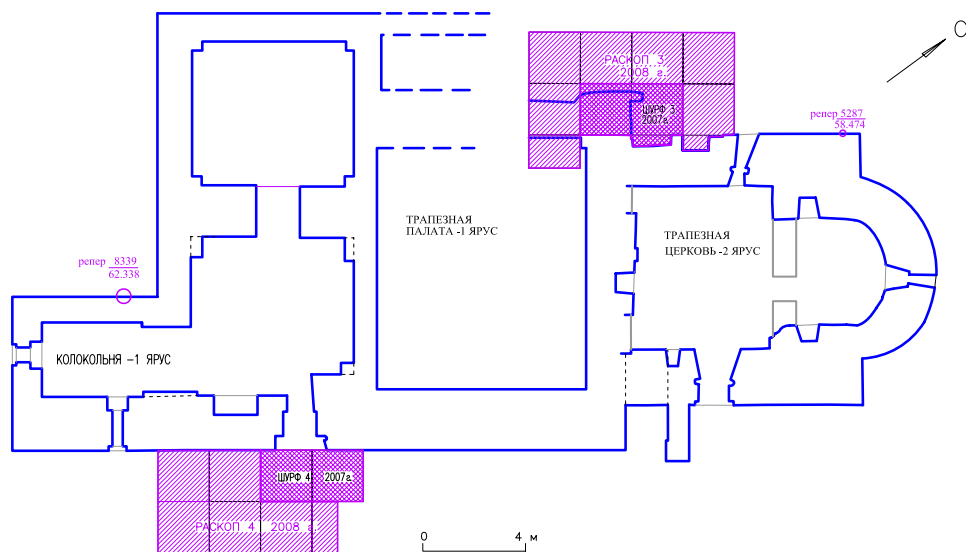

Рис.1. План комплекса трапезной Мальского монастыря с расположением раскопов 2007, 2008 гг.

Рис. 2. Основание крыльца в раскопе 4. Вид с 3.

Рис. 5. Раскоп 3 после повторной расчистки печи в 2008 г. (с воздуховодами в стенах трапезной).
Вид с 3.

Рис.6. Фундамент пристройки с печью и фундамент более ранней постройки в раскопе 3.
Вид с С.

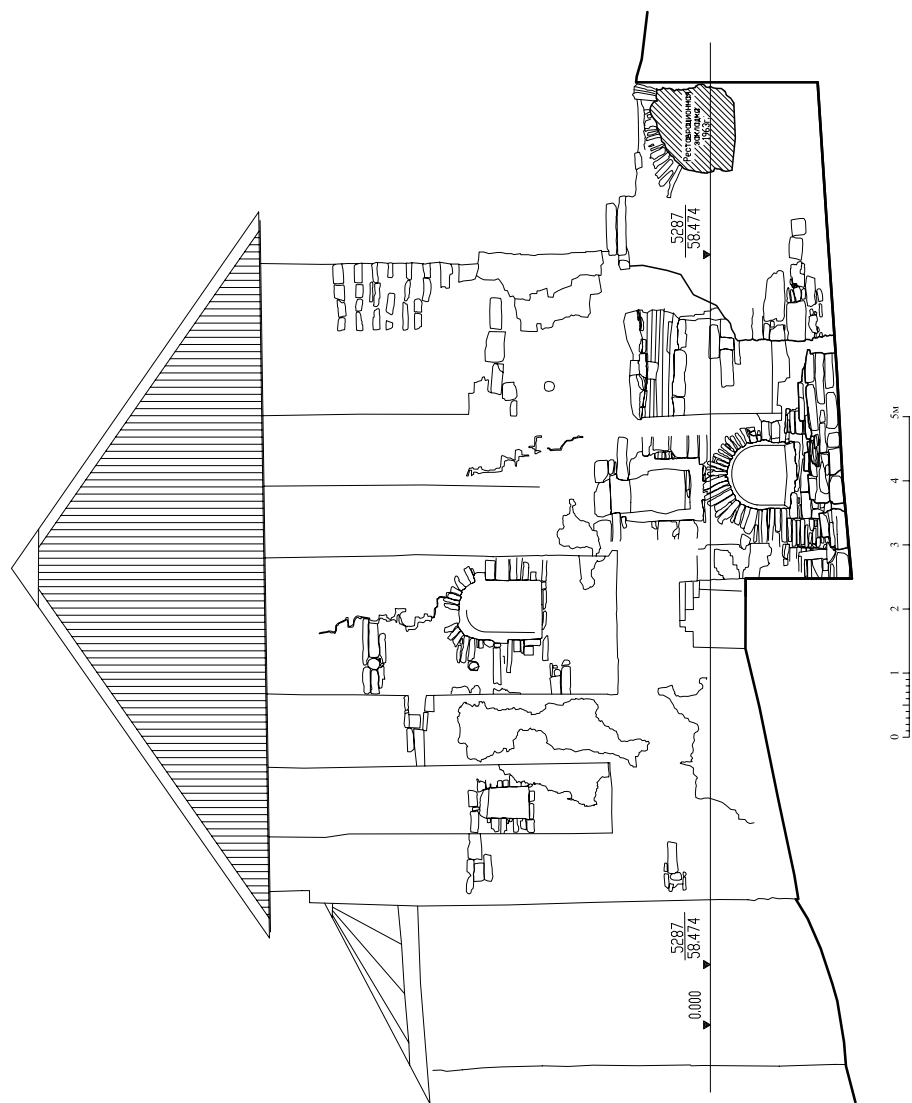

Рис. 7. Северо-западный фасад трапезной с архитектурными открытиями в раскопе 3.

**С.Г. Попов. К вопросу о ранней хронологии
культуры длинных курганов
(по материалам поселений Горка и Горка-10)**

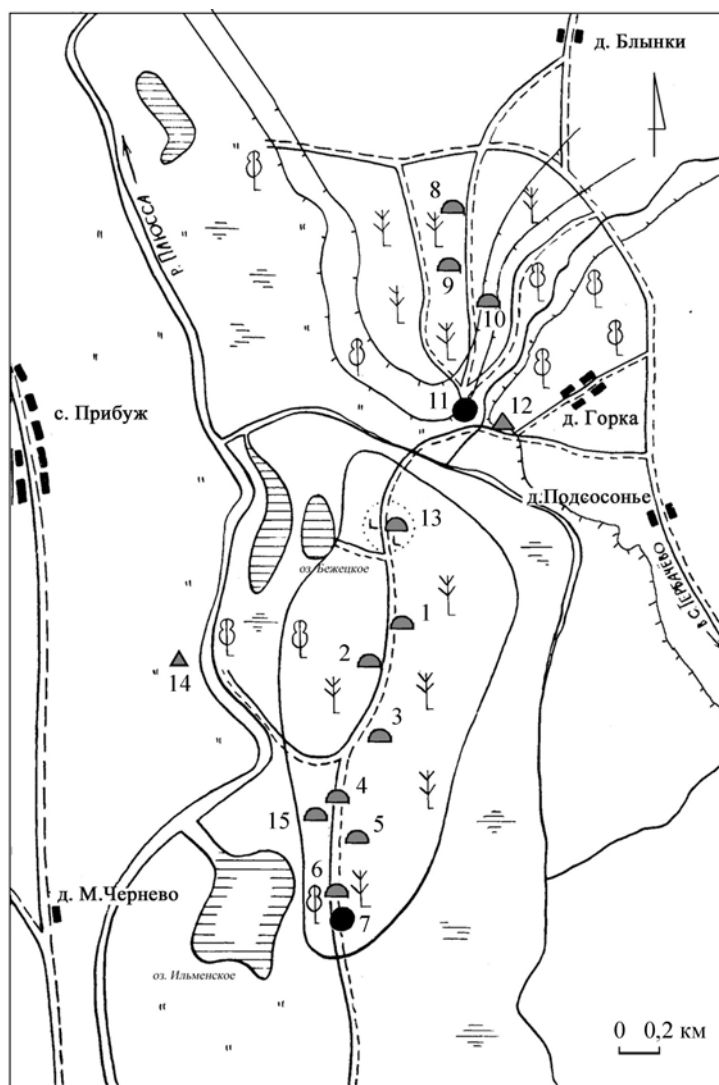

Рис. 1. Схематический план расположения археологических памятников у д. Горка: 1 – курганный могильник Горка-4, 2 – одиночный курган Горка-9, 3 – курганный могильник Горка-5, 4 – курганный могильник Горка-6, 5 – курганный могильник Горка-7, 6 – курганный могильник Горка-8, 7 – селище Горка-10, 8 – курганный могильник Горка-2, 9 – одиночный курган Горка-1, 10 – курганный могильник Горка-11, 11 – селище Горка, 12 – городище у д. Горка, 13 – курганный могильник Горка-3, 14 – городище у д. Прибуж, 15 – одиночный курган Горка-12.

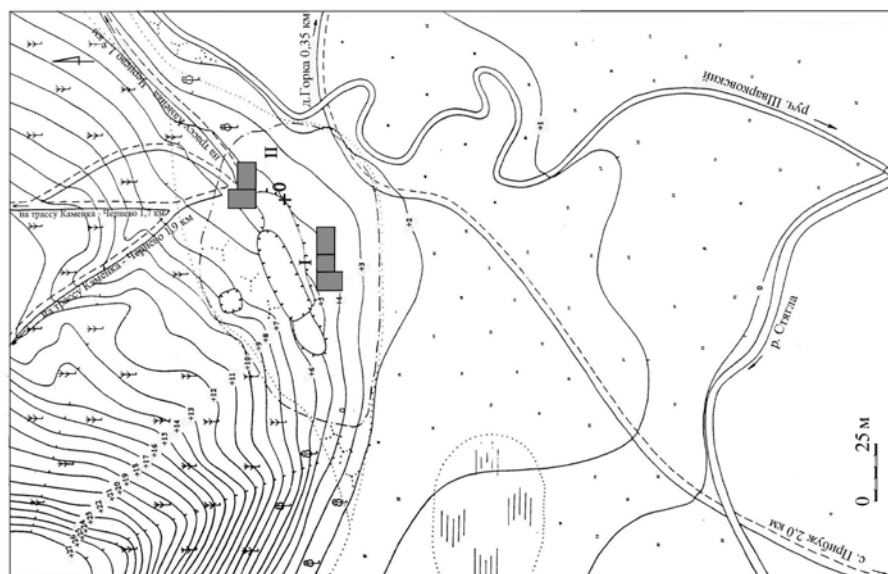

Рис. 2. Инструментальный план поселения Горка с нанесенными на него раскопами. Горизонтали проведены через 1 м.

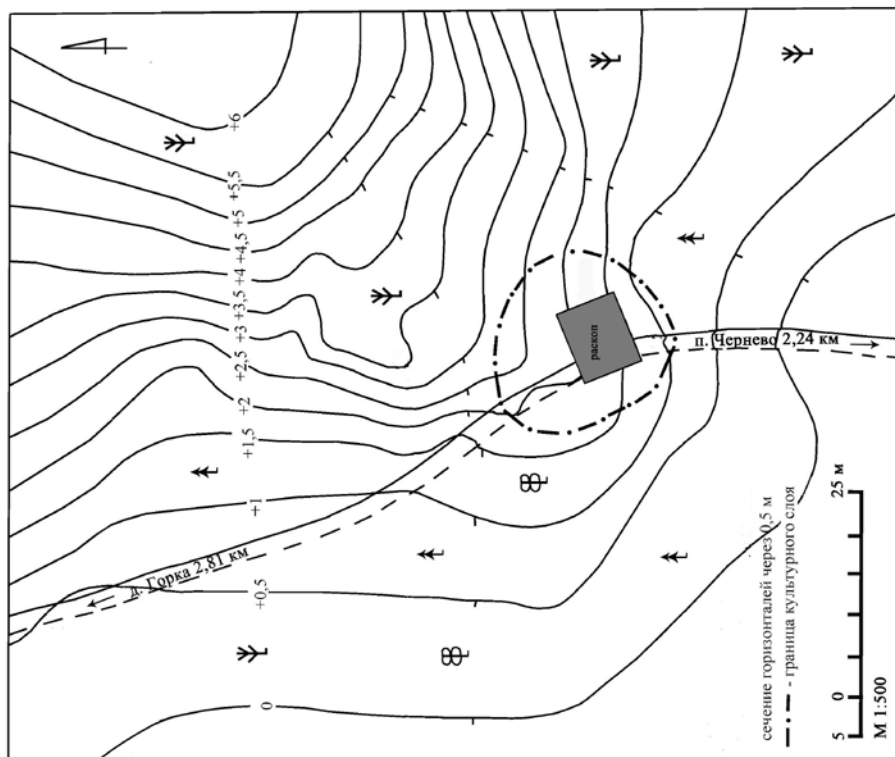

Рис. 3. Инструментальный план поселения Горка-10 с нанесенным на него раскопом 2006–2007 гг. Горизонтали проведены через 0,5 м.

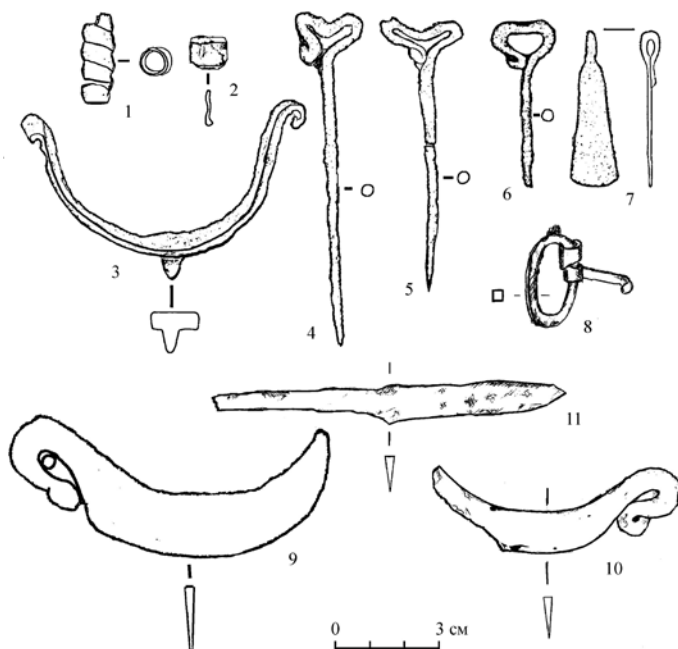

Рис. 4. Находки из раскопок поселений Горка и Горка-10: 1 – спираль; 2 – фрагмент пластинчатого браслета; 3 – шпора; 4-6 – булавки; 7 – привеска; 8 – пряжка; 9, 10 – бритвы; 11 – нож. 1, 2 – бронза; 3-11 – железо.

Рис. 5. Блоковидное кресало.

Рис. 6. Стекланные бусины из раскопок поселения Горка-10.

**С.Г. Попов, Т.А. Шаровская, З.Р. Румянцева. Биконические
пряслица с поселений второй половины I тыс. н.э.
среднего Поплюсья**

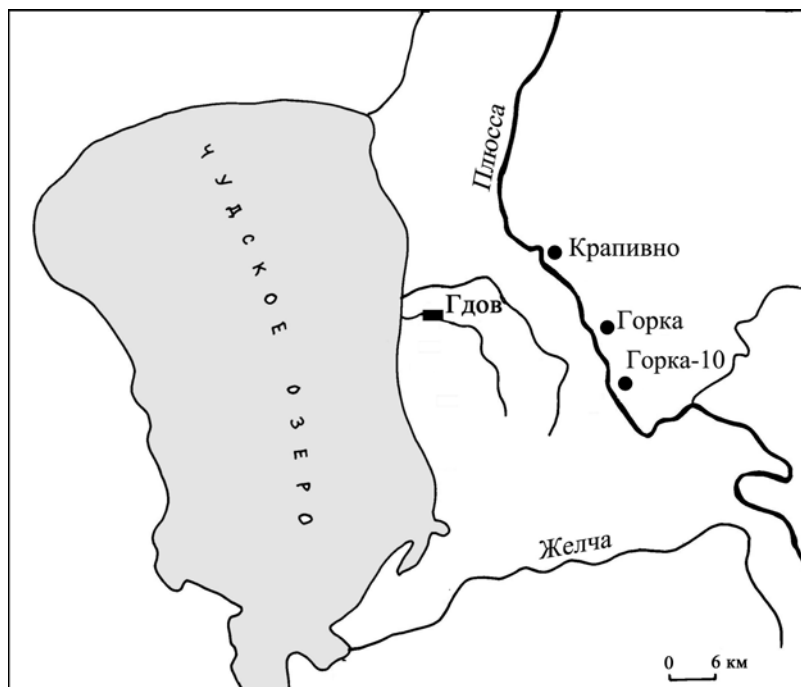

Рис. 1. Схема расположения памятников 2 пол. I тыс. с находками биконических глиняных пряслиц на средней Плюссе.

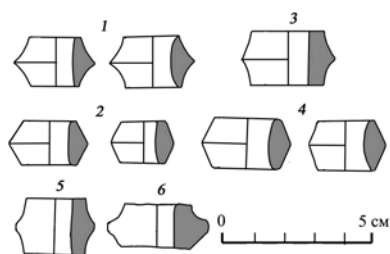

Рис. 2. Подтипы биконических пряслиц с поселения Горка.

Рис. 3. Пряслица с поселения Горка.

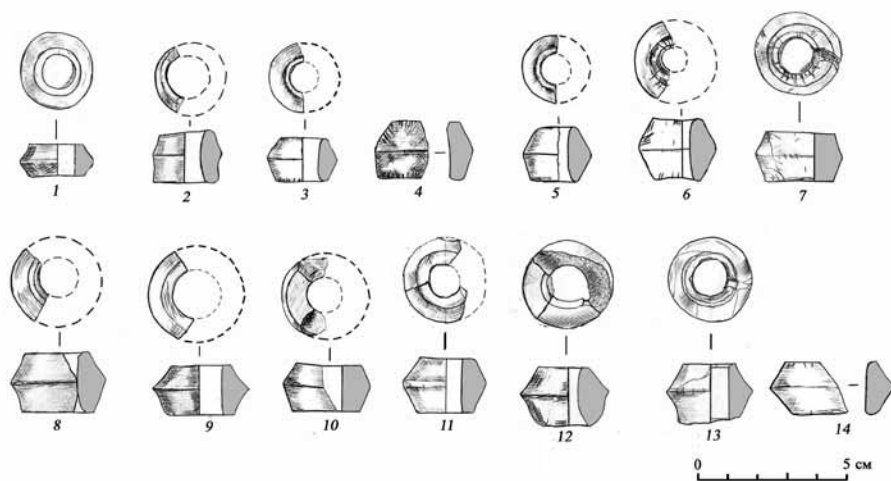

Рис. 4. Рисунки биконических пряслиц и их фрагментов с поселения Горка-10.

Рис. 5. Типологические приемы изготовления глиняных пряслиц.

Таблица 1. Распределение пряслиц по вариантам, согласно слоям поселения Горка.

Горизонты, комплексы	Варианты (подтипы)					Примечания
	1	2	3	4	5	
I строит. горизонт, гл. 0,1-0,2 м	2	1				1 фр-т (нечетких форм, не определяется)
II строит. горизонт, гл. 0,2-0,3 м	3	5	2+2*	1	1	1 уплощенное, 1 уплощенное со следами работы пальцами, 1 со слабо выраженным ребром и выпуклыми гранями.
III строит. горизонт, гл. 0,3-0,4 м	2	4	3	2	1	
IV строит. горизонт, гл. 0,4-0,5 м	4					1 подцилиндрическое с валиком
комплекс в материке					1	
Всего:	11	10	7	3	3	

А. Лиллак. Новые датировки городище Рыуге

Рис. 1. Городище Рыуге. Раскопки в 2008 г.

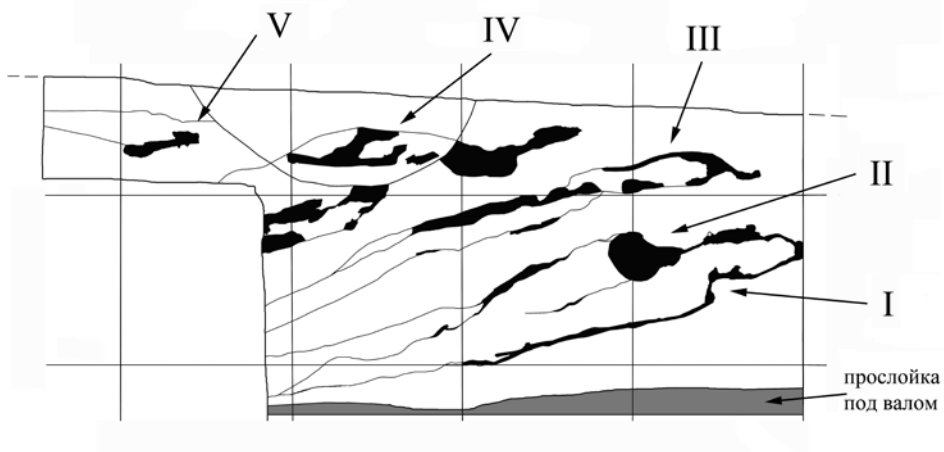

Рис. 2. Восточный вал городища. Пробный раскоп А, южный профиль.

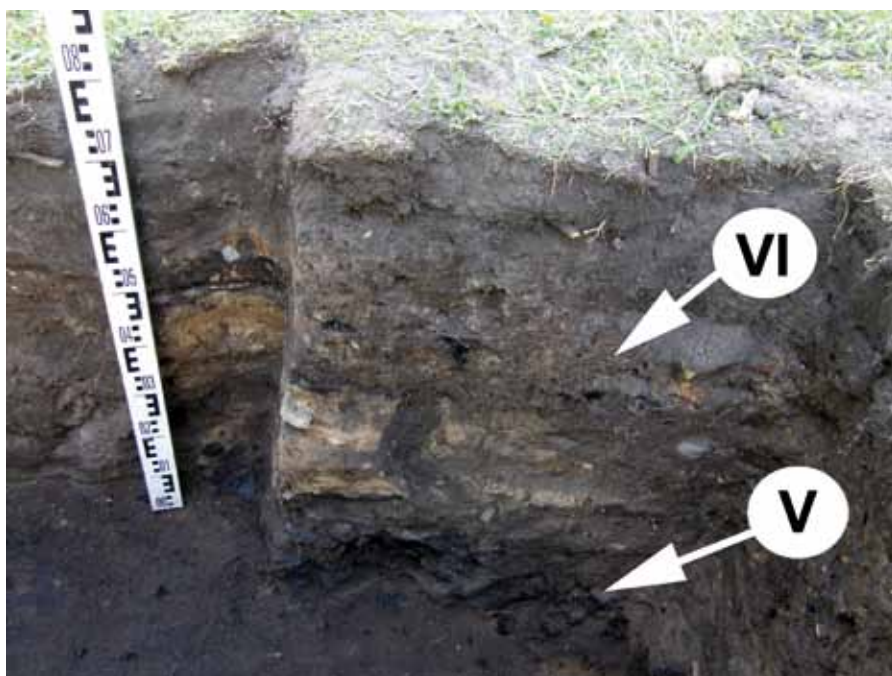

Рис. 3. Пробный раскоп В, восточный профиль.

Х. Валк. Новая попытка интерпретации жальничных погребений

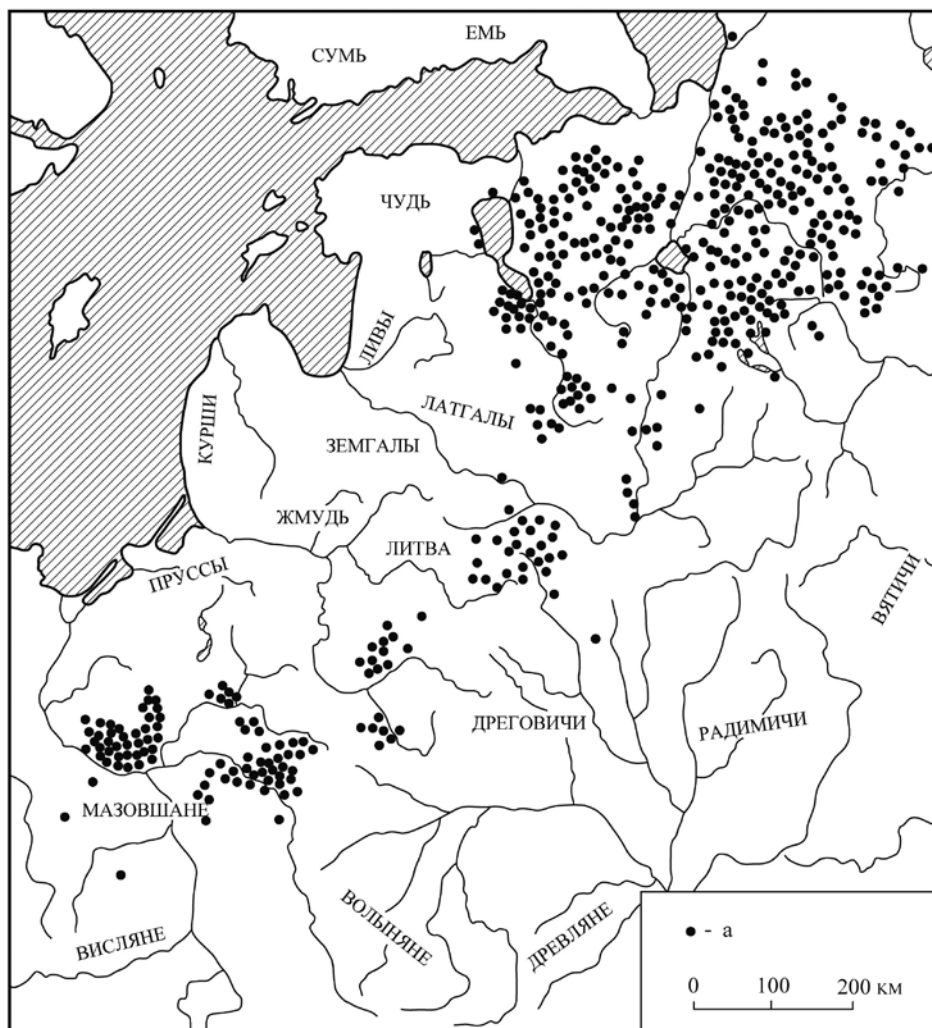

Рис. 1. Распространение жальников по В.В. Седову.

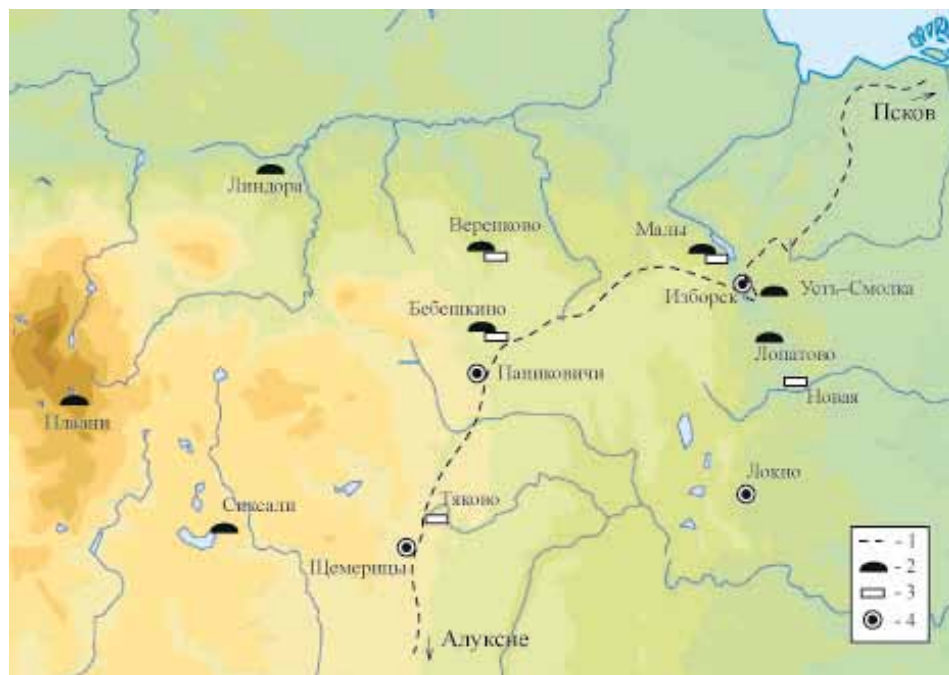

Рис. 2. Археологически изученные ранние жальники и поздние курганы: 1 – дорога Псков–Изборск–Алуксне, 2 – курганы, 3 – жальники, 4 – ранний погост.

Рис. 3. Жальник в могильнике у д. Виски.

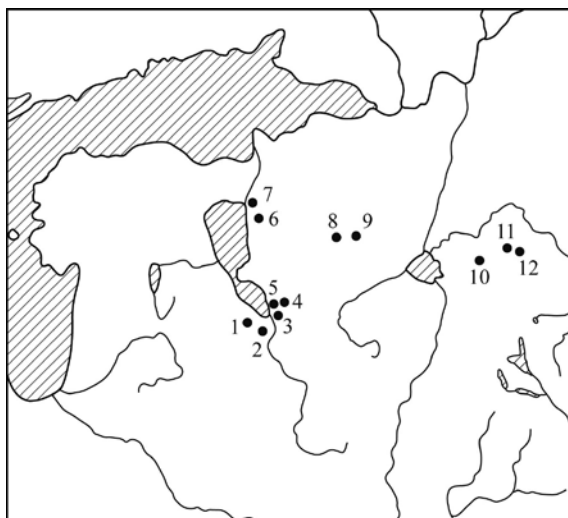

Рис. 4. Распространение ранних жальников по В.В. Седову (2000а, рис. 2): 1 – Верепково, 2 – Новая, 3 – Муровичи, 4 – Кривовицы, 5 – Жидилов Бор, 6 – Верхоляны, 7 – Малые Поля, 8 – Конезерь, 9 – Удрай-II, 10 – Нестеровичи, 11 – Бор, 12 – Рашутино.

Н.А. Плавинский. Курганный могильник Погоща в контексте окняжения северо-западных регионов Полоцкого княжества

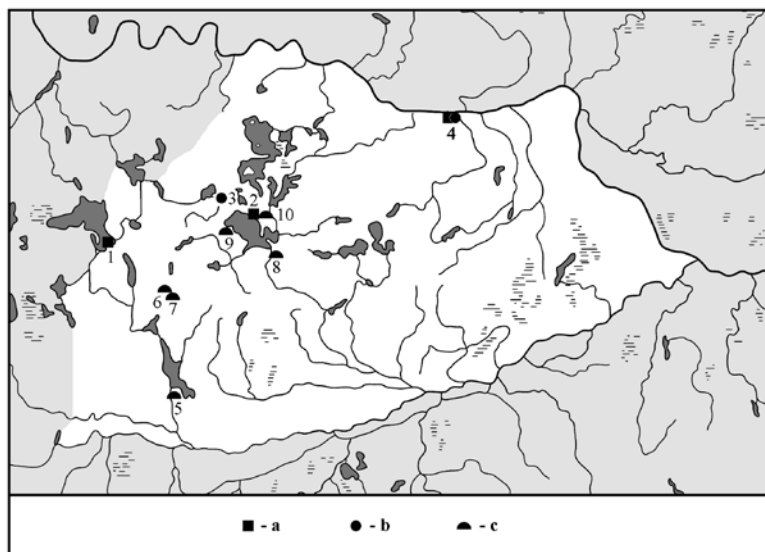

Рис. 1. Археологические памятники Браславского Поозерья конца I тыс. н.э.: 1 – Дрисвяты, 2 – Браслав, 3 – Зазоны, 4 – Прудники, 5 – Устье (Богоино), 6 – Опса, 7 – Довбор, 8 – Бельмонты, 9 – Рацкий Бор, 10 – Заборные Гумна (а – городище с материалами КСПДК, б – селище с материалами КСПДК, с – курганный могильник КСПДК).

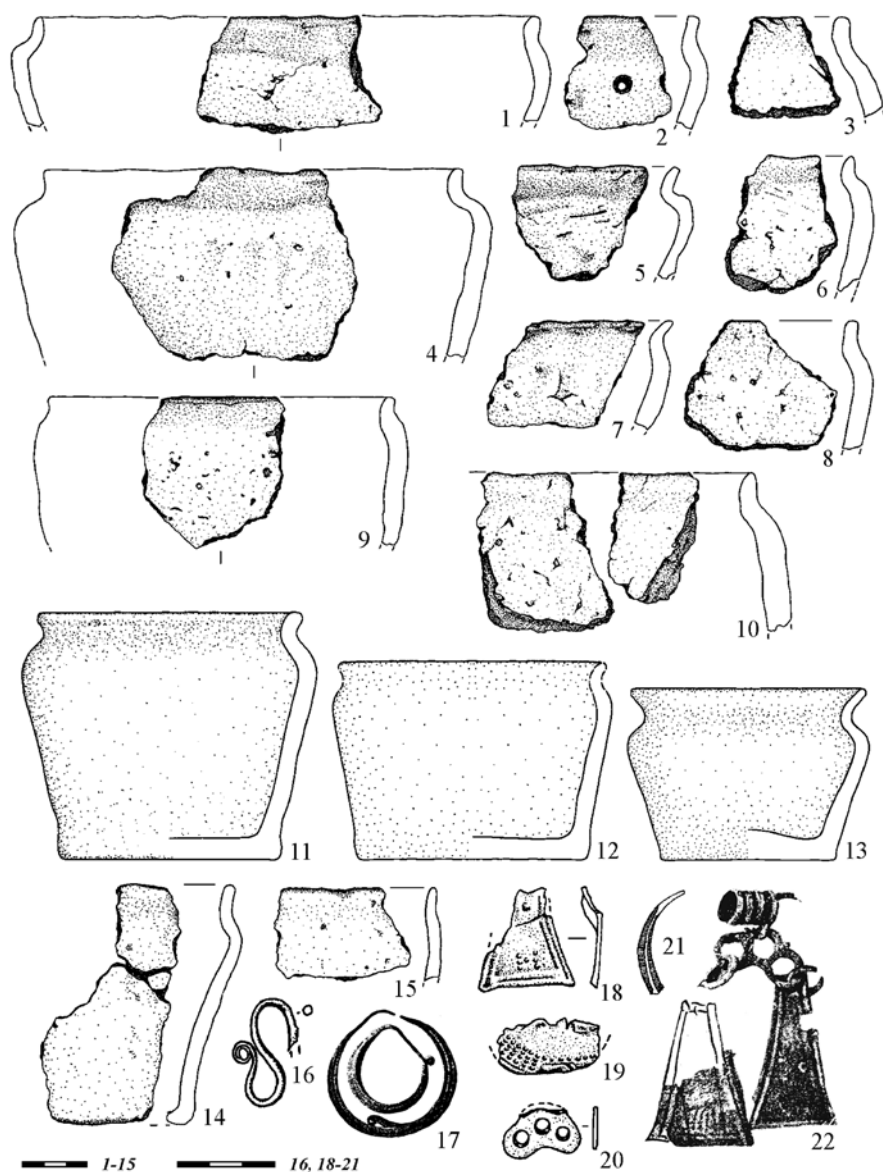

Рис. 2. Материалы культуры смоленско-полоцких длинных курганов с памятников Браславского Поозерья: 1-10 – Браслав, 11-13, 18-22 – Устье (Богоино), 14-16 – Рацкий Бор, 17 – Бельмонты (16, 18-20 – по Л.В. Дучиц и В.И. Шадыро, 17, 22 – по Ф.В. Покровскому, 21 – по В.В. Енукову).

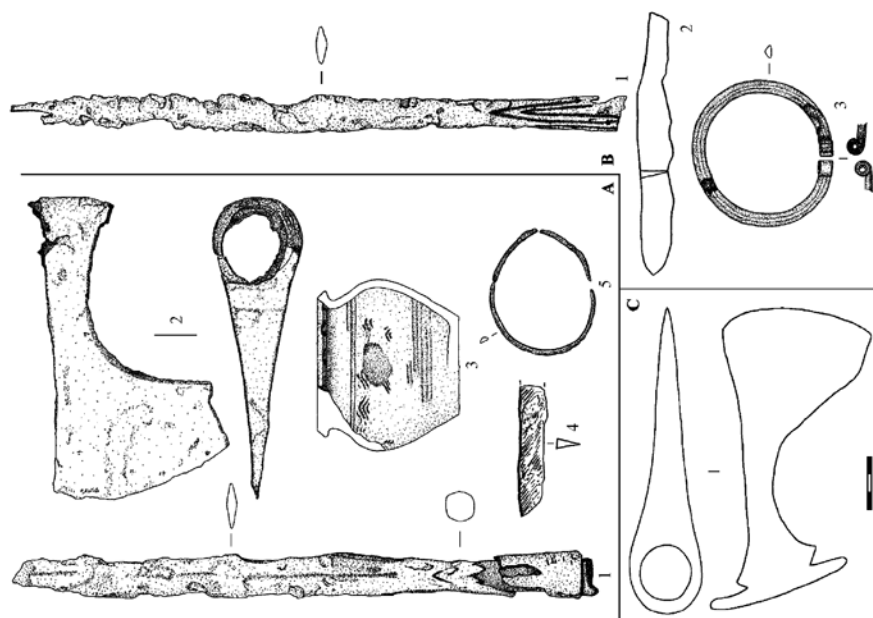

Рис. 4. Предметы вооружения из погребений по обряду ингумации в могильниках богинско-дриягского микрорегиона КСПДК: А – Устье, к. 61, В – Рацкий Бор, к. 1, С – Опса, к. 4/16 (А4, В2 – по Л.В. Дучиц, С – по А.Н. Плавинскому).

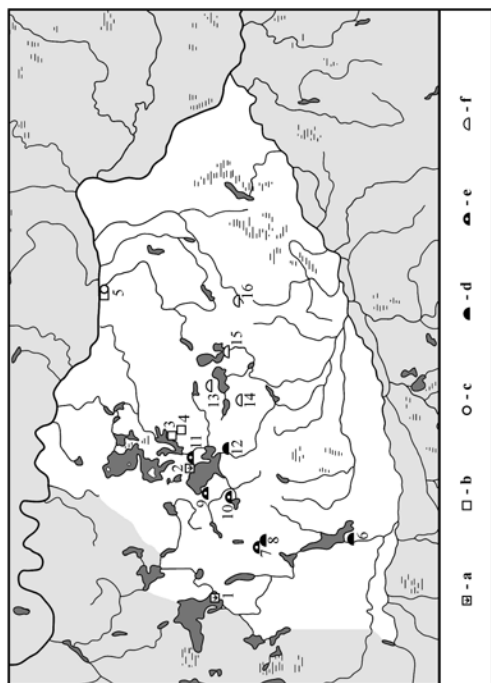

Рис. 3. Археологические памятники Браславского Поозерья рубежа X–XI вв.: 1 – Дрисвяты, 2 – Браслав, 3 – Масковичи, 4 – Рагоньки, 5 – Прудники, 6 – Устье (Богинь), 7 – Опса, 8 – Довбор, 9 – Рацкий Бор, 10 – Потоца, 11 – Заборные Гумна, 12 – Бельмонты, 13 – Укля, 14 – Кузьмовщина, 15 – Лесная, 16 – Кубищина (а – городище с материалами КСПДК, на месте которого возникла древнерусская крепость, б – древнерусская крепость, с – селище с древнерусскими материалами, d – курганный могильник КСПДК с дружинными погребениями, e – древнерусский курганный могильник).

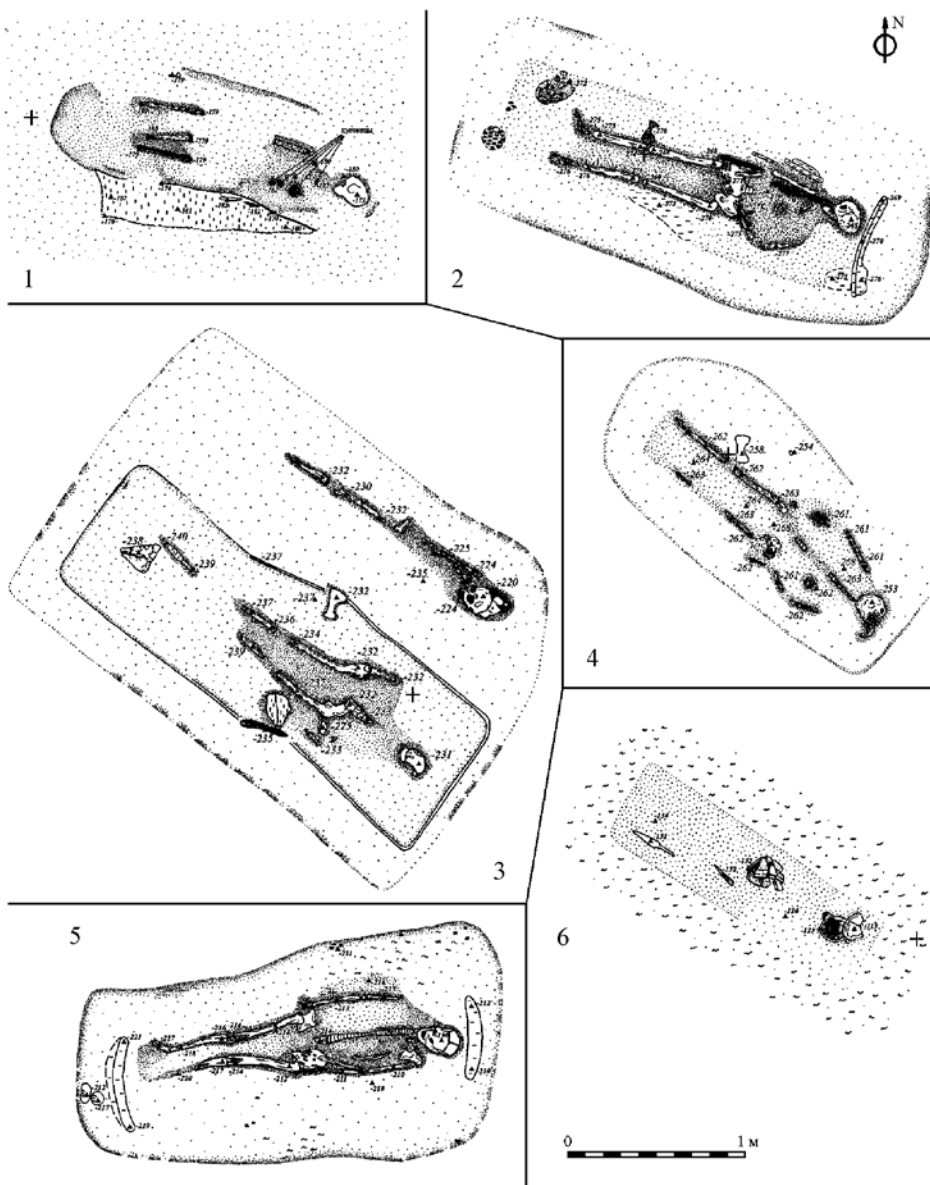

Рис. 5. Курганный могильник Погоща. Мужские погребения по обряду ингумации: 1 – курган 1; 2 – курган 10; 3 – курган 12, погребения 2 и 3; 4 – курган 14; 5 – курган 15; 6 – курган 6.

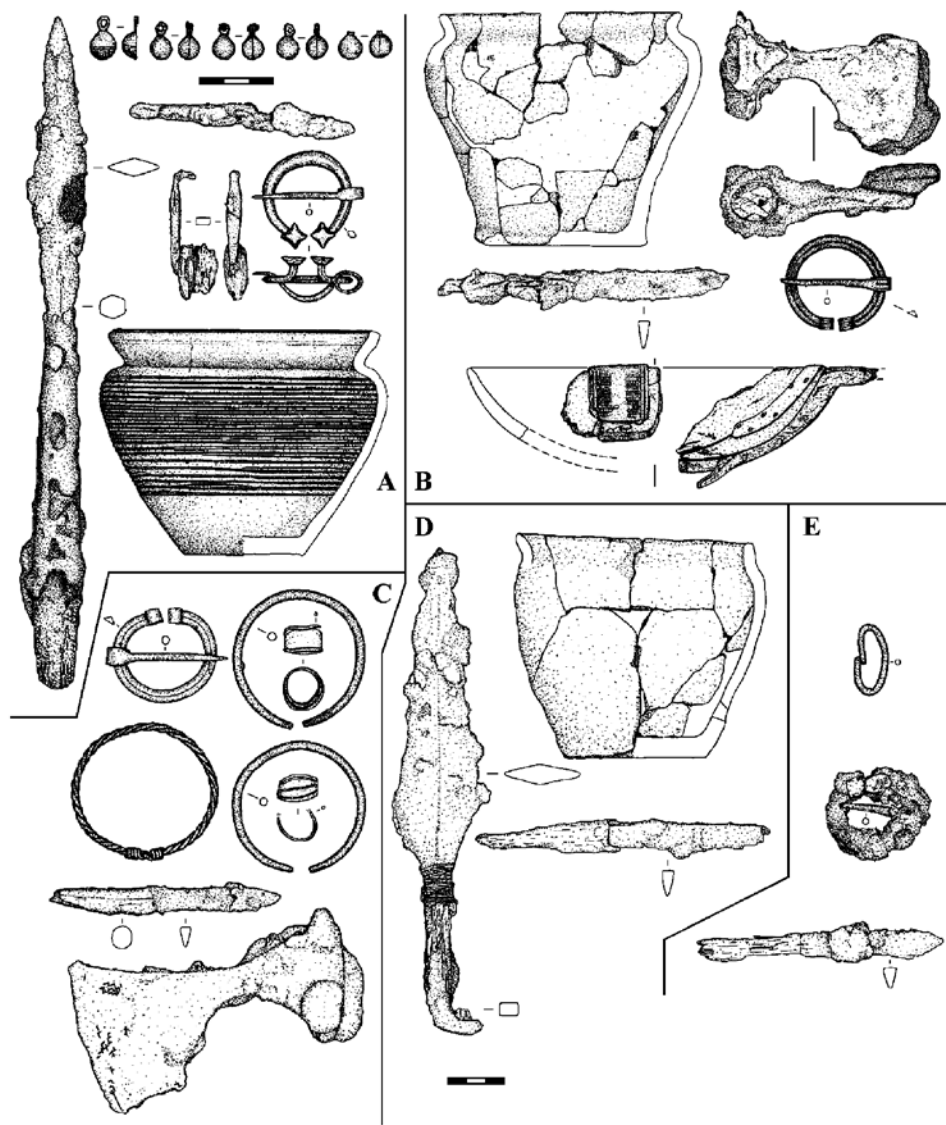

Рис. 6. Курганный могильник Погоща. Погребальный инвентарь: *A* – курган 1, *B* – курган 10, *C* – курган 14, *D* – курган 6, *E* – курган 15.

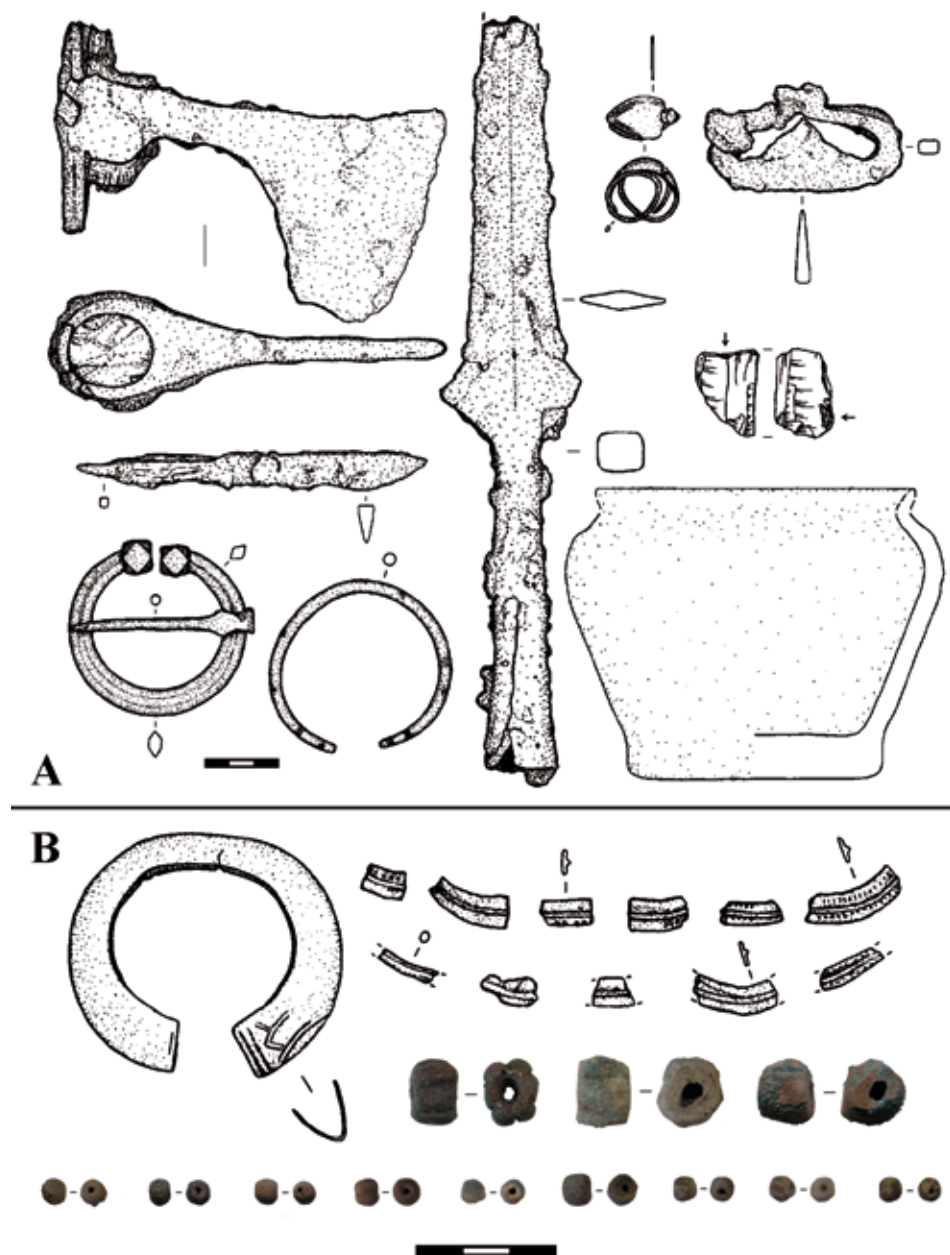

Рис. 7. Курганный могильник Погоща. Погребальный инвентарь кургана 12: *А* – погребение 2, *В* – погребение 1).

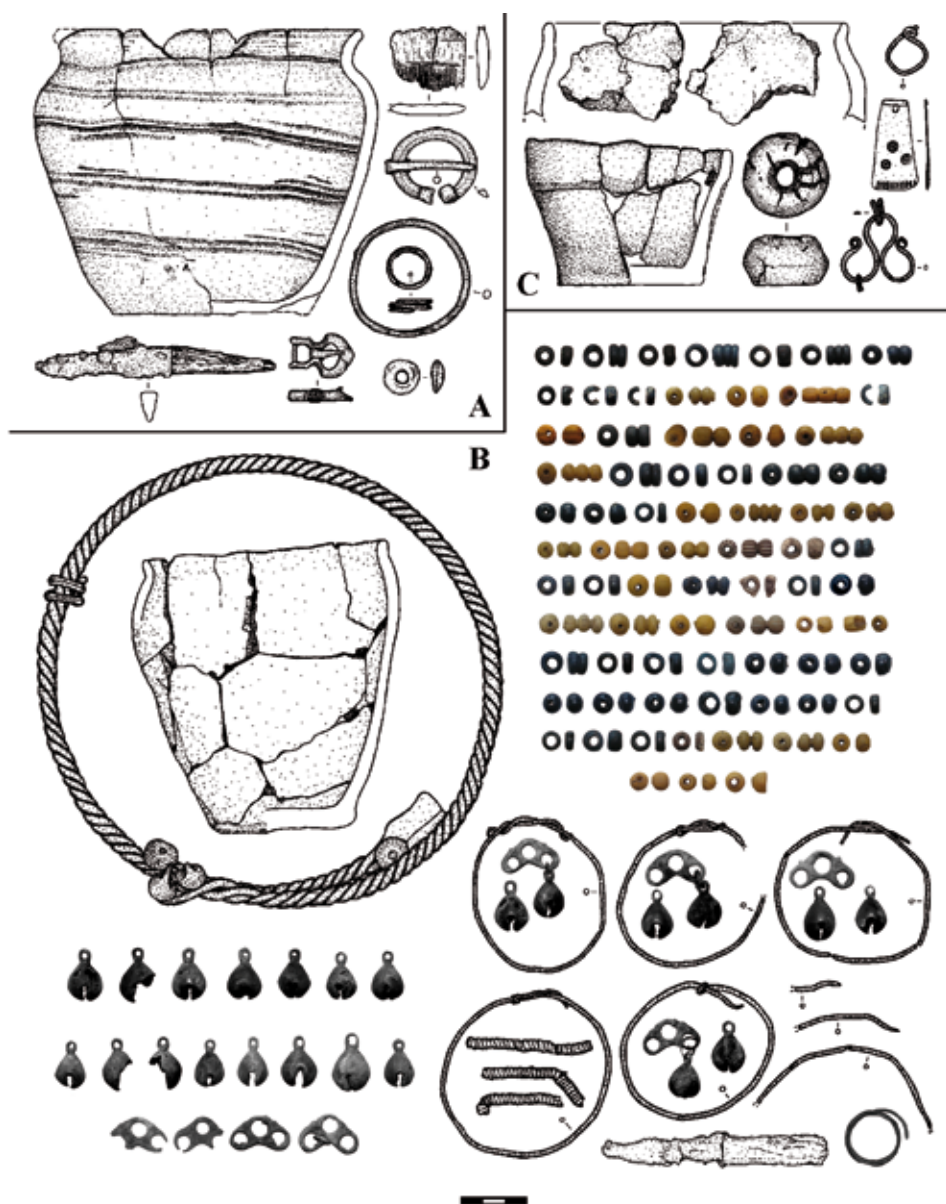

Рис. 8. Курганный могильник Погоща. Погребальный инвентарь курганов 7 (А – погребение 1, В – погребение 2) и 8 (С).

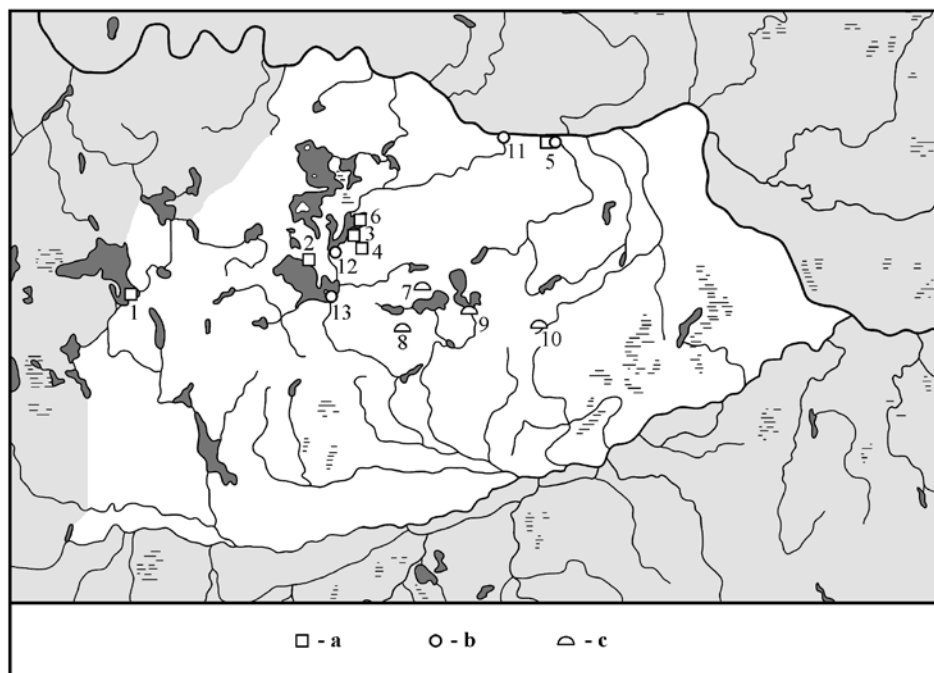

Рис. 9. Археологические памятники Браславского Поозерья 2-й пол. XI – XIII вв.: 1 – Дрисвяты, 2 – Браслав, 3 – Маскавичи, 4 – Ратюнки, 5 – Прудники, 6 – Слободка, 7 – Укля, 8 – Кузьмовщина, 9 – Лесная, 10 – Кублищина, 11 – Друя, 12 – Монастырь, 13 – Ушино (а – древнерусская крепость, б – древнерусское селище, с – древнерусский курганный могильник).

Т. Берга. Новейшие исследования средневекового города Валмиеры

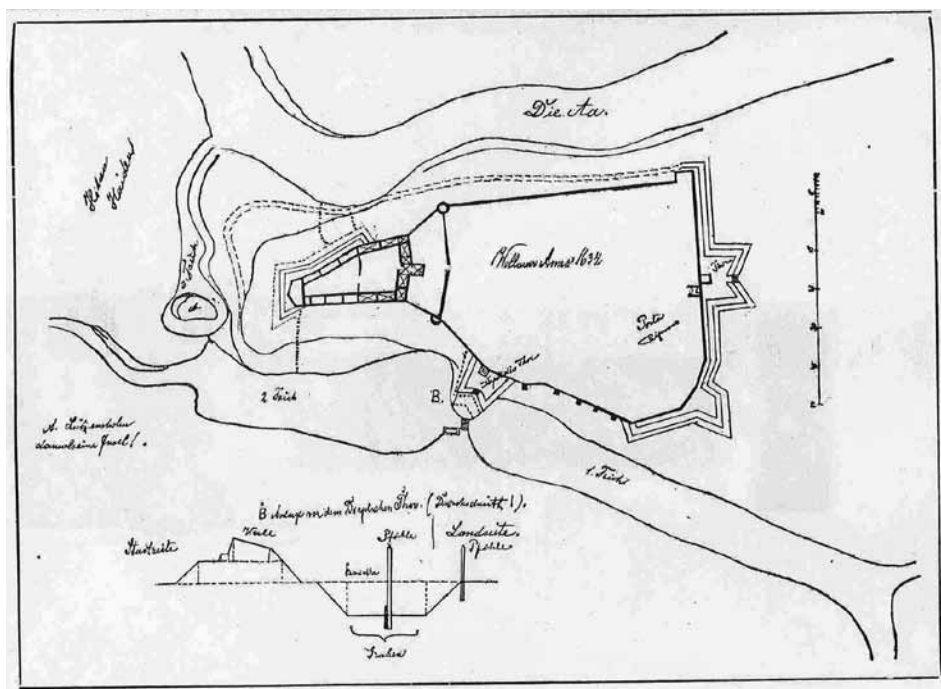

Рис. 1. План Валмеры 1634 г. Автор Улоф Эрнехувуд.

Рис. 2. Часть северной крепостной стены города с бойницей и шурф.

Рис. 3. Мостовая рядом с северной крепостной стеной.

а)

б)

Рис. 4. Бронзовая ракушка – жетон пилигримов, совершивших пономничество в монастырь Сантьяго де Компостелло в Испании, XV–XVI вв.

Рис. 5. Раскоп 2. Фундамент постройки конца XIV–XV вв.
На переднем плане фундамент постройки XIX в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	– Археологические вести. СПб.
АГИС	– Археолого-географическая информационная система
АИП	– Археологическое изучение Пскова
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова
АН СССР	– Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АОС	– Архангельский областной словарь
АНО ПАЦ	– Автономная некоммерческая организация «Псковский археологический центр»
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
БГУ	– Белорусский государственный университет. Минск
ВООПИК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАЗ	– Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГИС	– Географическая информационная система
ГУК	– Государственное учреждение культуры
ЗАО	– Закрытое акционерное общество
ЗОРСА РАО	– Записки Отдела русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАН ЭССР	– Известия Академии наук Эстонской Советской Социалистической Республики
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИИ НАН	– Институт истории НАН Беларуси
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛЕНГИПРОГОР	– Ленинградский государственный институт проектирования городов
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАМЮ	– Московский архив Министерства юстиции
МАР	– Материалы по археологии России
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НАН	– Национальная академия наук
НГОМЗ	– Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИС	– Новгородский исторический сборник
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля: история и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород
НОС	– Новгородский областной словарь

НПЛ	– Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРЛ, т. III. М., 2000
ОКН	– Объекты культурного наследия
ООО	– Общество с ограниченной ответственностью
ПАО	– Псковское археологическое общество
ПАЦ	– Псковский археологический центр
ПАВ	– Петербургский археологический вестник. СПб.
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПГОИАХМЗ	– Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПЛ	– Псковские летописи. Вып. 1., М.-Л., 1941; Вып. 2. М., 1955
ПОС, выпуск	– Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-20... Л. / СПб., 1967-2008...
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология. М
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГНФ	– Российский государственный научный фонд
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СГЭ	– Сборник Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
СлРЯ XI-XVII вв., выпуск	– Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1-28... М., 1975-2008...
СлПЛ XV–XVII вв., выпуск	– Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1-2... М., 2003-2005...
СлРЯ XVIII в., выпуск	– Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1-17... Л. / СПб., 1984-2008...
СМИ	– Средства массовой информации
СПЛ	– Софийская первая летопись старшего извода. ПСРЛ, т. VI, вып. 1. М., 2000
СРГС	– Словарь русских говоров Сибири
СРНГ	– Словарь русских народных говоров. Вып. 1-41 ... М.-Л. / Л. / СПб., 1965-2007 ...
СУБД	– Система управления базами данных
ТАС	– Тверской археологический сборник
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
УМ	– Управление механизации
ФГУП	– Федеральное государственное унитарное предприятие
ФЦП	– Федеральная целевая программа
AR 2	– Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. Bd. 2: 1494-1535. Riga, 1908
AR 3	– Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. Bd. 3: 1494-1535. Riga, 1910
HR 3	– Hanserecesse. Abt. 3: 1477-1530. Bd. 3-4. Leipzig. 1888-1890
LEKUB 2	– Liv-, Estund livländischen Ständetage. Abt. 2. 3. Bd. Riga-Moskau, 1900-1910
LGU I	– Hermann Bruining, Nikolaus Busch. Livländische Güterkunden (aus den Jahren 1207 -1500). Riga 1908, N 252 un 619

Археология и история Пскова и Псковской земли

Семинар имени академика В.В. Седова

Материалы 55-го заседания,
посвященного юбилею профессора И.К. Лабутиной
(13-15 апреля 2009 года)

Научное издание

Техническое редактирование и верстка: Б.Н. Харлашов.
Обложка: Н.С. Сафронова.

Учреждение Российской академии наук Институт археологии РАН.
117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Подписано в печать 29.10.2010. Формат 70х100 $\frac{1}{16}$, Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ.л. 25,35. Уч.-изд.л. 30,5. Тираж 1000 экз.
Заказ № ...

Отпечатано согласно предоставленной электронной версии
в ГППО «Дом печати»,
180007, г. Псков, Рижский пр., 17.

